В.И. КРИВУТЬ

МОЛОДЁЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1929-1939 гг.)

УДК 329. 78(476)(091) «1929/1939»
ББК 66. 75 (4 Беи)
К 82

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя,
кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович,
кандидат исторических наук, доцент Л. С. Одинец

Книга посвящена проблемам идеологии, создания и развития молодёжных союзов и объединений, которые существовали на территории Западной Беларуси в 1929 – 1939 гг. Раскрываются основные направлении деятельности проправительственных, демократических, революционных и национально-демократических организаций молодёжи.

Предназначено для учёных, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей Беларуси.

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2012
© PDF: Камунікат.org, 2012

ВВЕДЕНИЕ.

Изучение участия молодёжи в общественно-исторической практике, выяснение места и роли молодёжных организаций в политической жизни будет всегда сохранять научную и практическую актуальность. Молодёжь является важной социально-демографической группой в общественной структуре, а молодёжные организации позволяют молодому поколению стать субъектом активной политической деятельности, экономической и культурной сферы жизни общества, области межнациональных отношений. Поэтому существует необходимость изучения истории деятельности молодёжных организаций, в том числе и на территории западно-белорусского региона.

Межвоенный период был сложным временем для Западной Беларуси, которая в результате польско-советской войны и по условиям Рижского мирного договора была включена в состав возродившегося польского государства. Вплоть до сентября 1939 г. она принадлежала Польше в качестве окраинных территорий в составе Виленского, Новогрудского, Полесского и, частично, Белостокского воеводств общей площадью более 100 тыс. км кв. и населением более 5 млн. человек. Значительную часть этого населения составляла молодёжь. Трудно говорить об абсолютных числах. Но если оперировать общепольскими данными переписи 1931 г., то можно согласиться с тем, что в Западной Беларуси на начало 30-х годов прошлого века проживало около 1 млн. молодёжи в возрасте 15-24 лет. Западная Беларусь являлась отсталым аграрно-сырьевым придатком польского государства, что отрицательно отражалось на положении населения. Особенно ярко это проявилось в годы мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. В наиболее тяжёлом положении оказалась западно-белорусская деревня, где проживало более 80 % всего населения. Крестьяне, в первую очередь молодёжь, страдали от безземелья, перенаселения деревни и налогового гнёта. В городах, из-за спада в промышленности, наблюдался рост безработицы. В 30-е годы шло ужесточение авторитарных тенденций в политической жизни польского государства. Политика режима санации (оздоровления) непосредственно затрагивала права и интересы молодого поколения. Так, согласно конституции 1935 г. возрастной избирательный ценз повышался до 25 лет. Фактически большая часть молодёжи лишалась права голоса. Остро стоял и национальный вопрос. Белорусская молодёжь была лишена образования на родном языке – к 1939 г. были ликвидированы все белорусские школы. Действовавшие же государственные школы являлись очагами полонизации. В единственном вузе региона, виленском университете, студентов-белорусов было (в середине 30-х гг.) лишь 1, 5 процента.

Именно в этих условиях в регионе действовал ряд молодёжных союзов. На рубеже 20-30-х гг. организационно и идейно оформились ведущие

течения в молодёжном движении, что способствовало его активизации на территории Западной Беларуси. Активизации молодёжных союзов способствовал и экономический кризис 1929-1930 гг. В связи с кризисом началось активное включение молодёжных организаций в общественно-политическую борьбу населения региона. Период 1929-1939 гг. был насыщен событиями в истории молодёжных объединений, деятельность которых стала неотъемлемой частью социально-политической жизни Западной Беларуси.

Темой исследования и является освещение этой деятельности. Выбор темы обусловлен тем, что должного изучения эта проблема в отечественной историографии не получила, за исключением деятельности КСМЗБ. Научный анализ опубликованной литературы, многочисленных архивных материалов и документов позволил выявить основные проблемы, которые требуют всестороннего изучения, а также определить задачи, которые необходимо решить в рамках данного исследования.

Молодёжное движение было тесно связано с общественно-политической жизнью всего межвоенного польского государства в целом. Политические партии и группы вели активную борьбу за молодёжь. Поэтому при каждой партии или объединении к концу 20-х годов XX века существовали «свои» молодёжные союзы. Изучение деятельности проправительственных союзов позволяет определить основные направления и подходы правительственной молодёжной политики в регионе. Анализ многочисленных источников даёт возможность показать место и роль проправительственных объединений в планах властей, определить пути решения национальных вопросов, выявить идеологическую эволюцию, их пропагандистскую и общественно-культурную деятельность среди западно-белорусской молодёжи. Важное место при разработке проблемы занимают вопросы деятельности молодёжных союзов и организаций левой и демократической ориентации – КСМЗБ, Молодёжной Организации ТУР, «Цукунфта». Автор стремился, как можно более объективно подойти к анализу борьбы прогрессивного лагеря за молодое поколение, показать как его достижения, так и недостатки в работе с молодёжью. В последней части монографии рассматриваются клерикальное и национально-демократическое направления молодёжного движения. Основное внимание уделено такому мало изученному явлению, как участие молодёжи в белорусском национально-демократическом движении.

Изучение развития молодёжного движения в нынешних условиях несомненно является актуальным. Освещение этой проблемы не только позволяет дать более объективную картину общественной жизни западно-белорусского региона, но также представляет интерес в качестве примера практического осуществления идейно-воспитательной работы среди молодёжи, подготовки к включению молодого поколения в активную социально-политическую жизнь.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Проблема развития молодёжного движения в Беларуси нашла достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии. В данной главе автор делает попытку научного анализа достижений историков по очерченной проблеме и определения основных тенденций исследовательской практики в период с 30-х годов XX века вплоть до сегодняшних дней.

Первые публикации, в которых затрагивались вопросы молодёжного движения Западной Беларуси, появились непосредственно в 30-е годы. Среди наиболее значительных следует выделить вышедший в 1935 г. в Минске сборник «Политические партии Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины» [91]. Хотя главное внимание в сборнике уделяется деятельности основных политических партий польского государства, всё же определённое освещение нашла и тема молодёжных союзов. Подчёркивалось, что фактически каждая политическая группировка имела находившиеся под её влиянием молодёжные организации. Среди этих организаций основное внимание было уделено деятельности КСМП и КСМЗБ, а также санационных организаций «Стрелец», Легион Молодых и Союза Сельской Молодёжи «Сев», Молодёжной Организации ТУР, бундовского «Цукунфта», сионистских молодёжных союзов, клерикальных молодёжных объединений. В сборнике кратко показаны основные направления деятельности этих союзов, анализируются их идейные установки, социальный состав, а также степень распространения их влияния на молодёжь. Особо отмечается, что в ряде организаций в первой половине 30-х годов шёл процесс радикализации, наблюдался рост симпатий к революционному движению. Однако следует отметить, что сборник написан с позиций воинствующей коммунистической идеологии и тенденций того времени, когда все не коммунистические организации трактовались как вражеские, а их деятельность считалась вредной для интересов трудящейся молодёжи. Это значительно снизило научную ценность помещённых в сборнике статей.

Следует отметить, что серьёзное влияние на изучение не только молодёжного движения, но и всей и Западной Беларуси в этот период оказали общественно-политические условия второй половины 30-х годов. После того как были распущены КПП и КПЗБ научные исследования прекратились.

Определённые наработки по проблеме имелись и у польских исследователей довоенного периода. Молодёжное движение рассматривалось ими как часть общественно-политической жизни 2 Речи Посполитой. Так, в работе А. Селимовского «Польские легальные политические партии. Популярный очерк» [162] деятельность молодёжных организаций рассматривается в тесной связи с деятельностью политических партий

Польши. Автор, характеризуя генезис и программные установки санационного Беспартийного Блока, Национальной Демократии, ППС, Сторонництва Людовего и других существовавших легальных партий, подчёркивает, что все они стремились распространить своё влияние на молодое поколение и поэтому имели свои молодёжные «филиалы». Особо следует отметить, что А. Селимовский большое внимание уделяет радикализации молодёжных союзов, которые обгоняли в этом процессе патронирующие их политические партии.

Другой польский автор, А. Прушковский в своей работе «Общественный проводник», вышедшей в Варшаве в 1934 г. [159] освещает основные идейные и организационные установки фактически всех легальных общественных и политических организаций польского государства, деятельность которых охватывала и территорию Западной Беларуси. Отдельные главы исследования специально посвящены студенческим «идейно-воспитательным» организациям, а также соответственно объединениям школьной, деревенской и рабочей молодёжи. Причём рассматривалась идеология не только проправительственных союзов, но и оппозиционных. Однако авторские оценки страдают недостаточной объективностью, что было следствием жёсткой правительственной цензуры. Тем не менее, данное издание позволяет составить всестороннюю картину многообразия молодёжного движения межвоенной Польши.

С нашей точки зрения интерес представляет документация и публикации ряда воеводских отделений обще-польских организаций. К ним можно отнести ежегодные отчёты Полесского воеводского ССМ, выходившие в 30-е годы в Бресте [164-167] и позволяющие проследить численный рост организации на протяжении ряда лет, источники финансирования и направления конкретной деятельности Союза Сельской Молодёжи «Сев» в Полесском воеводстве. Особенности идейно-воспитательной работы проправительственных союзов позволяет представить вышедшая в 1937 г. в Бресте «Программа для возрастных воспитательных групп в отделах Стрелецкого Союза в области гражданского воспитания» [158]. В ней подробно раскрываются цели и задачи проводившихся «Стрельцом» государственного, профессионального и культурного воспитания своих рядовых членов. При изучении студенческого движения в виленском университете имени С. Батория большое значение имеет «Ежегодник университета» [161], в котором постоянно публиковались данные о действовавших на территории вуза студенческих союзах и объединениях.

Значительную ценность для изучения белорусского национально-демократического движения имеют материалы западно-белорусской прессы. В первую очередь это журналы «Шлях моладзі» [102-128], «Новая варта» [152-154] и «Золак» [56, 57]. Публикации в этих журналах позволяют проследить

основные моменты формирования и становления движения молодых белорусских национал-демократов, главные течения в их среде, их идейные и теоретические установки.

Новый этап в изучении молодёжного движения западно-белорусского региона, прежде всего истории КСМЗБ, начался в отечественной историографии со второй половины 50-х годов, после реабилитации КПП, КПЗБ и КПЗУ. Это событие стимулировали не только изучение истории партии, но и истории коммунистического молодёжного движения. История комсомола Западной Беларуси стала самостоятельным исследовательским направлением. За КСМЗБ закрепился статус «боевого помощника партии» в борьбе трудящихся против буржуазно-помещичьего строя.

Первые научно-популярные публикации были подготовлены бывшим комсомольским лидером С. Анисовым. В его научно-популярных книгах «З гісторыі камсамольскага падполля Заходняй Беларусі» Мн. 1958 [36] и «Крутымі шляхамі. Запіскі камсамольскага работніка-падпольшчыка» Мн. 1960 [37] освещалось не только развитие коммунистического молодёжного движения в регионе, но и борьба КСМЗБ за молодое поколение с другими молодёжными союзами. Автор также затрагивает вопросы создание прокоммунистического Союза Студенческой Левицы «Фронт», показывает противостояние комсомольского подполья и польской полиции, приводит примеры участия комсомола в борьбе за школу на родном языке. В своих работах С.Анисов оценивал противников КСМЗБ как вражеские организации, которые ничего позитивного не дали западно-белорусской молодёжи.

Для изучения проблемы представляют интерес сборники документов и воспоминаний участников революционного и национально-освободительного движения. Их публикация началась еще в 50-х годах. Так, в 1958 г. вышел сборник «У суровыя гады падполля» [99], в 1966 г. в Вильнюсе был издан сборник «Вильнюсское подполье» [50], в 1973 г. «Годы испытаний и мужества» [52]. В этих изданиях содержались, в том числе и воспоминания активных деятелей комсомола Западной Беларуси - С. Притыцкого, И. Григулевича, Я. Друтто, С. Анисова, К. Петрусевича и других. Богатый материал содержится в сборнике документов и материалов «Революционный авангард трудящейся молодёжи Западной Белоруссии (1921 – 1939)» [95]. В нём собраны интересные документы и материалы из архива Института истории партии при ЦК КПБ, госархивов Брестской и Гродненской областей. Опубликованные материалы позволяют иметь общее представление о развитии молодёжного коммунистического движения в западно-белорусском регионе.

Деятельность КСМЗБ нашла своё отражение и в ряде монографий вышедших в 60 – 70-е годы. Прежде всего, в работах А. Н. Мацко, посвящённой борьбе трудящихся с угрозой фашизма [77], и В. А. Полуяна о

развитии революционно-демократического движения в Западной Беларуси [92]. В этих работах авторы не ставили своей целью освещение молодёжного движения. Тем не менее, в этих изданиях уделяется внимание взаимодействию КСМЗБ и КПЗБ в ходе революционной борьбы в регионе. Авторы обращают внимание и на работу КСМЗБ среди молодой интеллигенции – в монографиях А.Н. Мацко и В.А. Полуяна достаточно подробно освещается деятельность студенческой организации «Фронт».

Таким образом, в отечественной историографии накоплен некоторый опыт изучения КСМЗБ. Деятельность других молодёжных организаций замалчивалась или же оценивалась крайне отрицательно.

Некоторые достижения в изучении молодёжной проблематики имеются в польской историографии. В этой связи следует отметить вышедший в 1971 г. под редакцией Ч. Козловского «Словарь молодёжных организаций Польши 1918-1970 гг.» [163]. В данной работе представлены фактически все общепольские и региональные организации, в том числе и КСМЗБ. Среди общепольских организаций, действовавших и на территории Западной Беларуси, большое внимание уделено Молодёжной Организации ТУР, Союзу Сельской Молодёжи «Вици», а также наиболее крупным санационным организациям – Стрелецкому Союзу, Союзу Польской Демократической Молодёжи, Легиону Молодых. В издании в энциклопедическом ключе показана краткая история молодёжных союзов, проанализированы их программные документы и идеологические установки. Данная работа представляет интерес, прежде всего как справочное издание. Хотя, на наш взгляд, в ней присутствует переоценка влияния левых организаций и групп на молодёжь и резко отрицательное отношение к их политическим противникам. Тем издание помогает проследить общие тенденции развития молодёжного движения Польши в межвоенный период.

Более подробно освещается молодёжное движение в работе Б. Хиллебрандта «Польские молодёжные организации в XIX и XX веках: очерк истории» [144]. Автор сумел выделить основные идейные течения, которые оказывали наибольшее влияние на молодёжь. Исследователь акцентирует внимание на клерикальном, праворадикальном, санационном, социалистическом и коммунистическом направлениях, имевших значительное распространение в молодёжной среде межвоенной Польши.

Интерес представляют работы польских авторов, в которых показано участие студенчества польских вузов в общественно-политической жизни. Так, в работе Е. Филипайтиса «Академическая Левица в Вильно» [142] раскрывается процесс создания и деятельности прогрессивной студенческой организации «Фронт». Автор анализирует обстановку в виленском университете, показывает радикализацию студенчества, издательскую

деятельность «Фронта», участие его членов в борьбе за создание единого фронта.

Основные течения в студенческой среде, их генезис и эволюцию в 30-х годах проследил в своей монографии «Студенческое политическое движение в Польше 1932 – 1939 гг.» А. Пилых [156]. Ценность работы в том, что в ней глубоко и подробно освещается студенческая жизнь в виленском университете. Автор приводит данные о классовом и национальном составе студенчества, на конкретных примерах показывает деятельность многих организаций, участие студентов в борьбе за академическую автономию и социальные права. Положительным является то, что в исследовании автор обращает внимание и на деятельность организаций студентов-белорусов, прежде всего Союза Студентов Белорусов (ССБ). Следует заметить, что деятельность студентов-белорусов нашла отражение и в работе А. Пильха, посвящённой анализу студенческой печати [157]. Польский исследователь уделяет особое внимание анализу белорусских молодёжных изданий «25 Сакавіка», «Новая варта» и «Студэнцкая думка».

Таким образом, польская историография времён ПНР накопила ценный опыт по изучению молодёжного движения. Однако использование марксистской методологии не позволяло всесторонне и объективно рассмотреть проблему.

Анализ историографии 90-х годов показывает, что для этого периода характерно ослабление интереса к изучению истории западно-белорусского молодёжного движения. Прежде всего, это касается КСМЗБ. Тем не менее, следует отметить, что деятельность комсомола и других молодёжных организаций затрагивается в разделах посвящённых Западной Беларуси во 2 томе «Нарысаў гісторыі Беларусі» [80] и 2 томе «Гісторыі Беларусі» [51]. Также необходимо отметить и то, что положение молодёжи и её участие в общественно-политической жизни региона нашло освещение в ряде книг историко-документальной хроники «Памяць», посвящённых западным районам Беларуси [84-90]. Так, в книге «Памяць. Валожынскі раён» содержатся воспоминания одного из создателей и издателей выходившего в 30-е годы в Вильно журнала «Шлях моладзі» И. Богдановича [85].

Несколько кратких статей, посвящённых КСМЗБ, Стрелецкому Союзу, ССМ «Сев», виленским молодёжным периодическим изданиям содержатся в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [129-131].

Следует отметить и публикацию Э. Р. Иоффе о развитии молодёжного сионистского движения [59], в которой впервые раскрываются идеология и задачи деятельности организации «Хашомер Хацаир». Однако наиболее полно развитие молодёжных сионистских организаций рассматривают зарубежные авторы. Прежде всего, это относится к английским исследователям П. Джонсону и В. Лакеру, чьи книги были переизданы в Москве в

2000 г. [55; 70]. Хотя эти авторы и не рассматривали непосредственно развитие сионистского движения именно в Западной Беларуси, тем не менее, их работы позволяют проследить основные этапы эволюции идеологии и практики таких еврейских организаций, имевших свои филиалы в западно-белорусском регионе, как «Бейтар», «Хехолуц» и «Хашомер Хацаир»

Большой комплекс документальных материалов содержится в архивах Республики Беларусь. Прежде всего, это касается фонда 242 п. Национального Архива РБ, в котором хранятся документы представительства КПЗБ при ЦК КП (б) Б. В первую очередь это материалы центральных органов КПЗБ, КСМЗБ, КИМ и ИККИ, затем отчёты окружных и районных комитетов КСМЗБ. Некоторый материал о молодёжном движении содержится в отдельных делах, тематически не связанных с КСМЗБ.

Основная масса архивных документов посвящена деятельности комсомола, его участию в политической и социально-экономической борьбе. Тем не менее, комсомольские и партийные документы позволяют составить представление и о деятельности не коммунистических молодёжных союзов. Эта деятельность рассматривается в рамках борьбы за молодое поколение, а со второй половины 30-х годов в ходе попытки создания единого фронта молодого поколения против фашизма. Так, в деле 465 содержится доклад «Вражеские организации» [24, 10-20], посвящённый деятельности таких санационных организаций как «Стрелец» и ССМ «Сев» и борьбе с ними комсомола. В названном деле имеется и материал Комиссии по изучению Западной Белоруссии при АН БССР «Роля і мэты Стралецкай арганізацыі», в который сообщает об основах идеологии, методах работы и численности «Стрельца» в западно-белорусском регионе. В отчётах ЦК КСМЗБ середины 30-х гг. неоднократно упоминается о деятельности белорусских национал-демократов среди молодёжи. Например, в деле 483 сообщается о контактах с молодыми национал-демократами из редакции журнала «Шлях моладзі» [29]. Материалы о молодёжном движении, в первую очередь о борьбе БХД и Центросоюза за белорусское студенчество и деятельности журнала «Шлях моладзі», содержатся в деле 435 [16]. Большой интерес в контексте изучения демократического движения молодой интеллигенции в Вильно в 30-е годы представляет дело 509 «Копии материалов процесса 11-ти в г. Вильно» [34]. Материалы дела посвящены суду над деятелями организации «Фронт».

Часть архивных документов была использована в ряде научных монографий и сборниках документов, посвящённых деятельности КСМЗБ и КПЗБ [95]. Тем не менее, существует необходимость дальнейшего комплексного и критического их анализа, который позволит более объективно оценить весь сложный спектр молодёжных организаций действовавших в Западной Беларуси.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как в отечественной, так и зарубежной, прежде всего польской, накоплен некоторый опыт изучения молодёжного движения Западной Беларуси. В первую очередь это касается развития комсомольского движения, его места в жизни региона, участия в национально-освободительной и социально-политической жизни региона. Вместе с тем требует дальнейшего изучения весь спектр остальных молодёжных организаций и союзов, деятельность которых была отражена в отечественной историографии лишь фрагментарно и оценивалась отрицательно. Прежде всего, остаются неосвещёнными и поэтому нуждаются в изучении проблем становления, идеологического развития, основных направлений деятельности и социального состава ведущих проправительственных союзов («Стрелец», Легион Молодых, Союз Сельской Молодёжи «Сев»), организаций левой и демократической ориентации (Молодёжная Организация ТУР, «Цукунфт»), клерикальных молодёжных объединений (Объединение Польской Молодёжи, «Возрождение») на территории Западной Беларуси в 30-е годы прошлого века. Также слабоизученным остаётся такое явление, как студенческое движение в виленском университете. Ещё одним направлением исследовательской деятельности должно стать изучение белорусского национально-демократического молодёжного движения, находившегося под влиянием БХД и Центросоюза. Научное освоение всей этой проблематики позволит более объективно показать общественно-политическую жизнь западно-белорусского региона в предвоенное десятилетие.

ГЛАВА 2. ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МОЛОДЁЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1929 -1939 ГГ.

2.1. Политика правящих кругов II РП по отношению к молодёжи в предвоенный период (1929 – 1939 гг.).

Молодёжь в возрасте с 15 до 24 лет составляла значительную часть населения II Речи Посполитой, в том числе и на территории Западной Беларуси. Это число колебалось в пределах 5 миллионов человек или около 30 % всего населения польского государства [143, с. 253]. Согласно данным того времени около 70 % молодого поколения состояло в различного рода молодёжных организациях [150, с. 6-7].

Большую активность в борьбе за привлечение юных граждан межвоенного польского государства на свою сторону проявлял правящий лагерь. Руководители «санации» ставили перед собой задачу, объединения «организованных и неорганизованных групп общества, которые считают своей высшей целью интересы государства и готовы следовать путём гармонического сотрудничества с руководством государства» [91, с. 144].

Для реализации этой задачи в молодёжной среде была разработана программа гражданско-государственного воспитания, основанная, как и вся идеология «санации», на принципах социального солидаризма. Одним из создателей этой программы был министр образования Януш Ендржиевич, который говорил, что «государственное воспитание может и должно стать лозунгом, группирующим всех граждан независимо от тех или иных различий происхождения, имущественного положения, мировоззрения... оно учит совместным усилиям, организованной работе, согласному сосуществованию и, в случае необходимости, совместной обороне перед внешними и внутренними деструктивными силами» [149, с. 207]. По словам другого правительственного идеолога, Януша Островского, государственное воспитание должно было вырвать молодого гражданина из сферы неприязни к государству, из апатии и беспродуктивности, из классового, партийного и регионального партикуляризма и научить его мыслить генерально, государственными категориями, привести к организованной коллективности [149, с. 207].

Основой воспитательной идеологии был идеал гражданина-государственника в качестве позитивного примера, объединявший лучшие индивидуальные черты с особым подчёркиванием сознания служения государству как высшей ценности. Одновременно в качестве антипримера ставился человек проповедующий «доктринёрство», некритически воспринимающий «чужие образцы» и ставящий групповые интересы выше всеобщих интересов[148, с. 206].

Министр С. Червиньский в июле 1929 г. утверждал, что воспитательный процесс должен приводить к объединению положитель-

ных черт облика борца и работника: «Такой собственно тип, тип работника и борца в одном лице нужен нашему Возрождённому Государству, так как ему нужен тип гражданина, который бы активной повседневной работой, а при необходимости и в святом запале борьбы утверждал бы свой действительный, правдивый патриотизм» [148, с. 208].

Об огромном значении, которое придавало государственная власть Польши работе с молодёжью, свидетельствует заявление вице-маршалка Сейма В. Маковского в феврале 1934 г. Он подчёркивал, что воспитание гражданина является целью деятельности государства и его обязанностью [148, с. 210]. Осуществление правительственной молодёжной политики велось целенаправленно и планомерно. Активное участие в её реализации принимали школа, армия, органы МВД, представители исполнительной власти всех уровней, структуры санационных Беспартийного Блока Сотрудничества с Правительством и (с 1936 г.) Лагеря Национального Объединения. В этом же русле действовали и молодёжные организации, находившиеся под влиянием «санации».

Следует подчеркнуть, что власть стремилась законодательно регулировать молодёжную политику и политическую активность молодого поколения. Так, в Конституции 1935 г. увеличивался до 25 лет возрастной избирательный ценз. Таким образом, избирательного права лишалось около 10% прежних избирателей [133, с. 132]. Стремясь к «аполитичности» молодёжи и отрыву её от «политического партикуляризма», «санация» пыталась установить свою политическую монополию в молодёжной среде. В идеале политическая активность молодого поколения должна была проходить в рамках проправительственных союзов и организаций.

Отказ от формального привлечения молодёжи к непосредственному участию в политической деятельности привёл к тому, что главный упор делался на решении ряда конкретных задач. Одной из таких задач стало повышение обороноспособности страны и военная подготовка молодого поколения. Эта задача решалась в ходе реализации концепции «нации под ружьём», которой руководствовалась военная и политическая элита Польши в сфере военной подготовки населения и повышения обороноспособности страны в 20 - 30 годы XX века.

Опыт первой мировой войны доказывал необходимость военной подготовки всего населения. Кроме того, военная подготовка и тесно связанное с ней патриотическое воспитание, по мнению польских военных кругов, должны были способствовать формированию «высокой национальной морали», которая в какой-то степени могла бы

компенсировать отставание польской армии в технической сфере. Необходимо также было учитывать и то, что финансовые возможности польского государства по подготовке необходимого воинского контингента были сильно ограничены [145, с. 10].

Эти и некоторые другие факторы в значительной степени влияли на разработку концепции подготовки к будущей войне. Она получила название «Нация под ружьём». Её реализация приняла форму военной подготовки (Przysposobienie Wojskowe, PW). В течение всего межвоенного периода менялись её формы и методы, но принципиальная цель, т.е. повышение обороноспособности государства — оставалась неизменной.

Среди способов реализации военной подготовки в соседних с Польшей государствах доминировали две модели. Первая характеризовалась тем, что вся работа передавалась в руки государственных учреждений, главным образом армии. Вторая модель оставляла в руках армии только общее руководство и контроль, доверяя реализацию военной подготовки общественным, прежде всего молодёжным и спортивным, организациям и школе. Хотя польское военное руководство склонялось к первой модели, но финансовые и организационные трудности, в первую очередь последствия экономического кризиса, привели к возобладанию и реализации второй модели.

В этом выборе большую роль сыграла и позиция маршала Ю. Пилсудского, который был убеждённым сторонником принципа добровольности в деле военной подготовки, опираясь, прежде всего, на свой опыт создания польских легионов. Он делал большой упор на моральную сторону дела, особенно на идею «взаимодействия», то есть на принципы социального солидаризма.

Программа военной подготовки включала в себя три основных момента: гражданское воспитание, которое считалось необходимым для консолидации общества и обороны государства, физическая подготовка и непосредственное обучение военному делу. Все эти три составляющих должны были быть реализованы школой, молодёжными организациями, спортивными клубами и армией. Военные власти должны были играть главную координирующую роль.

Ещё в 1927 г. по инициативе Ю. Пилсудского было создано Государственное Управление физического воспитания и военной подготовки. В 30-е годы, когда в государственной идеологии центральное место заняла идея державности с культом армии и мифологизацией Ю. Пилсудского, а затем и Э. Ридз-Смиглого, концепция «Нации под ружьём» окончательно оформилась. Так, в 1937 г. обязательная военная подготовка была распространена на всю допризывную молодёжь польского государства [145, с. 15-20].

Поскольку, вплоть до сентября 1939 г., так и не возникло условий для самостоятельной реализации военной подготовки силами только Войска Польского, то ведущей организацией в её реализации вне школы являлись молодёжные союзы, прежде всего «Стрелец», созданный непосредственно для этих целей и подчинённый Министерству военных дел.

Ещё одной практической задачей молодёжной политики правящих кругов была работа по профессиональной подготовке юного поколения. С началом экономического кризиса 1929-1933 гг. составной её частью стала борьба с молодёжной безработицей.

Ещё с 1925 г. активно осуществлялось сельскохозяйственное обучение деревенской молодёжи. Оно проходило в рамках так называемой Сельскохозяйственной Подготовки (Przysposobienie Rolnicze), которая являлась формой земледельческого просвещения внешкольной сельской молодёжи. Она охватывала практическую и теоретическую подготовку к занятиям сельским хозяйством без отрыва молодёжи от работы. Сельскохозяйственная Подготовка опиралась на систему трёхступенчатой программы, реализовывавшейся на протяжении 3 лет. Она предусматривала как индивидуальное самообразование, так и работу молодёжных кружков [151, с. 385].

Что касается молодёжной безработицы, то эта проблема стояла достаточно остро. Согласно данным отдела безопасности МВД 2 РП, излишек рабочих рук в деревне составлял от 5 до 6 млн. человек, в основном молодых крестьян. В городах было зарегистрировано лишь несколько тысяч молодых безработных, но это не соответствовало действительному положению вещей, поскольку часто молодёжь не регистрировалась на биржах труда, так как не имела никакого трудового стажа [139, с. 215].

Проблема занятости молодёжи решалась при помощи так называемых «лагерей труда». Эта практика была во многом близка к практике западных стран. (Например, к проведению общественных работ во времена «нового курса» Ф. Рузвельта в США.) В «лагерях труда» 6 часов в сутки юноши были заняты на общественных работах, 2 часа посвящались обучению, практическим курсам, военной подготовке. Кроме того, молодые люди получали небольшое денежное содержание. Власти считали, что «главным при проведении акции занятости должно стать воспитание и профессиональная подготовка для будущей самостоятельной жизни» [139, с. 225-226].

Всей этой акцией руководило специальное бюро занятости молодёжи при Фонде Труда. В контексте нашей темы следует отметить, что к борьбе с безработицей активно привлекались не

только государственные учреждения, но и общественные организации, в том числе и юношеские союзы. Прежде всего, это касалось подготовки руководства и инструкторов для «лагерей труда». Этому уделялось особое внимание, так как многие недостатки в деятельности лагерей объяснялись именно отсутствием надлежащего подбора руководства.

Хотя обстановка в «лагерях труда» была достаточно напряжённой, всё же власти стремились их сохранить. Секретный отчёт отдела безопасности Министерства внутренних дел РП (март 1936 г.), признавая факты «многочисленных и серьёзных авантюр, даже преступлений» и объясняя их склонностью молодёжи к авантюрам и отрицательным влиянием кризиса и безработицы, высказывался за сохранение юношеских лагерей в качестве воспитательных центров [139, с. 226]. В сентябре 1936 г. «лагеря труда» были преобразованы в Юношеские Отряды Труда (Junackie Hufce Pracy) и переданы во введение Управления физического воспитания и военной подготовки при военном министерстве. После этого молодые безработные стали привлекаться к решению задач укрепления обороноспособности польского государства. Так, наряду со строительством дорог, регулированием и осушением рек, чем ранее занимались «лагеря труда», члены Юношеских Отрядов участвовали в строительстве и ремонте различного рода военных укреплений [178, с. 722].

Правящие круги также стремились поставить под свой контроль и досуг молодёжи – от организации вечеринок до проведения спортивных мероприятий. Именно в этой области широко использовались возможности юношеских организаций и союзов. Специфика данной работы в западно-белорусском регионе состояла в том, что она носила явно выраженный полонизаторский характер. Приобщение к польской культуре фактически имело своей целью ополячивание молодого поколения белорусов. В связи с этим показательно заявление одного из первых премьер-министров Речи Посполитой Витоса: «Наш спор о восточных землях вызвал 15 войн и 3 восстания, он ещё не решён и решить его можно только на двух направлениях – колонизацией восточных земель польскими элементами и ассимиляцией» [88, с. 109]. Именно западно-белорусская молодёжь и становилась объектом политики ассимиляции, которая проводилась и в рамках культурно-развлекательной работы проправительственных молодёжных союзов.

Особо следует остановиться на такой малоизученной в отечественной историографии теме как борьба польских властей за студенческую молодёжь. Ареной этой борьбы в Западной Беларуси

стал Виленский университет имени С. Батория.

Университет в Вильно являлся одним из периферийных вузов Польской республики. По данным на конец 30-х годов в нём обучалось лишь 8 % студентов 2 Речи Посполитой, тогда как в Варшаве -40 %, Львове - 20 %, Кракове - 17 %, Познани - 12 %, остальные 3 % приходились на Люблин, Лодзь и Катовице [156, с. 16]. Особенностью Виленского университета было то, что в нём училось большое количество представителей национальных меньшинств межвоенной Польши: евреев, белорусов, литовцев, украинцев. Согласно официальным данным в 1929/1930 учебном году из 3336 студентов 2171 человек считали родным языком польский, 891 - идиш и иврит, 111 - русский, 55 - белорусский, 50 - литовский, 41 - украинский, 9 - немецкий, 2 — чешский. Кроме того, среди студентов были татары, латыши, венгры [142, с. 9]. Таким образом, Вильно являлся своеобразной столицей национально-культурных центров. Вместе с тем, традиционным было значительное представительство в городе польской интеллигенции. В этой обстановке процессы происходившие в среде студенчества имели принципиальное значение.

Широкая национальная палитра студенчества виленского университета и социально-политические тенденции в обществе оказывали значительное влияние на многообразие идейных течений среди молодой интеллигенции. Среди виленских студентов действовало много организаций различного типа. Наиболее массовой был так называемый «Братняк» - Братская Помощь (Bratnia Pomoc) - организация студенческой взаимопомощи, проводившая значительную социальную и культурную работу. Братская Помощь охватывала в основном студентов-поляков. На начало 30-х годов её членами было 2318 человек [142, с. 9-10]. Среди студентов-евреев аналогичную деятельность вело Объединение Взаимной Помощи студентов-евреев. Также в университете действовал ряд малочисленных национальных студенческих организаций - союзы белорусских, литовских и украинских студентов.

Следует отметить, что на протяжении всего межвоенного периода ведущую роль в студенческой среде играли сторонники так называемых «эндеков», польских националистов из партии Национальной Демократии. Проводником их влияния стала организация Всепольская Молодёжь (Młodzież Wszechpolska). Численно она была невелика - в Виленском университете в начале 30-х годов насчитывалось около 70 её официальных членов [156, с. 23]. Но при этом её влияние являлось преобладающим в большинстве вузов. В Виленском университете на стороне Всепольской Молодёжи выступало

от 1/3 до 1/2 всех студентов. Это было меньше, чем в других университетах, во многом благодаря большому проценту студентов-представителей национальных меньшинств [156, с. 25].

Польские националисты играли ведущую роль в Братской Помощи. В Вильно их монополию в руководстве БП удалось прервать лишь в 1929 и 1931 годах [156, с. 23]. Под их влиянием находились и корпорации, элитарные студенческие организации, закрытые для студентов-неполяков. Корпорации притягивали молодёжь не только своими традициями и внешними атрибутами (формой, флагами, песнями), но и тем, что оказывали своим членам помощь в трудоустройстве после окончания вуза. В Вильно ведущими эндецкими корпорациями были «Полония», «Леонидания» и «Батория». По их образцу возникли санационная «Пилсудия» и белорусская «Скориния» [142, с. 12].

Всепольская Молодёжь являлась радикальной националистической организацией, стоявшей в правой оппозиции к режиму санации. Идеологи националистов провозглашали примат Нации над Государством, что кардинально противоречило принципам санационного «государственного воспитания». Эндеки отрицали либерально-демократичные принципы в пользу принципов иерархичности. В области внутренней политики они выступали под лозунгом «Польша для поляков». Как следствие этого, они считали белорусов и украинцев частью польского народа и выступали за ассимиляцию славянских меньшинств. Ещё одной чертой идеологии ВМ был антисемитизм. Согласно их идейным декларациям, «еврей не может быть гражданином Польского Государства» [159, с. 34]. Один из лидеров и идеологов «эндеков», Роман Дмовский, говорил: «Огромная разница между евреем и европейцем ведёт к тому, что участие евреев в жизни европейских обществ имеет только разлагающее влияние на европейские общественные инстинкты... Поэтому националисты заявляют: даже если бы евреи были бы моральными ангелами и умственными гениями, даже если бы были людьми более высшего сорта, чем мы, сам факт их существования среди нас и их участие в нашей жизни является убийственным для нашего общества и надо от них избавиться» [147, с. 304].

В вузовской среде именно благодаря ВМ евреи были вытеснены из Братской Помощи. Кроме того, националисты выступали за сокращение количества студентов-евреев в вузах и за введение сегрегации, так называемого «гетто лавкового», предусматривавшего размещение евреев за отдельными партами в аудиториях. Они неоднократно становились инициаторами антиеврейских выступлений

в вузах, в том числе и в Виленском университете [176, с. 59].

Виленский университет на протяжении всего предвоенного десятилетия был ареной антисемитских выступлений. Именно это свидетельствовало о влиянии эндеков среди студентов. В условиях Вильно эта борьба приобрела наибольшую остроту благодаря тому, что процент евреев был одним из самых значительных среди польских вузов (22,2 % против 6,9 % по стране в 1934/35 учебном году) [156, с. 12].

Первые антисемитские выступления начались на медицинском факультете. Причиной конфликта стал отказ еврейского кагала (общины) допускать вскрытие еврейских трупов в прозекторских. В ответ эндеки выдвинули лозунг «Для евреев - еврейские трупы». С 1931 г. столкновения между польскими националистами и евреями стали обычным явлением в Виленском университете. В ноябре 1931 г. в таком столкновении погиб студент-теолог Вацлавский, ставший «героем борьбы за дело» среди польских националистов. Осенью 1933 г. в Вильно и Варшаве была начата акция по установлению «гетто лавкового». В 1935 г. эта компания достигла своего апогея. Администрация вузов вынуждена была пойти на выделение отдельных мест для поляков и евреев, хотя по этой причине ректор и проректор Университета имени С. Батория в начале 1937 г. подали прошение об отставке.

Из-за студенческих волнений власти вынуждены были закрывать Виленский университет в ноябре 1932 г., ноябре 1933 г. и ноябре 1936 г. В марте 1938 г. на территорию университета впервые была введена полиция, что являлось исключительным случаем нарушения вузовской автономии.

Помимо «гетто лавкового» эндеки требовали ограничения доступа евреев в вузы. В рамках этой компании с 1937 г. в Вильно проводились так называемые «дни без евреев», которые с осени 1938 г. превратились в «недели без евреев».

Результатом всех этих антисемитских выступлений было то, что единственной национальной группой польского государства, численность представителей которой сократилась в вузах в предвоенное десятилетие, были евреи - с 8982 в 1931 г. до 4790 в 1937 г. [156, с. 150-170].

Руководители правящего санационного лагеря понимали необходимость установления контроля над вузами и ликвидации засилья националистов. Был принят ряд административных мер, значительно ограничивавших автономию университетов. Наряду с этим определённые надежды возлагались и на проправительственные молодёжные организации, которые должны были противостоять влиянию националистов из ВМ. Об их деятельности более подробно пойдёт речь ниже.

Кроме того, следует отметить, что правящие круги Польши

стремились привлечь студенчество к работе по повышению обороноспособности страны. Именно для этих целей 27 ноября 1937 г. решением Совета Министров в соответствии с положениями закона о всеобщей воинской повинности была создана Академическая Легия (Legia Akademicka). Главной задачей этой организации была военная подготовка студентов, как юношей, так и девушек [178, с. 722].

Таким образом, анализ проблемы позволяет утверждать, что политическая власть стремилась поставить молодёжь на службу государству, а фактически на службу правящему режиму. Именно для этого необходимо было отвлечь молодое поколение от «классового и партийного партикуляризма», то есть отвлечь его от политической и социально-экономической борьбы, которая особенно обострилась в условиях начавшегося в 1929 г. экономического кризиса. Что же касается «вырывания из регионального партикуляризма», то в условиях реалий межвоенного польского государства этот тезис государственно-гражданского воспитания являлся оправданием для ассимиляторских и колонизаторских устремлений по отношению к национальным меньшинствам, в том числе и белорусам. Задачи молодёжной политики «санации» реализовывались по ряду направлений – военная подготовка, профессиональное обучение и борьба с молодёжной безработицей, организация досуга молодёжи. Большое внимание уделялось работе со студенчеством, но в данной области правящим кругам пришлось столкнуться с серьёзным противодействием правой оппозиции.

К реализации молодёжной политики были привлечены все силы государственного аппарата, в первую очередь армия и школа. Сложилась централизованная и разветвлённая система работы с молодым поколением, составной частью которой были и молодёжные организации.

2.2. Идеология, организационная структура и состав ведущих проправительственных молодёжных союзов.

В целях интеграции как можно более широких масс молодёжи в «работу для государства» наряду со школой действовал целый ряд молодёжных организаций. Их деятельность распространялась и на территорию западно-белорусского региона. Каждая из этих организаций имела свои специфические цели и конкретные задачи, организационные принципы и методы работы. Но все они пользовались серьёзной материальной и идеологической поддержкой правящего режима. Именно структуры правящего Беспартийного Блока Сотрудничества с Правительством, а с 1936 г. Лагеря Национального Объединения (OZN) занимались выработкой общей программы идейно-воспитательной работы и координацией действий многочисленных проправительственных молодёжных союзов и

организаций. Итогом этой деятельности «санации» стало создание 2 февраля 1938 г. при Лагере Национального Объединения «Службы Молодых» (Służba Młodych), которая должна была стать, по мнению её создателей, руководящей инстанцией проправительственного молодёжного движения [143, с. 271].

Особо следует отметить, что патронаж властей не только определял главные направления деятельности проправительственных организаций, формально являвшихся самостоятельными, аполитичными и имевшими своё собственное руководство, но и обеспечивал им серьёзную материально-финансовую и методологическую поддержку, численный рост и «климат наибольшего благоприятствования» в общественно-политической жизни страны.

Одной из наиболее массовых молодёжных организаций межвоенной Польши являлся Стрелецкий Союз «Стрелец» (Związek Strzelecki „Strzelec"). Его влияние распространялось и на молодёжь белорусских территорий, которые были захвачены Польшей в ходе польско-советской войны.

Молодёжный союз «Стрелец» возник в 1919 г. Он являлся преемником одноимённой организации, существовавшей под руководством Ю. Пилсудского ещё до Первой мировой войны, и продолжал её традиции. В уставе Стрелецкого Союза было сказано, что его целью является «пробуждение и воспитание у своих членов национального духа, дисциплины, моральной и физической стойкости, а также распространение военных знаний» [163, с. 174]. Для реализации этой цели велась целенаправленная работа по военной подготовке, гражданскому и физическому воспитанию «гражданина-солдата на благо Речи Посполитой» [24, л. 105]. В Западной Беларуси и Западной Украине «Стрелец», кроме того, вёл значительную политическую и культурно-просветительскую работу в духе «воспитания на кресах сознания спайки со всем государством» [91, с. 178].

Согласно уставу организации, её членами могли стать как юноши, так и девушки. Существовало внутреннее деление на следующие «воспитательно-возрастные группы»: а) «орлята стрелецкие» (с 13 до 17 лет), б) «юноши стрелецкие» 1 и 2 ступеней (с 17 до 19 лет), в) «стрельцы» (после 19 лет), делившиеся на допризывников и стрельцов-резервистов, то есть тех, кто прошёл армейскую службу [158, с. 8]. Источники свидетельствуют, что в основном Стрелецкий Союз объединял допризывную молодёжь в возрасте от 18 до 21 года [163, с. 174].

Официальная печать называла «Стрелец» общественно-военной организацией. Согласно ей, общественный характер организации придавали осуществление гражданского воспитания, принцип

добровольности вступления, частичная выборность руководства и его ответственность перед рядовыми членами Союза, принцип самофинансирования - «давать, а не брать у государства». Военный характер организации проявлялся в реализации программы военной подготовки. Двойственность проявлялась и в системе руководства. Руководство состояло из двух элементов — «общественного» (избираемого, неоплачиваемого), называвшегося Правлением, и «военного» (назначаемого, оплачиваемого), получившего название Комендатуры [159, с. 83]. Об огромном внимании, которое уделялось военным руководством Стрелецкому Союзу в 30-е гг., свидетельствует то, что его Главную Комендатуру возглавляли старшие офицеры Войска Польского: бригадный генерал В. Яха-Рожен (1929 - 1931), полковники В. Русин (1931 - 1934), М. Фридрих (1934 - 1938), Ю. Тунгуз-Зависьляк (1938 - 1939) [163, с. 175]. В Вильно почётные посты в «Стрельце» занимали такие лидеры «санации» как Я. Пилсудский (брат Ю.Пилсудского), бывший виленский воевода Киртыклис, бывший маршалок Сейма профессор Шиманский [24, л. 107].

В создании и работе Стрелецкого Союза на местах активно участвовали представители местной администрации и полицейские чиновники [29, л. 63]. Архивные источники свидетельствуют, что на территории Западной Беларуси в организации стрелецких отрядов большую роль играли помещики и осадники. Так, в 1935 г. в имениях Негневичского района помещики создавали из своих батраков отряды конных стрельцов - кракусов, их обучение осуществлял местный осадник [27, л. 17]. Однако в большинстве случаев инструкторами были офицеры воинских частей, полиции или Корпуса Пограничной Охраны. Например, в местечке Глубокое занятиями местного отряда «Стрельца» руководил поручик из 85-го пехотного полка, которому помогали два плютоновых (взводных) того же полка [7, л. 78].

Территориальная структура «Стрельца» совпадала с дислокацией военных округов польской армии. В Западной Беларуси два округа Стрелецкого Союза - № 3 «Гродно» и № 9 «Полесский». Они соответствовали 3 и 9 округам Войска Польского со штабами в Гродно и Бресте. Округ «Гродно» делился на подокруга с центрами в Белостоке, Вильно, Гродно и Молодечно. «Полесский» округ имел подокруга Новогрудок и Брест. Подокруга делились на поветы и гмины. В поветах создавались «Поветовые комендатуры Союза». Во главе их стояли специально назначенные для этой цели офицеры, освобождённые от всякой другой работы. В масштабе гмины «Стрелец» возглавляли гминные коменданты. Эта должность не являлась оплачиваемой и обычно её по совместительству замещали

офицеры ближайших воинских частей. Только в исключительных случаях комендантами являлись гражданские чиновники гминной администрации, прошедшие военную службу и имевшие звание не ниже унтер-офицера. Округ был рассчитан на корпус «Стрельца», подокруг на дивизию или батальон, повет - батальон или полк, гмина - роту или полполка. Организационной единицей был отряд, охватывающий молодёжь в одной или нескольких деревнях [24, л. 106 - 107].

Наибольшую активность организация проявляла в сельской местности [160, с. 375]. На территории Западной Беларуси крупные отряды стрелецкой молодёжной организации имелись также в Вильно, Белостоке, Бресте и Гродно. Виленский общегородской стрелецкий отряд насчитывал до 700 человек. Существовали ячейки «Стрельца» и на ряде виленских предприятий (гута, государственная табачная фабрика и др.) [24, л. 108]. Действовала стрелецкая организация и в Виленском университете. Она являлась частью созданного в 1929 г. Академического Отдела Стрелецкого Союза. Хотя стрельцы-студенты были достаточно многочисленными, их деятельность, за исключением участия в работе организаций студенческой взаимопомощи, была мало связана с внутренней жизнью университета [156, с. 61]. Академический Отдел Стрелецкого Союза ставил перед собой цель, прежде всего, подготовки руководящих кадров для «Стрельца», он должен был стать «школой подхорунжих» для всего Союза [159, с. 83].

Численность организации постоянно росла. В 1934 г. Во всей Польше насчитывалось 300.000 её членов, из них в третьем и девятом округах - «Гродно» и «Полесский» - около 50.000 человек. Согласно данным официальной польской прессы того времени, стрелецкая организация Виленщины являлась наиболее сильной в Польше. Уже в 1931 г. она насчитывала 300 отрядов и 7 тысяч членов [24, л. 112]. К 1939 г. общая численность Стрелецкого Союза в Польше достигла 500.000 человек [131, с. 437].

Членами «Стрельца» на территории Западной Беларуси становились в первую очередь дети чиновников и осадников, поляков и белорусов-католиков. В ряде имений под нажимом помещика в конные формирования стрельцов-кракусов записывали молодых батраков и сезонных рабочих. Это подтверждается многочисленными документальными свидетельствами. Так, в отчёте Гродненского ОК КСМЗБ в конце 1932 г. сообщалось: « В «Стрельце» в Скиделе в основном сынки чиновников или они сами. Но они стремятся закладывать свои гнёзда по деревням и там втягивают крестьянскую молодёжь, организовывая гулянки, говоря о героях отечества и о войне [15, л. 16].

Следует заметить, что для простой крестьянской и рабочей молодёжи стрелецкая организация была достаточно привлекательна. В документах ЦК КСМЗБ перечислялись основные причины количественного роста Стрелецкого Союза на территории Западной Беларуси: усиление шовинистической пропаганды среди польской и католической части белорусской молодёжи, перестройка деятельности «Стрельца» в направлении удовлетворения нужд молодёжи, расширение оборудования светлиц (стрелецких клубов), выделение новых штатных кадров, подготовка и переподготовка в широком объёме руководителей из самой молодёжи [29, л. 13].

Нами установлено, что для членов организации существовала целая система льгот. Так, при призыве в армию члены «Стрельца» могли выбирать род войск, им сокращался срок службы [7, л. 76]. Кракусы освобождались от некоторых налогов и повинностей, например, шарварков и «военного» налога [24, л. 15]. Они могли также дёшево и в рассрочку приобрести лошадь, обмундирование и т.д. [31, л. 4].

Немаловажным было и то, что в условиях экономического кризиса, который разразился в Польше, руководство «Стрельца» могло содействовать предоставлению рабочих мест своим членам. Так, в Бресте под эгидой стрелецкой организации существовало «посредництво працы», занимавшееся проблемой ликвидации молодёжной безработицы [1, л. 380]. Стрельцы всегда могли рассчитывать на материальную поддержку властей. Например, на Виленщине во время неурожая и голода 1934 г. гминные рады (управы) оказывали помощь (зерном, мукой, картофелем) в первую очередь тем сельским хозяевам, которые состояли в Стрелецком Союзе [49, с. 356].

В свою очередь, погоня за различными льготами, которые существовали для членов союза, не могла не сказаться отрицательно на качестве членства организации. Поэтому имеется доля правды в отчёте КСМЗБ из Беловежи за октябрь 1934 г., в котором говорится: «Стрельцы это надутый пузырь, не больше. Там набрали деревенских подростков, которые идут для того, что пускают в кино бесплатно. Вот их идейность» [27, л. 124].

Но было бы ошибкой оценивать всех стрельцов, как людей стремившихся в организацию только ради материальных благ. Кроме различных льгот, молодёжь вовлекалась в союз, несомненно, умело организованной патриотической пропагандой, возможностью участвовать в различных соревнованиях, походах, развлекательных мероприятиях, «военной» романтикой и даже стрелецкой униформой. Для юношей и девушек, искавших применение своим силам и энергии, стрелецкая организация предлагала множество возможностей для

самореализации. Работники КСМЗБ признавали, что среди членов «Стрельца» есть и «боевые, активные элементы, которые рвутся на какую-нибудь работу и фашизм использует их активность в своих интересах» [15, л. 98].

Основными источниками для развития деятельности «Стрельца» были дотации Главной Комендатуры Союза, членские взносы, пожертвования и помощь со стороны органов местного самоуправления. Следует заметить, что приказ военного министерства прямо обязывал оказывать опеку организациям, проводящим военную подготовку, не только армию, но и весь государственный аппарат [24, л. 114]. Окончательно данная практика была закреплена в 1933 г., когда был принят так называемый «Декрет об огосударствлении «Стрельца»», который фактически узаконил содержание стрелецких организаций за счёт местного управления. С этого момента «Стрелец» выступал не только как общественная организация, но и как «государственная площадка» Военной Подготовки. Именно это давало членам союза все ранее перечисленные льготы (право на сокращённый срок службы в армии, освобождение от налогов и т.д.) [11, л. 8].

Наряду со Стрелецким Союзом одной из наиболее массовых и активных проправительственных организаций предвоенного десятилетия во 2 Речи Посполитой являлся Союз Сельской Молодёжи «Сев» (Związek Młodzieży Wiejskiej „Siew"), с 1934 г. называвшийся Союзом Молодой деревни (Związek Młodej Wsi). Как свидетельствуют архивные источники и литература, наибольшую активность он проявлял на территории так называемых «кресов всходних», особенно в Виленском и Полесском воеводствах [163, с. 19].

Союз Сельской Молодёжи «Сев» возник в 1928 г. после раскола в общепольском Центральном Союзе Сельской Молодёжи (CZMW), произошедшем на базе отношения к правящему санационному лагерю. Оппозиционные санации элементы, ориентированные на крестьянскую партию Сторонництво Людове создали Союз Сельской Молодёжи Речи Посполитой «Вици», а сторонники санации вошли в состав Союза Сельской Молодёжи «Сев» (обе организации получили название от наименований своих центральных печатных изданий).

До 1931 г. ССМ «Сев» находился в организационном и идеологическом подчинении Центрального Союза Сельскохозяйственных Кружков (CZKR), хозяйственной организации имевшей перед собой цель повышения продуктивности земледелия и обороны интересов сельского хозяйства, путём распространения сельскохозяйственных знаний, организации крестьян в профессиональные союзы и союзы самопомощи. Следует отметить, что эта организация возникла в

рамках государственного плана унификации земледельческих организаций. Она объединяла наряду с крестьянами крупных земельных собственников и осадников, с самого начала своего существования являясь опорой санации в сельской местности [159, с. 175].

После 1931 г. ССМ «Сев» стал самостоятельной организацией. Его деятельность опиралась на собственный устав, что в значительной мере способствовало укреплению его авторитета и облегчило доступ к молодёжи. К 1934 г. его деятельность распространялась в западно-белорусском регионе на территории Виленского и Полесского воеводств.

На территории Новогрудского и Белостокского воеводств до 1934 г. действовали «автономные» воеводские союзы сельской молодёжи. Хотя, следует отметить, что данная автономия была относительной. Так, Союз Сельской Молодёжи Новогрудской Земли присылал своих делегатов на все съезды, конференции и курсы, которые организовывались ССМ «Сев». Помимо этого, он использовал и его издательские возможности, помещая на страницах «Сева» свои коммуникаты (отчёты) [159, с. 65]. Кроме воеводских «автономных» организаций на территории Новогрудчины и Белосточчины действовали и другие союзы проправительственной ориентации, например Союз Народной Молодёжи (Związek Młodzieży Ludowej), деятельность которого охватывала в основном собственно польские регионы II РП.

Конкуренция, сложившаяся среди всех этих организаций значительно ослабляла позиции санации в среде крестьянской молодёжи и мешала осуществлению планов правящего лагеря. Поэтому правящие круги предприняли ряд мер по объединению своих сторонников. Так, в начале 1932 г. был организован Центральный Комитет по делам сельской молодёжи (Centralny Komitet dla spraw Młodzieży Wiejskiej). Он был создан по инициативе чиновников министерства земледелия, министерства религиозных вероисповеданий и общественного просвещения и министерства внутренних дел для «гармонизации» их деятельности в области сельскохозяйственной подготовки, общественного воспитания, просвещения, ведущих к «повышению хозяйственного, общественного и культурного уровня жизни деревни». Вместе с представителями правительства, делегатом от Главного Управления Физического Воспитания и Военной Подготовки, специалистами по земледелию в состав Комитета вошли и представители отдельных союзов сельской молодёжи. На местах Комитет имел воеводские и поветовые отделения. В задачу данной структуры входило: разработка новых методов в области культурно-просветительской деятельности, гражданского воспитания, военной подготовки, подготовка инструкторов, издательская деятельность, рациональное распределение средств [159, с. 74-75].

Благодаря усилиям правящих кругов и местной администрации ко второй половине 30-х годов удалось добиться некоторой организационной консолидации многочисленных союзов сельской молодёжи. 4 сентября 1934 г. ССМ «Сев» объединился с рядом региональных организаций - Малопольским Союзом Сельской Молодёжи, Союзом Сельской Молодёжи Новогрудской Земли и др. Новая организация стала называться Союзом Молодой Деревни. Ведущую роль в руководящих структурах нового Союза играли бывшие функционеры ССМ «Сев»[163, с. 19].

Официально Союз считался «культурно-просветительской организацией», ставящей перед собой цель «повышения духовного и хозяйственного уровня и гражданского чувства своих членов, обогащение культуры села и Речи Посполитой»[137, с. 3].

Согласно уставным документам, достижение поставленных целей Союза происходило на основе привлечения членов к проведению различного рода общественной деятельности: организации и проведении чтений, дискуссий, вечеров, театральных постановок, сельскохозяйственных курсов и конкурсов, строительству светлиц (клубов), созданию касс взаимопомощи и т.д. Необходимо подчеркнуть, что в Уставе специально оговаривалось, что «дела партийно-политической природы не входят в сферу деятельности Союза»[137, с. 4].

Тем не менее, ССМ «Сев» - СМД стоял на позициях санационной концепции «государственного воспитания», избрав своим лозунгом слова «Благо государства - наивысший закон». Союз стремился к переустройству деревни эволюционным и прогрессивным путём. Заявлялось, что ««Сев» стоит на позиции общественной и политической демократии, понимаемой как повышение культурного уровня масс и привлечение всего народа к работе для государства... считает, что единственной легитимацией человека является труд и его вклад в работу по строительству Польского Государства». В качестве воспитательного идеала выдвигался тип бойца-работника, образцом которого была личность Ю. Пилсудского [159, с. 62]. Ставилась задача «воспитывая душу молодого сельского человека в соответствии с идейными принципами Вождя Народа Маршала Юзефа Пилсудского создать сознающего свои права и обязанности Совершенного Гражданина» [166, с. 1].

Организационная деятельность Союза строилась на основе разветвлённой, строго централизованной структуры с центром в Варшаве. Ему подчинялись воеводские Союзы - в Западной Беларуси - Виленский, Полесский, и (после 1934 г.) Новогрудский. Ведущими деятелями организации в Виленском воеводстве были В. Каминский и А. Савицкий, в Полесском воеводстве - С. Завадский и К. Гроховский. Причем К. Гроховский с 1929 г. входил и в Центральное Правление ССМ

«Сев» в Варшаве [164, с. 52].

Воеводским Союзам в свою очередь подчинялись Окружные Союзы в поветах, объединявшие первичные ячейки - Кружки Сельской Молодёжи (Kolki Młodzieży Wiejskiej).

В отличие от «Стрельца» система руководящих органов ССМ «Сев»-СМД была намного более демократично построенной. Высшей властью считался ежегодный Общий Съезд, который тайным голосованием избирал Правление Союза. Из Правления формировался Президиум. На местах воеводские съезды, окружные собрания и собрания кружков соответствующим образом формировали местные руководящие органы. Предусматривалось не только строгое подчинение нижестоящих органов вышестоящим, но подотчётность руководства и его ежегодная ротация[137, с. 6-7, 13, 17].

Согласно уставным документам, основными источниками финансирования деятельности Союза были членские и вступительные взносы, доходы от проведения мероприятий, помощь от общественных и государственных институтов и пожертвования частных лиц [137, с. 9]. На практике ССМ «Сев»-СМД фактически находился на государственном обеспечении, особенно это проявилось в период экономического кризиса. Об этом свидетельствует, например, отчёт о доходах Полесского Воеводского Союза Сельской Молодёжи за 1933 г. Так, членские взносы составили 487,60 злотых, доходы от издательской деятельности - 349,35 злотых. В то же время Центральным Комитетом по делам сельской молодёжи было выделено 4389,95 злотых, Правлением Полесского воеводства - 1450 злотых, Полесской Избой Рольничей - 1000 злотых, местным комитетом Фонда Труда - 300 злотых, Правлением Брестского повета (на оплату инструкторов) - 960 злотых. Учитывая положительное сальдо за прошлый год (147,23 злотых) и другие доходы (316,20 злотых), мы видим, что из общей суммы в 9400,33 злотых государственные дотации составили 8099,95 злотых (более 86%) [167, с. 16].

Членами Союза могли быть совершеннолетние граждане Речи Посполитой, но при этом разрешалось членство и с 16 лет в качестве так называемых «элевов» (учеников, воспитанников) [137, с. 4]. Каждый член организации обязан был поступать «согласно с требованиями христианской этики и достоинства гражданина Речи Посполитой», соблюдать устав Союза и решения его вышестоящих органов, регулярно посещать собрания и платить членские взносы (причем Правление Кружка могло освободить своего рядового члена от уплаты взносов) [137, с. 16].

Организация стремилась охватить как можно большее

количество сельской и местечковой молодёжи. Одним из проявлений этого стремления было и право освобождения от членских взносов, что было весьма актуальным вопросом в условиях бедственного положения западно-белорусской деревни в период экономического кризиса. Источники свидетельствуют, что в ряде мест в организацию удавалось привлечь не только молодых белорусов и поляков, но и евреев [9, л. 480]. Однако в первую очередь ССМ «Сев»-СМД объединял детей работников польской администрации, осадников, поляков и белорусских крестьян польской ориентации [130, с. 297]. Материал опроса, полученный ЦК КСМЗБ из Слонима в июне 1934 г. свидетельствовал, что кружки сельской молодёжи «по своему составу представляют собою, главным образом, сынков конфидентов, заядлых гадов... Надо сказать, что кулка *(т.е. кружки)* существуют главным образом в шляхетских деревнях и в более отсталых деревнях» [24, л. 19]. В отчёте КСМЗБ о состоянии и работе за 1934 г. приводились данные о национальном и классовом составе кружков ССМ «Сев» в Виленском воеводстве на 1934 г.: в 248 кружках состояло 3610 членов, из них поляков – 3016, белорусов - 395, литовцев - 140; крестьян – 2980, ремесленников - 141, учителей - 101, рабочих - 90 [29, л. 299].

Что касается общей численности Союза на территории западно-белорусского региона, то оценить её достаточно сложно. В архивных документах сохранились лишь отрывочные данные по некоторым районам, прежде всего тем, где активно работал КСМЗМ, отчёты которого являются главным источником о деятельности государственных организаций.

Необходимо также учитывать и то, что как сообщают те же архивные материалы, кружки Союза «чаще всего существуют только на бумаге... Они создаются чаще всего под влиянием войтов и комендантов постарунков для их собственной карьеры» [29, л. 63]. Осложняет подсчёты текучесть членов и недолговечность местных ячеек. Например, согласно официальному отчёту, в марте 1934 г. в Полесском воеводстве было организовано 6 новых кружков и одновременно из-за отсутствия работы распущено 4 [29, л. 62]. В материалах ЦК КСМЗБ за 1933 г. отмечалось следующее: «В отличие от «Стрельца» Союз Сельской Молодёжи не представляет из себя такой дисциплинированной организации. Здесь не только текучесть в ряде кружков, но и замирание, и повторное оживление целых кружков, и даже кружков в целых местностях» [24, л. 242]. Этот же материал всё же даёт некоторое представление о численности и размахе деятельности Союза в 1932 г.: «По Полесскому воеводству Союз Сельской Молодёжи официально насчитывает 6.000 человек; по Виленскому и

Новогрудскому воеводствам массовой работой за 1932 г. было охвачено до 250.000 человек» [24, л. 242].

На протяжении всех 30-х годов Союз постоянно расширял свою деятельность. Так, если Полесское отделение в 1930 г. насчитывало 132 кружка [165, с. 5], то в 1934 г. их уже имелось 243 [167, с. 2]. Автономные Новогрудский и Белостокский союзы сельской молодёжи в 1934 г., т.е. на момент создания Союза Молодой Деревни, объединяли в своих рядах 18000 человек [159 , с. 76]. Как показывает польская историография, общая численность членов ССМ «Сев»-СМД на всей территории польского государства в 1938 г. достигла 170.000 человек [144, с. 165].

Не смотря на то, что Союз декларировал свою аполитичность, его деятельность развивалась в русле правительственной политики. Он являлся опорой правительственных кругов в осуществлении политики полонизации в Западной Беларуси. В одном из писем ЦК КСМЗБ так говорилось о его деятельности: «Оккупанты ставят ставку после «очищения» - методом пацификации революционных деревень - организационно укрепиться в этих же деревнях созданием Союза Сельской Молодёжи (проба заменить партию и комсомол своей организацией)» [11, л. 10]. Власти часто отдавали предпочтение созданию в усмирённых районах именно ячеек ССМ «Сев»-СМД, а не, например, «Стрельца». В отчёте Пинского ОК КПЗБ за июль 1934 г. сообщалось, что в Высоцком районе местная администрация настояла на организации кружка ССМ, а не «Стрельца», «мотивируя тем, что если им *(т.е. местной молодёжи)* дать оружие, то завтра уйдут в лес» [21, л. 35].

ССМ «Сев»-СМД пользовался всемерной поддержкой властей. Как уже отмечалось, нередко инициаторами создания его кружков выступали представители местной администрации. Большую роль в его организационном и численном укреплении играли учителя польских школ. Так, в феврале 1932 г. Лидский ОК КСМЗБ сообщал: «В последнее время усилилась агитация фашистских организаций через Секретариаты Беспартийного Блока, Кулки Рольниче, ЗМВ и т.д. В одном Лидском округе учителями и работниками секретариатов ББ было проведено 700 докладов и 400 собраний. Иногда доклады устраиваются на белорусском языке» [4, л. 17]. В отчёте Полесского Воеводского Союза Сельской Молодёжи подчёркивалось, что «отношения с учительством заслуживают похвал. Учительство стоит у всех рабочих мест Союза. Оно принимает участие в работе Кружков, Окружных Союзов, Воеводского Правления, проводит беседы и курсы, режиссирует театральные постановки, советует словом, опекает, следит,

поощряет.»[165, с. 21].

Правящие санационные круги стремились распространить своё влияние на все слои молодого поколения. Для привлечения на свою сторону рабоче-ремесленной, учащейся молодёжи и студенчества в межвоенный период был создан ряд организаций: Организация Трудящейся Молодёжи (Organizacja Młodzieży Pracującej), Союз Польской Демократической Молодёжи (Związek Polskiej Młodzieży Demokratycznej), Легион Молодых (Legion Młodych), Стража Передняя (Straż Przednia). В той или иной мере они распространяли свою деятельность и на территории западно-белорусского региона, хотя по своему размаху они не могли сравниться со Стрелецким Союзом или ССМ «Сев»-СМД.

Старейшей студенческой организацией был Союз Польской Демократической Молодёжи. Своё происхождение он вёл ещё с конца 19 века, а окончательно оформился в качестве, как планировалось, общепольской санационной студенческой организации в 1927г. [163, с. 170].

СПДМ объединял молодежь, проникнутую идеями прогресса и социальной справедливости, но находившуюся под влиянием личности Юзефа Пилсудского. Программа Союза отличалась достаточным радикализмом. Декларация провозглашала необходимость «превращения нынешнего строя в таком духе, чтобы труд и капитал были крепко связаны через непосредственную заинтересованность трудящихся масс в производстве. Факторами экономической перестройки должны бать общественные организации, в первую очередь профсоюзы и кооперативы, стремящиеся к ликвидации антагонизма между трудом и капиталом» [144, с. 79-80].

Как и все санационные организации, СПДМ ставил интересы государства выше интересов отдельных социальных групп. Опорой государства должны были быть крестьяне, рабочие и трудовая интеллигенция [159, с. 30].

Важной составляющей идеологии Союза был антиклерикализм. СПДМ выступал за полное отделение костёла от государства и введение гражданских браков. В области межнациональных отношений организация выступала за предоставление возможности национального развития украинцам и белорусам в рамках Речи Посполитой, считая, что это крепче соединит их с польским государством. В 1931 г. руководство Союза Польской Демократической Молодёжи признало, что наилучшим решением проблемы национальных меньшинств была бы федерация [156, с. 33].

В течение 30-х годов происходила дальнейшая радикализация СПДМ. В декабре 1933 г. Главное Правление Союза выдвинуло требование обязательного предоставления работы выпускникам вузов.

Выдвигались также требования обобществления крупной промышленности, огосударствления внешней торговли, банков, средств связи, передачи контроля над производством профсоюзам, ликвидации крупной земельной собственности. Также СПДМ выступал против ограничений в гражданских правах по национальным, религиозным или расовым признакам [156, с. 57-58].

Радикализация привела к ослаблению связей с правящими кругами, а в дальнейшем и к организационному расколу на СПДМ-левицу и СПДМ-правицу в феврале 1936 г. Формально СПДМ перестал существовать в декабре 1938 г., когда совместно с Легионом Молодых был создан Легион Польской Молодёжи (Legion Młodzieży Polskiej) [163, с. 171].

В 1930 г. в УСБ, как и в других польских вузах, начала действовать ещё одна проправительственная молодёжная организация - Легион Молодых (ЛМ). Инициаторами её создания стали деятели одной из санационных группировок, так называемой «полковничьей группы». Это были сторонники курса «твёрдой руки», в отличие от либеральной «группы замковой» президента Речи Посполитой И. Мосьцицкого, покровительствовавшей СПДМ [144, с. 80].

Высшей своей целью Легион Молодых считал расцвет Польского Государства. Идеологи организации провозглашали высшей хозяйственной, общественной и моральной ценностью труд человека. В первой идейной декларации (февраль 1930 г.) говорилось: «Человек труда и солдат - элита народа» [159, с. 21]. Достаточно радикальной была хозяйственная программа ЛМ, выдвигавшего лозунг «государства организованного труда», ограничения частной собственности и планового хозяйства: «Все наши усилия мы сосредотачиваем на задачах преобразования нынешнего строя в государство организованного труда руководимого организованной профессиональной верхушкой, ведущей государственное хозяйство на основе плановости». Признавалось даже положительное значение некоторых общественных экспериментов в СССР - «В Советах воздвигается на самом деле новая гигантская постройка человеческого быта» [24, л. 215].

Такая заострённая социальная фразеология вызывала обвинения Легиона Молодых в коммунизме. Но на самом деле организация выступала против всех «международных органов, которые ставят интересы отдельных классов и групп над интересами Государства в целом» [159, с. 21]. Таким образом, ЛМ противопоставлял себя и международному капиталу, так и Коминтерну. Враждебной силой для Государства считался и костёл, хотя одновременно признавалась большая этическая ценность религиозного фактора.

Радикальные программные установки и культ личности Ю. Пилсудского сближали обе проправительственные молодёжные организации. Главным же их различием было отношение к деятельности правящего лагеря. В отличие от оппозиционного СПДМ, первоначально ЛМ поддерживал политику Беспартийного Блока. Но в дальнейшем оппозиционные элементы усилились и в Легионе Молодых. Это привело к тому, что весной 1935 г. с предложением о роспуске ЛМ выступил инициатор его создания и многолетний покровитель Я. Ендржиевич [156, с. 57].

Согласно первоначальным принципам, ЛМ должен был стать элитарной организацией, действующей в студенческой среде и воспитывающей руководящие кадры для молодёжного движения. Но с мая 1932 г. организация стала расширять своё влияние на деревенскую, городскую рабочую молодёжь и молодых чиновников. Это привело к тому, что в 1934 г. лишь 25 % членов ЛМ были студентами, остальные 75 % - не студенческий элемент, в основном молодые чиновники [159, с. 22-23]. Помимо студенческой, рабоче-ремесленной и чиновничьей среды ЛМ проник и на территорию средней школы. Он руководил деятельностью созданной в 1932 г. ученической организацией Передовая Стража (Straż Przednia). В деятельности этой организации акцент делался на воспитание молодёжи «жертвенными и достойными гражданами РП, активно служащими польскому государству, для которых его благо, честь и свобода являются наиважнейшим делом» [170, с. 3]. В западно-белорусском регионе ПС охватывала учеников старших классов гимназий, в основном в Вильно.

Говоря о проправительственных студенческих молодёжных организациях, следует упомянуть и о группе «Державная Мысль» (Mysl Mocarstwowa), также действовавшей в УСБ. В отличие от СПДМ и ЛМ, эта организация ориентировалась на студентов происходивших из состоятельных слоев общества. Это объясняло достаточно консервативную направленность её программных принципов. ДМ выступала против классовости и национализма, считая, что классовая борьба уничтожает государство в результате борьбы капитала с трудом, а национализм угрожает целостности государства. Принцип частной собственности считался незыблемым. Католическая этика провозглашалась высшей моральной нормой в жизни личности, общества и государства. Идеалом государственности для ДМ была ягелонская Польша от моря до моря. Выдвигалась идея объединения славянских меньшинств в деле строительства державной мощи государства «через участие в развитии хозяйства при сохранении свободы культурной жизни». Державная Мысль осуждала

антисемитизм как неэтичную и некультурную борьбу, видя разрешение «еврейского вопроса» в поощрении еврейской эмиграции в Палестину. Своеобразной чертой идеологии ДМ был польский империализм - утверждалось, что обладание колониями является жизненной необходимостью Польши. При всей своей не многочисленности организации (виленская организация ДМ насчитывала 100 членов), её идеология была достаточно популярной среди студентов [159, с. 27-29].

Таким образом, студенческие проправительственные организации не составляли единого монолита. Поэтому их политическое влияние на молодёжь было не так велико, как на это надеялись инициаторы их создания. В результате, на протяжении всего межвоенного периода санации так и не удалось преодолеть в вузовской среде эндецкое влияние и завоевать большинство среди студентов.

Для работы среди городской рабочей и ремесленной молодёжи в 1933 г. была создана Организация Трудящейся Молодёжи (ОТМ), в состав которой вошёл ряд региональных организаций. Одной из самых крупных таких организаций было Объединение Ремесленной и Промышленной Молодёжи Виленского воеводства (Zrzeszenie Młodzieży Rzemieslniczej i Przemysłowej woj. Wileńskiego), которая в 1933 г. насчитывала в одном только Вильно около 900 человек [24, л. 243].

ОТМ считалась, как и другие санационные молодёжные группировки, организацией стоящей вне политики. Главной её задачей провозглашалось распространение опеки над молодёжью в форме противодействия антигосударственным влияниям через воспитание в общественно-государственном духе. Большое внимание уделялось, прежде всего, помощи в трудоустройстве молодым безработным [159, с. 98]. ОТМ действовала исключительно в городах и имела строгую иерархическую структуру. Исполнение руководящих функций зависело не от «случайных результатов выборов», а от прохождения так называемой организационной школы. Претендент на руководящую должность должен был получить степень лишь после соответствующего обучения и экзаменов [144, с. 89].

Благодаря тому, что в условиях экономического кризиса ОТМ могла оказать действенную помощь своим членам, её численность быстро росла. По всей Польше в 1934 г. она объединяла 22.000 человек [163, с. 59]. Из них в западно-белорусском регионе в Белостокском округе - 390 человек, Новогрудском округе - 700, на Виленщине около 1.100 человек [29, л. 62]. Особую активность проявляла Новогрудская ОТМ. Её членами был создан трудовой лагерь имени сенатора Свидерского в

Новоельне - промышленно-аграрное хозяйство на 8 гектарах, заслужившее похвалы на общепольском съезде ОТМ [29, л. 63]. Но по мере экономической стабилизации и выхода страны из кризиса влияние ОТМ и её численность пришли в упадок.

Следует отметить, что все проправительственные организации действовали в тесном взаимодействии, что не отрицало и конкуренцию между ними. Так, СПДМ активно участвовал в культурно-просветительской работе ССМ «Сев» - СМД, помогал создавать первичные ячейки [24, л. 214]. В ходе оказания помощи молодым безработным ОТМ сотрудничала с ЛМ и ПС [159, с. 98].

В заключение следует отметить, что правящим кругам удалось создать широкую сеть своих молодёжных организаций на территории Западной Беларуси. Общим для них было приверженность идеям польской государственности и концепции «государственного воспитания». Все проправительственные организации должны были опорой правящего лагеря в борьбе за молодое поколение. Наиболее массовыми из них были «Стрелец» и ССМ «Сев»-СМД, которым удалось охватить своей работой значительные массы деревенской молодёжи. Достаточно скромными были успехи проправительственных организаций в среде студенческой и рабочей молодёжи. В виленском университете не удалось преодолеть влияния эндеков из-за раздробленности санационного студенческого движения. Кроме того, на протяжении 30-х годов наблюдалась радикализация СПДМ и ЛМ, что вызывало обоснованную тревогу среди их «кураторов» и приводило к уменьшению правительственной поддержки. Влияние же среди молодых рабочих стало падать по мере улучшения экономической ситуации.

2. 3. Практическая, организационная и внутрисоюзная деятельность проправительственных молодёжных организаций.

В рамках правительственной политики санационные молодёжные организации и союзы проводили активную деятельность по ряду направлений. Одним из главных среди них, как уже отмечалось, стала работа по реализации концепции «нации под ружьём». Наиболее активно и целенаправленно её проводил Стрелецкий Союз. Существовала тщательно разработанная программа обучения. Например, зимой изучалось устройство оружия, проводилось одиночное обучение бойцов. Летом выполнялись упражнения по стрельбе и гранатометанию, марши и кроссы. Изучались элементы противохимической и противовоздушной обороны. Занятия, как правило, проводились регулярно, 1-2 раза в неделю.

Военная доктрина Польши строилась на планах оборонительной

войны с СССР [25, л. 39]. В соответствии с этим значительное внимание в ходе военной подготовки стрельцов уделялось обучению их партизанским действиям. Об этом говорят, например, архивные документы ЦК КСМЗБ за 1932 г.: «В районе Гродненского округа проводились военные смотры осадников. Там же проводились практические упражнения стрельцов. Эти упражнения проводятся с расчётом подготовки стрельцов к партизанским действиям» [11, л. 261]. В связи с этим, особое внимание уделялось развитию стрелецкой организации в приграничных с БССР поветах. По неполным данным в 1933 г. там имелось 56 отрядов «Стрельца» с 1.695 членами. Они были «насаждены» вдоль железных дорог и стратегических пунктов. Например, вдоль железнодорожной линии Молодечно - Вилейка действовало 10 стрелецких отрядов общей численностью 450 человек [24, л. 114]. Польское командование рассчитывало использовать структуры «Стрельца» для диверсионной и партизанской деятельности в случае возможного нападения со стороны СССР.

Курс военной подготовки заканчивался экзаменами. Стрельцы, успешно сдавшие их, получали право на 3-х месячное сокращение срока службы [24, л. 115-116]. Для закрепления полученных знаний стрелецкие отряды вместе с регулярными войсками и полицией участвовали в различных маневрах и смотрах [7, л. 76; 24, л. 116].

Помимо военной подготовки, важной составляющей деятельности «Стрельца» было гражданское воспитание. Согласно инструкции, выпущенной виленским руководством Союза, целью этого воспитания было «дать всестороннее представление об отечестве, развивать любовь к нему, оформить государственный инстинкт, приучить к дисциплине и повиновению власти, ... развивать чувство патриотизма и преданности традициям, сформировать сильные и выносливые характеры» [24, л.117].

Большое внимание уделялось подбору руководящих кадров, чтобы, как говорилось в «Программе гражданского воспитания»: «выбрать и подготовить на соответствующих курсах или лагерях активных, способных членов Стрелецкого Союза, готовя, таким образом, кадры руководителей и руководительниц, так сильно требующихся в Союзе». Эти кадры должны были в последующем стать опорой санационного режима - «на дальнейшем этапе это будут хорошо подготовленные для действенного участия в общественной жизни своего окружения люди, они будут работать в просветительских, культурных и хозяйственных организациях, в местном самоуправлении - городских, поветовых и гминных радах» [158, с. 8].

Программа гражданского воспитания включала следующие направления: организационное воспитание, государственное воспитание, профессиональная подготовка, чтение, экскурсии, культурно-художественное воспитание [158, с. 5].

В ходе реализации первой части программы стрельцы изучали устав, историю, традиции и обычаи организации. Государственное воспитание призвано было готовить членов союза, как отмечалось в «Программе гражданского воспитания» к «надлежащему пониманию современной общественно-политической жизни..., к действенному участию в общей работе, выработать дух боевой готовности к внутренним и внешним врагам, в соответствии с указаниями Создателя Стрелецкого Союза - Строителя современной Польши, 1 Маршала Юзефа Пилсудского» [158, с. 6]. Руководствуясь этими положениями, члены организации обязаны были знать историю Польши и её государственное устройство. Особое внимание уделялось истории польского национально-освободительного движения и польских вооружённых сил. Уже на первом году нахождения в Стрелецком Союзе «орлята» должны были знать о началах польского государства, правлении династий Пястов и Ягелонов, восстаниях Т. Костюшки, 1830 и 1863 годов, «примеры из истории, в которых доблесть польской армии покрыла славой польский народ среди других народов (Грюнвальд, осада Вены, наполеоновские войны, легионы Пилсудского, битва под Варшавой)». Наряду с этим «орлята» должны были исторические и памятные места родного края, связанные с историей Польши [158, с. 12-13]. В дальнейшем эти знания расширялись и углублялись. Одновременно изучалось государственное и административное устройство II Речи Посполитой, майская Конституция 1935 г., хозяйственная и общественная жизнь родного края [158, с. 31].

Важным элементом гражданского образования было насаждение культа личности Ю. Пилсудского. Один из руководителей Стрелецкого Союза, А. Минковский, настаивал на необходимости воспитания членов организации в «духе солдатско-сыновьей любви к коменданту Пилсудскому [91, с. 178]. После смерти диктатора объектом поклонения стал Э. Ридз-Смиглы. Так «Программа гражданского воспитания» наряду с обязательным празднованием отрядами «Стрельца» Дня Независимости 11 ноября, Дня Конституции 3 мая и Дня Польского Солдата 15 августа, предусматривала организацию торжеств в честь именин Маршала Польши Э. Ридз-Смиглого [158, с. 37].

Дух польского ура-патриотизма являлся ведущей идеей стрелецкого государственного воспитания и делал его составляющей частью полонизации белорусской молодёжи, уничтожения её

национального самосознания. Особенно ярко это видно на примере «стрелецкой» интерпретации истории. Так, битва при Грюнвальде подавалась, как победа исключительно польского оружия, а польско-советская война, в результате которой была оккупирована Западная Беларусь, имела важное «историческое и воспитательное значение» и, по мнению стрелецких воспитателей, была «последним этапом укрепления границ независимой Польши» [158, с. 23].

Профессиональная подготовка на селе включала в себя прохождение различных теоретических и практических курсов в рамках Земледельческой Подготовки (Przysposobienie Rolnicze) для «повышения продуктивности сельского хозяйства и рационализации потребления и сбыта сельхозпродукции» [158, с. 6]. Городские стрельцы под контролем и при помощи Стрелецкого Союза овладевали каким-либо ремеслом или профессией. Принципиальной целью профессиональной подготовки руководство организации считало обеспечение своих членов работой. Профессиональное образование, как в городе, так и в деревне, включало в себя изучение вопросов гигиены труда, трудового и социального законодательства [158, с. 6]. Заметную роль сыграл Стрелецкий Союз в организации так называемых «лагерей труда» для безработной молодёжи. Вместе с другими санационными организациями «Стрелец» вербовал туда молодых безработных. В 1933 - 1934 гг. такие лагеря существовали в Белостоке, Вильно, на Полесье и Гродненщине [29, л. 138]. Это должно было обеспечить безработную молодёжь работой, обучить её какой-либо профессии, и таким образом не только «защитить стрельцов от бедствий безработицы и её фатального морального влияния», но и стать «одним из элементов общей борьбы с последствиями безработицы» [159, с. 84]. Но результаты этой деятельности были далеки от желаемого. Тяжелые условия жизни и труда в лагерях сочетались с казарменной дисциплиной и военной муштрой. Архивные материалы сообщают о многочисленных случаях проявления недовольства молодёжи. Так, летом 1935 г. стрельцы, работавшие в Почаповской гмине (Новогрудское воеводство) на строительстве дороги «на почве эксплуатации и плохого обращения «кировников» избили своего начальника» [32, л. 27]. В «Декларации прав молодого поколения Польши», заявлении группы молодых демократических деятелей, опубликованном в виленской газете «Папросту» в 1936 г., о лагерях говорилось, что «они позорят молодёжь, воспитывая её в духе покорности и казарменной дисциплины, где ограничивается её свобода» [38, с. 65].

Три последних составных части гражданского воспитания ставили перед собой задачу повышения культурного уровня членов

«Стрельца» и организацию их отдыха. Признавалось, что «в современных условиях получение знаний без книги невозможно». Упор делался на воспитание любви к умелому чтению хороших книг и журналов с «проникновением в смысл и ведущие мысли, содержащиеся в них». Все члены «Стрельца», вне зависимости от возраста должны были обязательно быть постоянными читателями местных или передвижных библиотек. Помимо того, при каждом отряде Союза должна была быть создана своя библиотека [158, с. 24].

Во время экскурсий предусматривалось не только посещение исторических памятников и мест, но и образцовых хозяйств и промышленных предприятий, установление контактов с другими отрядами Союза и родственными организациями. Культурно-художественное воспитание предполагало организацию самодеятельных хоровых и театральных кружков, спортивных секций, участие в оборудовании светлиц (клубов) [158, с. 7]. Однако и здесь проявились полонизаторские и милитаристские устремления руководства организации. Так первой песней, которую рекомендовалось обязательно выучить орлятам в кружках пения, был польский государственный гимн „Jeszcze Polska nie zginęla" [158, с. 15]. А большая часть рекомендуемой для чтения литературы была посвящены истории польского национального движения, деятельности Боевой Организации ППС, ПОВ, Легионов (т. е. организациям созданным Ю. Пилсудским). Хотя наряду с пропагандистскими агитками и жизнеописаниями выдающихся деятелей «санации», в списки обязательной литературы входили и произведения польских классиков — «В пустыне и лесах» Г. Сенкевича, «Бастион» Б. Пруса, «Верная река» С. Жеромского [158, с. 42-44].

Центрами «гражданского воспитания» являлись светлицы (клубы) или школы. Оно проводилось в форме различных лекций, чтений, концертов, представлений, вечеров и т. д. [24, л. 117-118]. При этом особо указывалось на необходимость развития самостоятельности и инициативы у рядовых членов Союза: «Работа должна быть так спланирована инструкторами гражданского воспитания, чтобы как можно больше материала определённого программой обработала сама молодёжь при помощи книг... Инструкторы... лишь в самых трудных моментах должны служить своими советами, указаниями и приходить со своей помощью» [158, с. 9]. Часто в качестве инструкторов гражданского воспитания выступали школьные учителя. Между военным министерством и министерством образования было заключено соглашение о согласовании начинаний «имеющих целью вооружение общественной психики» и взаимодействии в проведении воспитательно-просветительской работы. Учителя должны

были поддерживать постоянный контакт с представителями армии, чаще всего с руководителями отделов безопасности при штабах военных округов. В Западной Беларуси также широко использовалась практика замены «неблагонадёжных» учителей офицерами запаса [171, с. 62]. Таким образом, можно говорить о полном контроле армии над воспитательной работой в Стрелецком Союзе.

Активно проводил военную подготовку молодого поколения в рамках концепции «нации под ружьем» и сотрудничал с армией в этой сфере ССМ «Сев»-СМД. Во время занятий члены организации объединялись с членами Стрелецкого Союза или же им выделялись специальные военные инструкторы. Занятия проводились не только в форме военных тренировок, но и в виде докладов на военные темы [9, л. 480].

Но главный упор Союз Сельской Молодёжи делал на сельскохозяйственное обучение и культурно-просветительскую деятельность. Члены организации активно участвовали в различного рода земледельческих курсах, конкурсах и выставках. Так, в Свенцянском повете в 1930 г. существовало 55 объединений «Сельскохозяйственной Подготовки», в которых проходило обучение 519 юношей и девушек. Удельный вес членов Союза среди них составлял 57 % [9, л. 480]. ССМ «Сев» также участвовал в развитии сельхозкооперации. Например, в 1931 г. в полесском отделении существовало 17 молочных и 12 потребительских кооперативов [166, с. 9]. Для девушек организовывались курсы кройки и шитья, рукоделия, домоводства, цветоводства и т.д.[167, с. 9].

Значительная работа велась и в культурно-просветительской сфере. В распоряжении Виленского воеводского ССМ «Сев» было 36 библиотек, 78 светлиц (клубов), 20 оркестров, 21 радиоприёмник [130, с. 297]. Кружки Полесского отделения Союза имели в 1934 г. 85 библиотек, 93 клуба, 132 театральных и 45 хоровых коллективов [167, с. 4-5]. В целях вовлечения в организацию белорусской молодёжи театральные кружки наряду с польскими пьесами ставили и произведения белорусских авторов. Например, «Шлях моладзі» в июне 1934 г. сообщал о постановках в Дзисненском повете кружками Союза пьесы Радзиевича «Збянтэжаны Саўка» [115, с. 19].

Но это было достаточно редким явлением. Руководящие органы Союза обращали большое внимание театральный репертуар. Это объяснялось заботой о молодом поколении, которой под влиянием «политических убеждений кружит вокруг украинских или российских пьес, не имеющих с этой территорией ничего общего» [164, с. 24]. «Чистота» репертуара соблюдалась при помощи административных методов. Когда в сентябре 1934 г. в одной из деревень Браславского

повета группа молодёжи (члены «Стрельца» и ССМ «Сев») подготовили постановку купаловской «Павлинки», представление было запрещено польской полицией. Причиной запрета была объявлена необорудованность сцены (она располагалась под открытым небом) [117, с. 12]. Причём следует заметить, что за публикацию сообщения об этих событиях номер журнала «Шлях моладзі» был конфискован по приказу Виленского городского старосты [118, с. 2].

В целом, конечно же, культурная деятельность носила ярко выраженный полонизаторский характер. В качестве культурной работы в полонизаторском духе необходимо рассматривать и привлечения молодёжи из ССМ «Сев»-СМД к организации и празднованию государственных праздников 2 Речи Посполитой, именин Маршала Ю. Пилсудского, праздника труда (дожинок) и других подобных мероприятий. Причём это происходило не только на местном уровне. Традиционным стало участие сельской молодёжи «кресов» в «Спальских Дожинках у Пана Президента РП», Празднике Моря в Гдыне, Съездах поляков заграницы в Варшаве и т.д.[167, с. 13-15].

Вместе с тем результат просветительской и воспитательной работы многих кружков был достаточно низок. Об этом свидетельствуют архивные источники: «В дер. Вороничи, Барановичского округа, существует Звензек Млодежи Вейской, который насчитывает 10-12 человек. Всё время они проводят в пьянках. Эта фашистская организация избивает до потери сознания население всей деревни» [7, л. 361]. О многих подобных негативных явлениях - хулиганстве, драках, пьянстве - сообщал и журнал «Шлях моладзі», который никак нельзя заподозрить в симпатиях к комсомолу [119, с. 14].

Стрелецкий Союз и ССМ «Сев»-СМД являлись опорой проведения политики польских властей в Западной Беларуси. Наиболее подготовленные стрелецкие отряды нередко привлекались к участию в пацификациях и борьбе с забастовочным движением. Так на рубеже 1933 - 1934 гг. во время карательной экспедиции в Кобринском районе стрелецкий отряд из Жабинки участвовал в разгроме украинских кооперативов. В Черной Вси на Белосточчине во время забастовки лесных работников стрельцы работали как штрейкбрехеры под охраной полиции [2, л. 95]. В Индурском районе стрелецкие отряды, созданные в имениях, следили за порядком накануне революционных праздников с целью не допустить коммунистической агитации [7, л. 361]. В том же Индурском районе стрельцы из деревни Прокоповичи выдавали полиции участников первомайской демонстрации [15, л. 94]. В районе Гродно и Глубокого созданные по инициативе местных помещиков отряды конных стрельцов (кракусов) использовались для охраны помещичьих

лесов и угодий [50, с. 11]. В отчёте Пинского ОК КСМЗБ за ноябрь-декабрь 1934 г. подчёркивалось, что многие члены пинского городского отряда «Стрельца» входят в состав школы организованной польской контрразведкой (дефензивой) [21, л. 14]. На Виленщине польские власти привлекали стрельцов к борьбе с литовскими культурными организациями. Члены «Стрельца» при поддержке полиции участвовали в ряде мест в разгоне молодёжных вечеринок, организованных литовцами [49, с. 348].

Такая деятельность Стрелецкого Союза полностью соответствовала задачам «гражданского воспитания», одной из целей которого было «проявление решимости и инициативы в области ... поддерживания общественного порядка в момент необходимости» [24, л. 117].

Подобной деятельностью занимались в западно-белорусском регионе и некоторые ячейки ССМ «Сев»-СМД. О чём свидетельствует, например, работа кружка созданного польским учителем в 1929 г. в деревне Пасиничи Слонимского повета. Члены кружка сотрудничали с полицией, были даже ею вооружены. Они участвовали в полицейских облавах и разгроме комсомольской ячейки, за что были премированы слонимским старостой [3, л. 283 - 284]. Однако следует заметить, что к борьбе с революционным и национально-освободительным движением в таких масштабах как «Стрелец», ССМ «Сев»-СМД не привлекался.

На протяжении 30-х годов было налажено активное взаимодействие между «Стрельцом» и ССМ «Сев»-СМД. Прежде всего, оно проявлялось в совместном прохождении членами этих организаций курсов Военной Подготовки и сельскохозяйственного обучения [9, л. 480]. Например, в мае 1933 г. между Полесским Воеводским ССМ «Сев» и «Стрельцом» было заключено соглашение о сотрудничестве. Это соглашение предусматривало совместное создание и использование светлиц, пользование их инвентарём и оборудованием. Так же предусматривалось совместное участие в праздновании государственных торжеств, в спортивных и культурных мероприятиях. Группы военной подготовки, созданные при Союзе Сельской Молодёжи переходили под опеку поветовых комендантов «Стрельца», одновременно коллективы сельхозподготовки Стрелецкого Союза пользовались опекой инструкторов ССМ «Сев». Предусматривалось также и создание совместных отделений военной или земледельческой подготовки (в случае если на местах недостаточное количество членов организаций для самостоятельной деятельности в данной сфере) [166, с. 14]. Окончательно взаимодействие проправительственных молодёжных союзов и объединений в масштабах всей страны было оформлено 15 октября 1937 г., когда было подписано соглашение о взаимном сотрудничестве ведущих

санационных молодёжных организаций, активно действовавших и на территории западно-белорусского региона - «Стрельца», Союза Польского Харцерства, Организации Трудящейся Молодёжи и Союза Молодой Деревни [163, с. 59].

Тем не менее, не смотря на усилия руководства, низовые звенья «Стрельца» и ССМ «Сев»-СМД в 30-е годы оказались затронуты процессом радикализации. Ярким проявлением этого были события в Супрасле в июле 1933 г. Там во время столкновения бастующих текстильщиков с полицией стрельцы выступили на стороне рабочих. Два стрельца - В. Ульман и К. Буткевич были убиты полицейскими. Это привело к выходу молодёжи из супрасльского отряда Стрелецкого Союза [50, с. 18-22]. Супрасльские события затем активно использовал в своей антистрелецкой агитации комсомол. Так, например, было выпущено открытое письмо супрасльских стрельцов с призывом к молодёжи выходить из членов «Стрельца» [29, л. 109]. Бывшие члены «Стрельца» в результате брожения вовсе не обязательно автоматически становились членами комсомола. Так, в Лапах (на Белосточчине) 15 стрельцов перешли в ТУР, молодёжную организацию при ППС. Поводом же к распаду данного отряда стал отказ руководства стрелецкой светлицы настроить радиоприёмник на передачи из Москвы [17, л. 283] . Следует, однако, признать, что серьёзной конкуренции «Стрельцу», за которым стояла вся мощь государственного аппарата, левые и демократические организации составить не могли.

Наиболее ярко проявились процессы радикализации и брожения среди санационных студенческих союзов виленского университета.

Что касается деятельности СПДМ в Вильно, то следует сразу отметить малочисленность его первичной организации. В неё входило около 100 человек [159, с. 30]. Вместе с тем это была достаточно активная группа. Именно в Вильно выходил один из печатных органов Союза - общественно-литературный ежемесячник «Смуга» („Smuga"). Первоначально (с декабря 1931 г.) это было приложение к «Курьеру Виленскому», а с ноября 1932 г. по ноябрь 1933 г. самостоятельное издание тиражом 1000 экземпляров. Редактором являлся А.Микулко. Публикации «Смуги» отличались радикализмом и польские исследователи считают, что её редакция фактически отказалась от санационной идеологии [157, с. 120-121].

Самой распространённой формой работы Союза Польской Демократической Молодёжи в студенческой среде была организация вечеров и дискуссий. Здесь также проявлялся радикализм виленской ячейки. В конце 1933 г. Виленское Воеводское Правление сообщало в своих отчётах, что на дискуссионных вечерах Союза часто

происходят выступления в революционном духе, не встречающие какого-либо сопротивления. Многие лидеры виленского СПДМ перешли к сотрудничеству с левыми студенческими организациями. Так, председатель виленского отделения М. Винецкий был связан с Союзом Студенческой Левицы «Фронт», организацией находившейся под коммунистическим влиянием [156, с. 171]. Именно виленская организация стала одним из инициаторов раскола Союза и создания в 1936 г. анархо-синдикалистского СПДМ-левицы [163, с. 171].

Союз активно участвовал в борьбе с эндеками в виленском университете. В коалиции с другими организациями он боролся за завоевание мест в правлении БП. В январе 1937 г. СПДМ совместно с Легионом Молодых и социалистами создал Союз Исправления Академической Жизни (Związek Naprawy Zycia Akademickogo), который имел целью препятствовать антисемитским акциям [156, с. 163]. Однако, оценивая в целом деятельность Союза Польской Демократической Молодёжи в Вильно, следует согласиться с мнением Е. Филипайтиса о том, что эта организация не сыграла большой роли, хотя в дальнейшем многие её члены перешли в революционный лагерь [142, с. 12].

Если говорить о работе Легиона Молодых среди виленских студентов, то он также боролся с эндеками за влияние в университете. Например, участвовал в выборах в правление в БП и противодействии антисемитским акциям. В условиях повышения платы за обучение ЛМ присоединился к «антиоплатовой акции» [156, с. 183]. В целом можно сказать, что Легион Молодых Виленского университета, как и местная организация СПДМ подверглась радикализации. Многие её члены стали в активную оппозицию к правящему лагерю. Так, в 1934 г. комендантом университетского отряда ЛМ был избран Владислав Рыньца, одновременно принадлежавший к Союзу Академической Левицы «Фронт» [156, с. 57]. Другой бывший член организации - Стефан Ендриховский был фактическим идеологом «Фронта».

В Западной Беларуси Легион Молодых активно распространил свою деятельность и за стенами виленского университета. Третий конгресс «младолегионеров» принял решение взять «кресы» под свою опеку [35, л. 36]. Следует сказать, что антикапиталистическая фразеология борьбы «за справедливую Польшу, в которой дети будут узнавать о безработице только от учителей истории,... в которой совместная жизнь народов не будет требовать пацификации и виселиц» делала организацию привлекательной для западнобелорусской молодёжи. Привлекательным был также антиклерикализм Легиона и негативное отношение к нему костёла. Так, в информации Белостокского ОК КПЗБ сообщалось, что в Волковыске группа

молодёжи присоединилась к ЛМ, после того как местный ксёндз в своей проповеди объявил эту организацию коммунистической [25, л. 114]. Особенную активность Легион Молодых проявлял, как отмечают источники КПЗБ, там, где рабочая молодёжь покинула те или иные санационные организации (прежде всего «Стрелец»). Так, после забастовки текстильщиков на Белосточчине в 1933 г. и распада там стрелецких отрядов, на смену им приходили ячейки ЛМ [24, л. 243]. Согласно архивным документам, в Западной Беларуси в составе «младолегионерских» отрядов было свыше 1.000 человек, в основном поляков - рабочих и представителей государственного аппарата. Наибольшую активность организация проявляла на Белосточчине [29, л. 63].

Санационные круги стремились использовать ЛМ в борьбе с оппозиционным режиму движением. Так, например, в Гайновке «младолегионеры» совместно со стрельцами участвовали в 1935 г. в разгоне демонстраций рабочих [35, л. 36]. Но главной областью деятельности организации стала не борьба с революционным и национально-освободительным движением, а работа по трудоустройству и помощи безработной молодёжи. Наряду со «Стрельцом» ЛМ участвовал в акции по «посредництве працы» [1, л. 186]. Прежде всего, это проявлялось в привлечении и вербовке молодёжи в трудовые лагеря [29, л. 62, л. 247]. Но также как и среди студентов, в рядах рабочих – членов союза шёл процесс радикализации и разочарования в деятельности организации. Показателен в этом отношении белостокский городской отряд «младолегионеров». В 1932 г. он насчитывал 500 человек. За два следующих года произошёл массовый отток молодых рабочих, причем часть из них была исключена за «радикализм». В итоге, в конце октября 1934 г. в местном ЛМ было записано 170 человек, из них лишь 80 являлись активными членами организации. Когда верховное руководство ЛМ приняло решение распустить окружной комитет, он призвал «младолегионеров» вступать в ППС [30, л. 143].

27 апреля 1936 г. Легион Молодых совместно с Союзом Польской Демократической Молодёжи и Центральным Отделом Молодёжи ППС подписал «Декларацию Фронта Молодой Левицы». Это было соглашение молодых социалистов с санационной «левицей» против фашизма. Но эта инициатива не принесла должного результата - до объединения всех левых молодёжных организаций не дошло. Одной из причин этого был кризис, который вскоре наступил в Легионе Молодых. В июле 1936 г. в организации произошёл раскол на основе отношения к создаваемому санацией OZN. Часть членов ЛМ вышла из его рядов и примкнула к ППС. Таким образом, значительная часть молодёжных лидеров, которые должны были стать опорой

санации, оказались в оппозиционном лагере (как это было в виленском университете, где многие руководители проправительственных студенческих организаций вошли в прокоммунистический ССЛ «Фронт»). Остатки ЛМ, сохранившие верность правящему режиму, в декабре 1938 г. (как уже говорилось выше) объединились с СПДМ в Легион Польской Молодёжи [163, с. 171].Однако эта организация фактически не успела проявить себя до начала Второй мировой войны.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что молодёжные проправительственные организации стали значительным явлением и влиятельным фактором в общественно-политической жизни Западной Беларуси в предвоенное десятилетие. Наиболее влиятельными являлись «Стрелец» и ССМ «Сев»-СМД. Они охватили своей деятельностью значительные массы молодёжи, прежде всего в сельской местности.

«Стрелец» играл ведущую роль в реализации правительственной программы Польши по военной подготовке молодёжи и внёс значительный вклад в усиление обороноспособности польского государства. Целенаправленная работа велась в сфере гражданского воспитания, которое в условиях Западной Беларуси имело ярко выраженное полонизаторское направление. Спаянная военной дисциплиной стрелецкая организация являлась опорой польского правящего режима, ярким проявлением чего явилось активное привлечение стрельцов в пацификациях и удушении забастовочного движения.

ССМ «Сев»-СМД также активно поддерживал политику полонизации и проведении военной подготовки. Проводилась также значительная культурная и образовательная деятельность, которая за редкими исключениями шла в проправительственном русле и руководилась представителями местной администрации и системы образования Польши. «Сельскохозяйственная Подготовка» хотя и не могла разрешить проблем накопившихся в западно-белорусской деревне, однако в некоторой степени способствовала повышению продуктивности сельского хозяйства.

Вместе с тем проправительственные молодёжные организации оказались затронуты процессом радикализации, который особенно проявился среди виленских студентов – членов СПДМ и ЛМ, в меньшей мере среди стрельцов и членов ССМ «Сев»-СМД. Это приводило к переходу части молодёжи в оппозиционный правящим кругам лагерь, её участию в демократическом и революционном движении Западной Беларуси.

ГЛАВА 3. МОЛОДЁЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЛЕВОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.

3. 1. Организационная структура, национальный и социальный состав молодёжных организаций демократической ориентации.

В 30-е годы прошлого века молодёжное движение на территории Западной Беларуси было представлено не только организациями проправительственного толка. Существовало значительное оппозиционное течение, прежде всего левой и демократической ориентации. Оно было представлено рядом организаций, которые, так или иначе, находились под влиянием оппозиционных режиму «санации» политических партий – коммунистов, социалистов и «народников» из крестьянских партий.

Наиболее радикально настроенным и, находившимся на крайне левом фланге антиправительственного лагеря, был созданный ещё в 1924 г. по инициативе Центрального Комитета Коммунистической Партии Западной Белоруссии (КПЗБ) нелегальный Коммунистический Союз Молодёжи Западной Белоруссии (КСМЗБ). Западно-белорусский комсомол являлся частью польского комсомола (КСМП) на правах автономной территориальной организации. Он не имел собственной программы и устава и в своей деятельности руководствовался документами польского и международного коммунистического движения, поскольку КСМП был секцией Коммунистического Интернационала Молодёжи (КИМ).

Согласно уставу КИМ, его задачей была реализация задач коммунистического движения в борьбе с капиталистическим строем и империалистической войной, за строительство социалистического общества и воспитание в этом духе молодых революционеров [163, с. 36]. Фактически, комсомольские организации должны были стать резервом компартий.

Непосредственные задачи и цели западно-белорусского комсомола были конкретизированы на его I (и единственном) съезде, прошедшем в 1931 г. под Минском. В Манифесте съезда провозглашалось: «Мы открыто и смело заявляем, что Коммунистический Союз Молодёжи ставит своей задачей организовать широчайшие массы трудящейся молодёжи для непримиримых боёв против фашизма, для последнего и решительного боя за свержение фашистской диктатуры путём массового всенародного вооружённого восстания. Наша конечная цель – пролетарская революция во всей Польше, которая свергнет фашистский строй, разрешит по-революционному кризис и установит на развалинах фашистской диктатуры рабоче-крестьянскую власть, диктатуру пролетариата, советскую Польшу» [95, с. 143].

Таким образом, стратегические цели КСМЗБ совпадали с целями КПЗБ. В условиях западно-белорусского региона, помимо победы социалистической революции, выдвигались требования ликвидации

помещичьего землевладения, пропаганда пролетарского интернационализма, борьба против внешней политики Польши и защита СССР, осуществление права на самоопределение Западной Беларуси и воссоединения её с БССР [130, с. 67]. Причём следует отметить, что последний лозунг был снят по требованию Коминтерна и Москвы в период улучшения советско-польских дипломатических отношений и подписания договора о ненападении между двумя странами.

Разумеется, что данные программные установки рассматривались польскими властями как подрывные и антигосударственные, вызывали жестокие полицейские репрессии, вынуждавшие комсомол действовать в подполье весь период его существования.

В условиях нелегального положения КСМЗБ руководствовался принципами демократического централизма и принял строго централизованную организационную структуру. Во главе организации стоял Центральный Комитет (ЦК). ЦК считался высшим руководящим органом КСМЗБ между съездами и конференциями. Центральный Комитет, как и весь союз, работал нелегально под руководством ЦК КПЗБ и ЦК КСМП. Он избирался на конференциях западно-белорусского комсомола и состоял из 7 – 9 человек. ЦК КСМЗБ базировался в Вильно, хотя из-за полицейских преследований мог перемещаться в Белосток или Варшаву. В 30-е годы первыми секретарями были С. Анисов, И. Малец, Н. Масловский, Н. Дворников [40, с. 697].

Следующей организационной ступенью были окружные комитеты КСМЗБ (ОК) из 7 человек, руководившие округами комсомола. ОК избирались на окружных конференциях, но из-за частых арестов могли быть созданы и на собраниях комсомольского актива, ЦК КСМЗБ или ОК КПЗБ. Что касается количества округов комсомола, то уже в 1923 – 1924 годах действовали Виленский, Белостокский, Брестский, Гродненский, Пинский, Барановичско-Слонимский и Новогрудский округа. В 1930 – 1931 годах к ним добавились Волковысский, Молодечненский, Лидский, Поставско-Глубокский и Свентянско-Браславский ОК. Таким образом, на территории Западной Беларуси в 30-е годы существовало до 12 округов КСМЗБ [40, с. 61]. В численном отношении округа были не равноценны. Об этом свидетельствуют данные за 1933 г. В этот период в Виленском округе насчитывалось 160 комсомольцев, Белостокском – 500, Брестском – 700, Гродненском – 490, Слонимском – 500, Пинском – 140, Молодечненском – 90, Глубокском – 180, Браславском – 60 и Новогрудском – 360 членов КСМЗБ [130, с. 76].

Каждый ОК КСМЗБ руководил работой Районных Комитетов (РК) из 5 человек. Каждому ОК подчинялось до 10 районных или городских организаций. Те, в свою очередь, могли состоять из 10 – 12 первичных ячеек. В ячейку входило от 3 до 7 человек. Во главе ячейки стояло Бюро, состоявшее из секретаря, казначея и техника [130, с. 76].

Что касается численности КСМЗБ, то следует отметить, что можно говорить о её росте в первой половине 30-х годов. Согласно архивным данным, накануне I съезда КСМЗБ насчитывал 1153 человека. Причем не учитывались комсомольцы, находившиеся в тюрьмах. Также в статистику не вошли данные из Барановичского округа, с которым в то время у ЦК не было связи. Тем не менее, приблизительно, на этот округ приходилось 50-70 комсомольцев [12, л. 204]. Через год после съезда, на котором кроме всего прочего, была принята резолюция усилить массовую работу, прошла III конференция КСМЗБ. Её 19 делегатов представляли уже 3400 находившихся на свободе членов КСМЗБ [81, с. 250]. В дальнейшем, согласно данным современной отечественной историографии, численность комсомола Западной Беларуси достигла 4000 человек [51, с. 201]. При этом следует учитывать, что значительная часть комсомольцев (до 1/3) находилась в польских тюрьмах [130, с. 76]. Репрессии властей были главным сдерживающим фактором численного роста. Так, согласно уголовному кодексу Польши от 11 июля 1932 г., принадлежность к нелегальным организациям предусматривало наказание вплоть до пожизненного заключения. Содействие коммунистам каралось 5 годами тюрьмы [51, с. 199]. Кроме того, не следует забывать, что комсомол являлся резервом компартии. Поэтому многие активные комсомольцы становились членами КПЗБ ещё не выйдя из так называемого «комсомольского» возраста. Так, С. Притыцкий вступил в партию в возрасте 19 лет, И. Малец в 20-ти летнем возрасте, Я. Друтто (один из лидеров прокоммунистической студенческой организации «Фронт») стал коммунистом в 21 год [49, с. 245; 49, с. 170; 49, с. 251]. Нередко весь актив тех или иных районных или городских комсомольских организаций переходил в состав компартии. Например, в конце 1931 г. по распоряжению Пинского ОК КПЗБ Лунинецкий горком КСМЗБ был преобразован в горком КПЗБ [87, с. 276].

Таким образом, в численном отношении КСМЗБ не мог конкурировать с ведущими молодёжными организациями региона. Об этом писала и коммунистическая газета «Партработник» в начале 30-х годов: «Все отчёты КСМ с мест подают факты существования в данной местности ряда вражеских организаций, особенно на еврейской улице. Причем количество этих организаций в 4 – 5 раз превышает количество КСМ» [11, л. 26].

Социальный состав КСМЗБ в основном соответствовал социальному составу западно-белорусского населения. 80 % комсомольцев были крестьянами, 10 – 12 % приходилось на рабочую молодёжь, остальные – учащиеся, сезонные рабочие, батраки [130, с. 76]. Здесь следует отметить, что достаточно мало внимания уделялось привлечению молодой интеллигенции и студенчества в комсомол. Это было характерным явлением для коммунистического движения в первой половине 30-х годов. Проект программы КПП, принятый на VI съезде партии, утверждал, что интеллигенция выросла в буржуазных

традициях. «Перетягивание» интеллигенции на свою сторону предполагалось лишь после победы социалистической революции. Эта позиция нашла отражение и в лозунгах I съезда КСМЗБ (1931 г.). В них во главу угла выдвигались задачи руководства экономической борьбой молодых рабочих, антивоенная работа и работа среди детей. Что же касается студенчества, то о нём не было даже самого лаконичного упоминания [142, с. 65]. Определённый поворот произошёл позднее, о чём будет сказано ниже, при освещении деятельности Союза Студенческой Левицы «Фронт».

Необходимо также затронуть вопрос и о национальном составе КСМЗБ. Как уже говорилось выше, комсомол выступал с позиций пролетарского интернационализма. Согласно данным современной историографии, 83 % членов союза были белорусами, 15 – 17 % евреями и около 1 % поляками, литовцами и представителями других национальностей [130, с. 36]. Таким образом, не все национальные группы были представлены пропорционально в составе КСМЗБ. Это было вызвано рядом объективных и субъективных причин.

Белорусскую крестьянскую молодёжь, как находившуюся в наиболее сложной социально-экономической ситуации, привлекала радикальная коммунистическая программа, и она видела в её реализации выход из своего тяжёлого положения. Причём это не всегда означало, что рядовые комсомольцы достаточно ориентировались в коммунистической идеологии. Архивные источники свидетельствуют о «низком политическом уровне» комсомольцев некоторых первичных организаций. Так, согласно письму ЦК КСМЗБ, в 1935 г. в Гродненском округе в ходе компании по подготовке к конгрессам КИ и КИМ выяснилось, что многие комсомольцы просто не знали, что такое Коминтерн, КИМ и их конгрессы [30, л. 19]. Таким образом, можно говорить о своеобразном «протестном» выборе радикализирующихся в условиях экономического кризиса молодых белорусских крестьян.

С другой стороны, польская молодёжь по патриотическим убеждениям не могла принять такие требования КСМЗБ как отделение западно-белорусских земель от II РП, считая их угрозой для польской государственности. Кроме того, как уже было показано выше, молодые поляки активно участвовали в деятельности Стрелецкого Союза, ССМ «Сев» – СМД и других санационных молодёжных организаций, являвшихся противниками комсомола в борьбе за молодое поколение. Необходимо также учитывать и то влияние, которое имел среди польского и литовского населения римско-католический костёл. Это влияние делало неприемлемым для верующих воинствующий атеизм комсомола.

Наряду с идеологическими противоречиями и угрозой полицейских репрессий, вовлечению в комсомол представителей национальных групп препятствовал часто и сугубо финансовый фактор. Так, в отчёте Виленского

ОК КСМ (март 1932 г.) сообщалось о причине отказа от сотрудничества с комсомолом студентов-литовцев: «Студенты литовцы так и заявили, что если их работа примет широкую огласку, то они будут лишены стипендий, получаемых ими сейчас из Ковно» [11, л. 259]. То есть, за коммунистическую деятельность студенты-литовцы лишались финансирования со стороны так называемой «ковенской» Литовской республики, что фактически вело к прекращению учёбы.

Если говорить о комсомольцах-евреях, то они составляли преобладающее большинство в городских организациях. В итоговых документах I съезда КСМЗБ указывалось на то, что эти организации состоят на 79 – 90 % из евреев [12, л. 189]. Причём это была в основном ремесленная и «мелкобуржуазная» молодёжь, именно эти слои оказались наиболее пострадавшими в ходе экономического кризиса. Кстати, в тех же документах сообщалось, что во всём КСМЗБ имелось лишь 7 производственных ячеек, то есть комсомольских организаций на крупных промышленных предприятиях [12, л. 189]. Всего же из 251 городской ячейки (на 1931 г.) 198 были еврейскими [12, л. 204]. О роли евреев в комсомоле свидетельствует и национальный состав делегатов съезда КСМЗБ: из 22 делегатов белорусами было 8 человек, поляков – 1, евреев – 10 (о 3 делегатах данные отсутствуют) [12, л. 224].

Данная ситуация серьёзно беспокоила партийное руководство. В уже упоминавшейся газете «Партработник» отмечалось: «Белостокская организация варится в ограниченном кругу ремесленной и мелкобуржуазной еврейской молодёжи,… та незначительная польская и белорусская молодёжь, которая была в организации, отходит от неё вследствие неправильной национальной политики Белостокского комсомола… Без преодоления этих антигоевских настроений, национальной ограниченности, немыслим поворот к массовой работе и рост КСМ» [11, л. 26].

Следует отметить, что «национальная ограниченность» вела к росту антисемитских настроений в ряде первичных комсомольских организаций. В отчёте Новогрудского ОК КСМ (1934 г.) говорилось об отношении комсомольцев Дятловского и Почаповского районов к евреям-руководителям: «они работать не хотят, идут организуют нас, а потом сдают полиции, они на нас всегда кататься будут при каком бы ни было правительстве» [26, л. 51-52]. В марте 1935 г. в Волковыске комсомольцы-белорусы отказались сотрудничать с евреями, подозревая их в провокаторской деятельности. В данных и подобных им случаям наряду с недостаточной воспитательной работой комсомола необходимо учитывать и роль польских спецслужб, стремившихся расколоть и уничтожить комсомольское подполье. Так, автор сообщения из Волковыска прямо указывает на то, «что в этом деле есть рука дефы *(польская контрразведка)*» [25, л. 113].

Тем не менее, КСМЗБ стремился стать подлинно интернациональной

организацией. Одной из задач, поставленных ему руководством КСМП, было «превратится в организацию, которая бы защищала повседневные интересы трудящейся молодёжи как польской, так и украинской, белорусской, еврейской и немецкой,… непрестанно укреплять связь между ними, объединять эту молодёжь в борьбе за свержение фашистской диктатуры» [36, с. 31]. Комсомол действительно проводил большую работу по интернациональному воспитанию молодёжи и вовлечению в свои ряды представителей всех национальностей, проживавших в регионе. Особенно это касается периода борьбы за создание единого фронта во второй половине 30-х годов. Хотя, например, ещё в 1930 г. было создано Литовское коммунистическое бюро при ЦК КПЗБ, в деятельности которого принимали активное участие молодые коммунисты и комсомольцы И. Каросас, Я. Друтто, Ю. Григулявичюс и другие [49, с. 149]. ЛКБ сыграло большую роль в привлечении литовской молодёжи Виленского края к коммунистическому движению.

Нужно отметить, что КСМЗБ был не единственной молодёжной организацией социалистической ориентации на территории Западной Беларуси. В регионе, так или иначе, развернули свою деятельность и другие левые молодёжные союзы.

Одной из них была Молодёжная Организация Товарищества Университета Рабочих (Organizacja Młodzieżowa Towarzystwa Uniwersitety Robotniczego), тесно связанная с Польской Социалистической Партией. Организационно этот союз возник ещё в 1926 г., в качестве своеобразного молодёжного филиала при социалистической культурно-просветительской организации ТУР. Тогда же МО ТУР стала и членом Социалистического Интернационала Молодёжи [163, с. 63].

Первоначально целями союза были развитие культуры, просвещения и спорта в среде пролетарской молодёжи. К. Чапиньский (посол ППС в Сейме) заявлял: « ТУР должен быть проявлением борьбы пролетариата, стремящегося к разрушению просветительской монополии правящих классов и присвоению всех ценных достижений национальной и общечеловеческой культуры, где это нужно, в духе стремления своего класса к будущей Польской социалистической республике» [159, с. 92-93]. На начальном этапе идеология молодых «туровцев» мало отличалась от социал-реформистской идеологии ППС, воспитание будущих членов которой было одной из их задач [163, с. 64]. В отличие от коммунистов, социалисты были против диктатуры пролетариата и стремились к демократической системе управления государством. Выдвигая лозунги общественной революции, они, однако, понимали её не как насильственный переворот, а как момент взятия власти рабочим классом, путём получения парламентского большинства [162, с. 100].

Но уже в 1929 г., с началом социально-экономического кризиса, начался перелом в идеологии и практике МО ТУР. С одной стороны, союз стал

делать всё больший упор на защиту интересов молодёжи и участие в активной политической борьбе, с другой – стремиться к большей автономии от руководства ППС. Даже советские источники того времени признавали существование среди молодых «туровцев» «значительной революционной оппозиции» [91, с. 139].Показательно и то, что ведущую роль в деятельности левой оппозиции внутри самой ППС играл один из руководителей МО ТУР С. Дюбуа [163, с. 65].

Деятельность оппозиции привела к изменениям в идеологии как ТУРа, так и ППС. Утверждалась необходимость «массовой борьбы рабочих и крестьян и преодоление в массах иллюзий, что какая-нибудь сила в рамках капиталистического строя сможет исправить их судьбу без полной ломки власти господствующих в государстве классов» [162, с. 100]. Признавалась и необходимость установления на некоторое время диктатуры.

В середине 30-х годов программа ППС, которую поддерживала и МО ТУР, включала требования расширения прав местного самоуправления и сокращения полномочий административных властей, отделение церкви от государства, право на автономию для национальных меньшинств II РП, обобществление основных отраслей промышленности, огосударствление банков, монополию государства на торговлю товарами первой необходимости, проведение радикальной аграрной реформы [162, с. 101]. Фактически произошли достаточно серьёзные изменения в сторону радикализации молодых польских социалистов.

Что касается структуры, то МО ТУР действовала как федерация сети местных ячеек, развивавших свою работу в зависимости от условий и потребностей рабочей среды [146, с. 10].

Следует признать, что непосредственно на территории Западной Беларуси МО ТУР большого влияния на молодёжь не приобрела. Согласно данным ЦК КСМЗБ, наибольшую активность она проявляла в среде молодых железнодорожников Вильно и Гайновки [24, л. 244]. Самой крупной была «туровская» ячейка в Вильно – в 1932 г. в ней было около 200 членов [11, л. 263]. Для сравнения – нелегальный КСМЗБ в Вильно имел около 200 членов [11, л. 263], а проправительственное Объединение Ремесленной и Промышленной Молодёжи Виленского края – 900 человек [24, л. 243].

Помимо Вильно и Гайновки, архивные материалы сообщают о существовании «туровских» организаций в Гродно, Лапах и Вилейке [29, л. 243]. В работах польских историков есть сведения также об отделениях МО ТУР в Белостоке, Бресте и Лунинце [146, с. 189]. При этом характерно, что, например, в отчёте Гродненского ОК КСМЗБ (1935 г.) о ТУРе сообщалось: «ТУРа целиком, как «вещи материальной» потрогать нельзя» (то есть он существовал лишь формально) [30, л. 128]. «Туровская» же организация в Лапах (40 человек в 1932 г.) фактически не находилась под руководством

ППС, а была создана коммунистами и комсомольцами для легального прикрытия их деятельности [11, л. 262].

Следует признать, что МО ТУР распространила своё влияние на собственно польских землях, а не в западно-белорусском регионе. Этому существует ряд объяснений. Прежде всего, отсутствовала массовая база – мощный городской пролетариат, на который в первую очередь и была направлена деятельность молодых социалистов. Кроме того, среди местных городских рабочих преобладали евреи, имевшие свои многочисленные еврейские организации. Среди рабочих-поляков имели большой вес сторонники проправительственной ориентации, как уже было показано выше при сопоставлении численности виленских союзов рабочей молодёжи. На численность ОМ ТУР влияла и та борьба, которую вёл за пролетарскую молодёжь комсомол. В нашем случае показательно то, что по всей II РП МО ТУР объединяла в своих рядах в 1936 г. примерно 6 тысяч человек [144, с. 165], тогда как комсомол только Западной Беларуси насчитывал около 3,5 – 4 тысячи членов.

Необходимо также учитывать и правительственные репрессии, всячески мешавшие деятельности ППС и её молодёжного отделения. Так, в начале 30-х годов к трёхлетнему тюремному заключению был приговорён С. Дюбуа, бывший депутатом Сейма от Бельск-Подляского, Острув Мазовецкого и Высоко Мазовецкого округов, в которых преобладало белорусское население [39, с. 170].

В отличие от коммунистов, ППС уделяло определённое внимание студенчеству. Под её влиянием находился Союз Независимой Социалистической Молодежи (Związek Niezależnej Młodzieży Socialistycznej), имевший своё отделение и в Виленском университете. Однако он не мог соперничать в борьбе за влияние на студентов с мощными организациями крайне правых польских националистов. Численность его в Вильно, согласно данным польской историографии, не превышала (в 1933 г.) 25 человек [156, с. 64]. Кроме того, как оказалось известно позже, в начале 30-х годов его возглавлял Ф. Анциевич, агент польской контрразведки и провокатор [142, с. 13-14]. В дальнейшем, так же как и в МО ТУР, здесь проходили процессы радикализации. Многие члены СНСМ оказались связаны с прокоммунистическим Союзом Студенческой Левицы «Фронт». В результате этого, Союз был распущен в Вильно в декабре 1937 г.[156, с. 123].

Ещё одной организацией демократической направленности был Союз Сельской Молодёжи РП «Вици» (Związek Młodzieży Wiejskiej RP „Wici”). Союз организационно оформился в марте 1928 г. после раскола в Центральном Союзе Сельской Молодёжи. ССМ «Вици» был близок к созданной в 1931 г. крестьянской (народнической) партии Сторонництво Людове [163, с. 146].

Первоначально, эта молодёжная организация должна была стать

федерацией самостоятельных воеводских Союзов Сельской Молодёжи. Принципиальной целью провозглашалось взаимодействие и организация работы по повышению духовного и хозяйственного уровня сельской молодёжи и обогащение культуры деревни [159, с. 70].

Как видим, на этапе создания цели ССМ «Вици» были близки к официальным целям проправительственного ССМ «Сев». Сближала их и провозглашаемая аполитичность [163, с. 146]. Главным же различием было отношение к режиму Ю. Пилсудского, которое эволюционировало у ССМ «Вици» к началу 30-х годов от критического (но не оппозиционного) к чисто антиправительственному.

Процесс радикализации Союза нашёл отражение в общественно-политической декларации этой организации (1933 г.). В ней утверждалось, что «нынешний капиталистический строй является источником нужды крестьян и рабочих». Провозглашалась необходимость общественного переустройства на принципах справедливости и с опорой на деревню и творческие ценности крестьянина. Основой хозяйства должна была стать кооперация и свободный труд, но в рамках экономического плана. Земля должна была находиться в руках тех граждан, которые сами на ней работают. Особо стоял пункт о женском равноправии в общественной жизни [159, с. 70-71].

Характерно то, что основные идеи и положения декларации в декабре 1935 г. в свою программу включило Сторонництво Людове. Программа данной партии требовала: республиканского и демократическо-парламентского устройства государства, равноправия всех вероисповеданий, равноправие всех граждан вне зависимости от национальности, признание за всеми народами права на культурное и хозяйственное развитие. Требовалась также государственная поддержка сельского хозяйства. Признавая основы частной собственности, одновременно партия настаивала на бесплатном огосударствлении больших земельных угодий [162, с. 74].

Таким образом, как и в случае с МО ТУР, процесс радикализации в молодёжных организациях политических партий шёл быстрее, чем в самих партиях.

Тем не менее, ССМ «Вици» не получил большого влияния и распространения на территории Западной Беларуси. Прежде всего, это можно объяснить тем, что после раскола в ЦССМ в данном регионе укрепились структуры ССМ «Сев». Отдельные ячейки ССМ «Вици» действовали лишь в Воложинском, Сувалкском, Белостокском, Бельском, Лидском, Ошмянском, Сокулковском, Гродненском и Волковысском поветах. Их руководящий центр находился в Белостоке [91, с. 212].

Польские историки оценивают общую численность ССМ «Вици» на всей территории 2 РП в 92000 человек [144, с. 165]. В Западной Беларуси, как мы видим, союз распространял свою деятельность в основном на территории

Белостокского и на западе Новогрудского воеводств и поэтому не мог быть достаточно массовым.

Более влиятельной и массовой, по сравнению с МО ТУР и ССМ «Вици», демократической молодёжной организацией в западно-белорусском регионе был Югенд-Бунд «Цукунфт» (Jugnt-Bund „Cukunft"). Идеологически и организационно этот союз подчинялся Бунду и был создан ещё в 1919 г. [163, с. 86].

«Цукунфт» стоял на социал-демократических позициях, выдвигая лозунг борьбы за социализм. Характерным для этого молодёжного союза, как части Бунда, было требование культурной, политической и экономической автономии для еврейского населения. Но одновременно он выступал против идей сионизма, считая, что создание еврейского государства в Палестине не разрешит «еврейского вопроса». Кроме того, бундовцы и цукунфтовцы обвиняли сионистов в сотрудничестве с капиталистами и религиозными ортодоксами, считая такое сотрудничество несовместимым с социалистическими принципами [70, с. 593].

«Цукунфт» объединял еврейскую пролетарскую и ремесленную молодёжь городов и местечек. Организационной единицей была группа, строившаяся по профессиональному принципу и возглавляемая «ратом» (советом). Первичные организации подчинялись городским советам, а те в свою очередь – районным. Центральное руководство организации находилось в Варшаве [91, с. 230-231].

Наиболее крупные организации на территории Западной Беларуси «Цукунфт» имел в Вильно (120-150 человек в 1933 г.) [24, л. 240], Пинске (80 – 100 человек в 1932 г.) [11, л. 262], Гродно (60 человек в 1935 г.) [30, л. 143]. Архивные документы ЦК КСМЗБ сообщают и о том, что цукунфтовские организации «густо рассеяны и по периферии», то есть в небольших городках и местечках [11, л. 262]. В наибольшей мере это касалось района Белостока. В 1931 г., во время районных слётов «Цукунфта», в Белосток на такой слёт прибыло 240 делегатов из окрестных местечек и 200 из самого города [8, л. 100].

Большую роль в расширении сети первичных ячеек играла агитационная работа руководящих кадров «Цукунфта». Так, известно, что один из руководителей союза – Хофман, совершал фактически ежемесячные визиты в города и местечки Западной Беларуси [29, л. 66]. Показательно в этом отношении и то, что рост организации происходил именно в тот период, когда шёл отток взрослых рабочих из Бунда [19, л.96].

Как и во многих других молодёжных организациях, в «Цукунфте» на протяжении 30-х годов нарастали процессы радикализации. Иногда это приводила к разрыву местных ячеек с Бундом. Например, в 1934 г. это случилось в Берёзе-Картузской, причём часть цукунфтовцев примкнула к КСМЗБ [29, л. 36].

Таким образом, следует отметить, что Коммунистическому Союзу Молодёжи Западной Белоруссии удалось создать на территории региона серьёзную и строго централизованную структурную сеть. Хотя он не мог соперничать в количественном отношении с молодёжными проправительственными организациями, тем не менее, ему удалось охватить своим влиянием значительные массы молодёжи. В рядах КСМЗБ фактически были представлены, хотя и не всегда пропорционально, все социальные слои и национальные группы региона. Однако следует признать, что по преимуществу комсомол являлся организацией белорусской крестьянской и еврейской ремесленной молодёжи, привлечённой программой радикального переустройства общества.

Кроме КСМЗБ в Западной Беларуси действовал целый ряд легальных демократических молодёжных организаций. В той или иной степени все они были организационно и идейно связаны с легальными, оппозиционными санационному режиму, политическими партиями. Эти партии рассматривали молодёжные организации в качестве своего резерва. Тем не менее, в молодёжных союзах шла активная радикализация, что проявилось в создании достаточно решительных программ и деклараций. Дальнейшее «полевение» приведёт к попытке создания единого фронта молодого поколения.

Следует признать, что данным молодёжным союзам всё же не удалось охватить своим влиянием значительных масс молодёжи региона в силу различного ряда причин, в первую очередь из-за отсутствия массовой базы и противодействия со стороны властей и проправительственных молодёжных организаций.

3. 2. Основные направления деятельности молодёжных союзов левой и демократической направленности.

Если говорить об основных направлениях деятельности оппозиционных молодёжных организаций, то следует сразу отметить активное участие КСМЗБ в социально-экономической и политической борьбе западно-белорусского населения в 30-е годы прошлого столетия. Особенно это проявилось в период революционного подъема 1931 – 1933 гг. вызванного экономическим кризисом. В это время наблюдался рост забастовок и крестьянских выступлений. В 1931 г. прошло 19 стачек, в 1932 г. уже 51, а в 1933 г. – 81 забастовка на промышленных предприятиях Западной Беларуси [80, с. 238]. За этот же период (1931 – 1933 гг.) было зарегистрировано 460 крестьянских выступлений, то есть от 130 – 170 в год. Крестьянскими волнениями было охвачено около 1500 деревень и 140 – 150 тысяч человек крестьян [80, с. 240]. Активное участие и в стачечной борьбе и борьбе крестьян принимали и комсомольцы. Так, летом 1931 г. из 16 забастовок сезонных рабочих в Брестском повете 10 проходило под руководством и при участии

КСМЗБ [47, с. 61]. Показательно то, что во время забастовок происходил численный рост рядов комсомола. Эта тенденция наблюдалась, например, во время забастовки лесных рабочих Беловежской пущи, Слонимщины и Пружанщины [36, с. 39]. В ходе забастовок именно молодёжь под руководством КСМЗБ составляла основу «самообороны» бастующих и вела борьбу со штрейкбрехерами. Эта борьба принимала ожесточённые формы. Так, зимой 1933 г. во время забастовки лесорубов на Белосточчине были подожжены дома двух наиболее активных штрейкбрехеров, членов «Стрельца» [17, л. 13]. На Новогрудчине в середине 1934 г. во время забастовки сезонников комсомольцы совершали вооружённые нападения на работавших [26, л. 6]. Подобные крайние эксцессы были инициативой местных организаций и строго осуждались партийным и комсомольским руководством.

Активно участвовал комсомол и в борьбе городского пролетариата. В стачком начавшейся 16 марта 1933 г. в Белостоке забастовки текстильщиков вошли и комсомольцы [77, с. 44]. Они выдвинули и специфические молодёжные требования – прежде всего обеспечения равенства в заработной плате. Также была создана и «самооборона». Показательно, что за время стачки полиция арестовала четыре состава ГК КСМЗБ Белостока. Тем не менее, комсомол продолжал активно участвовать в борьбе текстильщиков [88, с. 252]. Белостокскому ОК КСМЗБ удалось привлечь к стачке и молодёжь проправительственной ориентации. В уличных столкновениях с полицией в Супрасле на фабрике «Цитрон» приняли участие члены Стрелецкого Союза. Двое из них были убиты во время разгона демонстрации. События в Супрасле комсомол активно использовал в борьбе за молодёжь, призывая стрельцов «покидать ряды своих организаций, становиться в ряды тех, кто борется за хлеб, работу, за свои человеческие права» [36, с. 42-43].

Помимо непосредственного участия в стачках, комсомол организовывал акции солидарности с бастующими. Особую активность в этом проявлял Гродненский ОК КСМЗБ. Гродненские комсомольцы собрали значительные денежные суммы и большое количество продовольствия для бастующих лесорубов и возчиков Беловежской пущи в 1932 и 1933 гг., белостокских текстильщиков в 1933 г. [47, с. 61]. В аналогичных акциях участвовала комсомольская молодёжь Вильно и Новогрудчины [22, л. 19-20].

Говоря об участии комсомола в забастовочном движении, необходимо отметить эффективность этой борьбы. В 1933 г. дирекция государственных лесов вынуждена была идти на уступки лесорубам Беловежи. Бастующим была повышена заработная плата на 50 – 70 % и гарантировано лечение за счёт государства в случае тяжёлых болезней и увечий [77, с. 39]. После упорной 13-ти недельной борьбы в 1933 г. была повышена с 7 до 72 %, а в некоторых случаях и до 100 %, заработная плата белостокских текстильщиков [77, с. 49]. Успехом заканчивались и менее значительные

выступления трудящихся, проводимые под руководством или при участии КСМЗБ, в том числе и после 1933 г. Например, в Жабинковском районе в апреле 1934 г. местные комсомольцы провели 3-х дневную забастовку сезонников, добившись повышения зарплаты с 1 до 1,3 злотых [18, л. 57]. В этом же году прошло несколько успешных забастовок на Новогрудчине. Так, в ходе стачки 70 грузчиков (из них 30-40 человек молодёжи), организованной КСМЗБ в Новоельне, были увеличены расценки за погрузку вагонов [26, л. 3].

Вместе с тем эффективность стачечной борьбы заметно ослаблялась противостоянием между комсомолом и представителями других организаций социалистической ориентации, вызванным курсом коммунистов на борьбу с «социал-фашизмом». Например, во время забастовки лесных рабочих на Белосточчине комсомольцы привлекались к проведению «акции» против одного из местных лидеров ППС Т. Капитулки [17, л. 61].

Помимо участия в забастовочном движении, комсомол под руководством КПЗБ активно включился в борьбу западно-белорусских крестьян. Здесь необходимо подчеркнуть, что КСМЗБ был по преимуществу организацией сельской молодёжи, которая была крайне заинтересована в преобразованиях на селе. Согласно решениям 1 съезда КСМЗБ, главной задачей в деревне являлась борьба против налогов, комасации и ликвидации сервитутов под лозунгом: «Ни гроша фашистскому правительству голода, безработицы и войны!» [12, л. 171]. При активном участии комсомольцев проходили антиналоговые выступления крестьян в июне-июле 1932 г. в деревнях Гродненского, Брестского, Пружанского, Слонимского и других поветов, вылившиеся в столкновения с полицией [77, с. 113].

Наряду с антиналоговой компанией, комсомол организовывал и борьбу с помещиками. Причём эта борьба могла носить и достаточно оригинальный характер. Так, в документе ЦК КСМЗБ «Об основных требованиях молодёжи в деревне» (1933 г.) ставились следующие задачи: «к концу лета и осенью организовать молодёжь на массовый, организованным и явочным порядком, сбор из помещичьих лесов грибов, ягод и т.п., имея это в виду в первую очередь, организуем также борьбу молодёжи за организованную конфискацию яблок, огурцов и т.п. из помещичьих садов и огородов» [24, л. 2].

Так же как и во время забастовок на промышленных предприятиях, для противодействия полицейским репрессиям на селе создавались дружины «самообороны». Эти дружины – небольшие отряды 20-30 человек, состоявшие из групп по 3-5 человек – формировались в основном из молодёжи КСМЗБ. В 1931 – 1932 гг. во многих гминах почти в каждой деревне, где были ячейки КПЗБ и КСМЗБ, существовали отряды крестьянской «самообороны» [92, с. 169-170]. В Новогрудском повете в деревне Осташин действовала такая группа во главе с А. Мальцем и В. Стасевичем. Она осуществляла нападения

на осадников, скупавших крестьянскую собственность, которую конфисковывали за неуплату налогов. 16 марта 1932 г. отряд В. Стасевича сжёг усадьбу осадника и хозяйственные постройки местного помещика. Полицейские репрессии, последовавшие вслед за этой акцией, послужили толчком к восстанию крестьян в деревне Осташин [89, с. 262-265]. Выступление было жестоко подавлено властями. Четверо комсомольцев – И. Бахар, А. Малец, А. Гавроши В. Стасевич – по приговору чрезвычайного суда были повешены [47, с. 62].

Одним из организаторов наиболее известного крестьянского выступления, Кобринского восстания, был член Секретариата ЦК КСМЗБ Н. Дворников («Герасим») [36, с. 45]. Первоначально, это должен был быть мирный поход крестьян деревни Новосёлки Кобринского повета. Но затем события вышли из-под контроля руководителей и вылились в ночь с 3 на 4 августа 1933 г. в вооружённые столкновения крестьян (в основном молодёжи) с полицией [99, с. 234].

В отличие от КСМЗБ легальные демократические молодёжные союзы оказались менее включёнными в социально-экономическую борьбу западно-белорусского населения. Как уже говорилось, первоначально они создавались в основном как культурно-просветительские организации. Именно в этой области они и развернули активную деятельность. МО ТУР, ССМ «Вици» и «Цукунфт» организовывали различные курсы и лекции, библиотеки, кружки. Определённое внимание уделялось развитию спорта среди рабочей и ремесленной молодёжи. Наиболее активно и успешно в этой сфере действовал Югенд-Бунд «Цукунфт». Под его патронажем существовала спортивная организация «Моргенштерн» («Утренняя звезда»), получившая своё развитие и в Западной Беларуси. Так, в Вильно «Моргенштерн» имел свой спортзал, в Гродно – футбольную секцию, две гимнастические секции и духовой оркестр, в Пинске – клуб и духовой оркестр [8, л. 100].

Но, по мере радикализации, вышеназванные организации вступали в социально-экономическую и политическую борьбу. Прежде всего, они включились в акцию по оказанию помощи молодым безработным. Причем в данном случае они выступали с самых решительных позиций. Так, в одном из «цукунфтовских» воззваний начала 30-х годов выдвигалось требование оказания помощи трудящимся за счёт буржуазии и помещиков [8, л. 95]. Также частью их деятельности стала антивоенная борьба. Так, в начале января 1933 г. Бунд при непосредственном участии молодёжи провёл антивоенные митинги в Белостоке, Вильно, Слониме, Гродно, Бресте, Пружанах, Волковыске и Зельве [8, л. 97]. В августе того же года «Цукунфт» совместно с МО ТУР проводил так называемый «антивоенный месяц» [24, л. 217].

Молодёжные организации большое внимание уделяли работе с детьми. Фактически при каждом союзе существовали детские филиалы. Так,

для работы среди детей рабочих под руководством ЦК МО ТУР (с 1931 г. – автономно) действовала организация Красного Харцерства ТУР (Czerwono Harcerstwo TUR). С 1933 г. оно являлось членом Международного Социалистического Воспитания, имело свою форму – синие блузы и красные галстуки [163, с. 21]. Целью Красного Харцерства было «воспитание нового поколения сознательных людей, сильных, здоровых, высоко моральных; людей способных исполнить обязанности, которые лягут на них как на сознательных членов рабочего класса». По мнению декларации КХ настоящий социалист должен был быть здоровым, сильным, уверенным в своих силах и мощи социализма [159, с. 100]. Но следует отметить, что из-за постоянных финансовых трудностей Красному Харцерству так и не удалось стать по-настоящему массовой организацией [163, с. 21].

При «Цукунфте» существовал детский социалистический союз «Скиф», который должен был воспитывать детей в духе «конструктивного социализма и национальной романтики». Интересно, что в качестве примера для детей из рабочих семей приводились библейские герои [91, с. 232]. Ячейки «Скифа» существовали в Белостоке, Вильно, Косове, Слониме, Пинске, Новогрудке и Гродно [8, л. 100].

Под руководством КСМЗБ действовала пионерская организация, члены которой активно использовались в качестве «красных гонцов» для связи во время забастовок и крестьянских выступлений. Наибольшее количество пионеров в начале 30-х годов было в Вильно (100), Белостоке (80) и Гродно (38). Самой крупной акцией в школьной среде стала забастовка 23 марта 1934 г. в поддержку требования школы на родном языке. В этот день по всей территории Западной Беларуси прошло около 300 различного рода выступлений в школах [99, с. 238-239]. Следует отметить, что в этот период ЦК КПП указывал на то, что западно-белорусский комсомол обращает мало внимания на работу с детьми [95, с. 149]. На местах, действительно, не всегда понимали специфику пионерской организации. Так, в ряде отчётов Новогрудского ОК КСМЗБ (1935 г.) сообщался возраст пионеров в одной из ячеек: «одному 23 года, другому 20 и две девушки по 18 лет» [32, л. 3].

Частью массовой работы комсомола было также участие и организация празднования революционных праздников – 1 Мая, 7 Ноября, Международного Юношеского Дня (1 сентября). Одной из распространённых форм этой работы было вывешивание транспарантов и красных флагов. Причём вывешивание лозунгов на колокольнях церквей и костёлов было и частью антирелигиозной пропаганды. Комсомол стоял на позициях воинствующего безбожия. Это приводило к многочисленным «перегибам»: попыткам срыва церковной службы, повреждениям придорожных крестов, осквернению культовых зданий антирелигиозными лозунгами [76, с. 76]. Архивные материалы также упоминают и о случаях поджога церквей

комсомольцами [9, л. 478].

Необходимо затронуть и вопрос об издательской деятельности левых молодёжных организаций. Что касается МО ТУР, ССМ «Вици» и «Цукунфта», то фактически они не имели западно-белорусских изданий и ограничивались распространением обще-польских газет и журналов своих организаций. Иначе обстояло дело с КСМЗБ. Комсомол уделял большое внимание изданию и распространению коммунистической литературы. Об этом позволяют судить следующие данные, дающие представление о динамике развития подпольной комсомольской периодики. С 1924 г. по 1937 г. выходил орган ЦК КСМЗБ «Малады камуніст». В 1929-1930 гг. издавались «Голас акцябронка» и «Чырвоны піянер». В 1929-1934 гг. выходил «Kazetemowiec». Помимо них в 30-е годы выходили такие газеты и журналы как «Голас моладзі», «Пралом», «Сцяг піянера», «Białostocki KZM-owiec», «Białostocki Poborowiec», «Młody Komunista», «Młody Proletariusz», «Pionerzy idą», «Poborowiec», «Pracownik kazetemowy», «Prawda żołnierska», «Бюллетень ЦК КСМЗБ», «Junger Kemfer», «Junger Komunist», «Камсамолец Заходняй Беларусі», «Маладая гвардыя», «Малады змагар» и «Młody Bojownik». Большинство этих изданий печаталось в Вильно, и расцвет комсомольской печати пришёлся на 1934 г. [175, с. 272-327]. Кроме того, именно комсомольцы были привлечены для организации Центральной Техники ЦК КПЗБ, т.е. аппарата подпольных издательств. Две виленские подпольные типографии возглавлялись двумя семьями комсомольцев, созданными по приказу партии [99, с. 129-130].

Раскрывая деятельность КСМЗБ, следует затронуть и такой достаточно сложный и малоизученный вопрос как его взаимоотношения с советскими спецслужбами. Коминтерн очень часто связывали с деятельностью советской внешней разведки. В коминтерновских резолюциях говорилось, что «помощь СССР, защита его и содействие победе над всеми его врагами должны определять действия каждой революционной организации пролетариата» [83, с. 311]. Данная позиция трактовалась довольно широко. Хотя следует отметить, что формально существовал строгий запрет высших партийных инстанций и руководства разведки на использование за рубежом в разведывательной работе членов местных компартий [82, с. 11]. Тем не менее, тесные контакты сохранялись.

Например, разведка ОГПУ осуществлял выявление агентуры полиции в рядах коммунистического движения [83, с. 316]. Для советской стороны, в свою очередь, была ценной информация, предоставляемая зарубежными коммунистическими организациями. В отчётах КСМЗБ постоянно содержались данные о деятельности «вражеских» организаций. Следует помнить, что в Западной Беларуси одной из таких организаций был Стрелецкий Союз, одной из задач которого было повышение обороноспособности 2 РП. Таким образом, информация о деятельности «Стрельца» могла носить закрытый военно-

стратегический характер. Известно, например, что летом 1932 г. в Несвиже была осуждена за шпионаж группа молодых крестьян. Среди других обвинений им инкриминировался и сбор сведений о «Стрельце» [90, с. 160-161].

Польские власти были обеспокоены и той поддержкой, которая оказывалась КСМЗБ из-за рубежа. Поддержка оказывалась не только материально, но и кадрами. В Минске существовала партийная школа, готовившая активистов компартии и комсомола для Западной Беларуси. Многие члены ЦК КСМЗБ, например, Н. Масловский и Н. Дворников, были присланы в Западную Беларусь из БССР. Разумеется, это было невозможно без участия советской разведки.

Некоторые деятели КСМЗБ стали в дальнейшем сотрудниками спецслужб СССР. Наиболее ярким примером является судьба Ю. Григулявичуса (И. Григулевича). В начале 30-х годов он был членом комсомольской ячейки в виленской литовской гимназии. В 1936 г. 23-х летний Ю. Григулявичус уже работал на руководящих постах в разведке республиканской Испании. Затем он стал разведчиком-нелегалом в Латинской Америке, участвовал в организации убийства Л. Троцкого в 1940 г., был послом Коста-Рики при Ватикане [74, с. 164-171]. Он должен был стать руководителем диверсионной группы, которой поручалась ликвидация И. Броз Тито, но этому помешала смерть И. Сталина. В дальнейшем он стал известен как историк и этнограф, писавший под псевдонимом И. Лаврецкий [94, с. 170].

Деятельность комсомола Западной Беларуси нельзя также рассматривать в отрыве от противостояния с польской контрразведкой, «дефензивой». Польские власти видели в коммунистическом движении угрозу для государства и стремились любым путём ликвидировать КПЗБ и КСМЗБ. «Дефензива» создала чрезвычайно сложные условия для конспиративной деятельности комсомола. Ей удалось насадить широкую сеть конфидентов (информаторов) и полицейских провокаторов в комсомольской среде. Так, в отчёте Брестского ОК КСМЗБ (май-август 1934 г.) сообщалось: «дефензива пытается пролезть в организации и изнутри разлагать их. В Пружанах и Берёзе Картузской ей удалось это сделать. Эти два района в настоящее время целиком находятся в руках дефы». В том же отчёте сообщалось, что эти организации по инициативе секретаря РК КСМЗБ отказались сотрудничать с ОК [18, л. 159]. О комсомольских ячейках, поголовно перешедших на сторону полиции сообщалось и в отчёте Пинского ОК КСМЗБ за июль 1934 г. Доказательством широкого проникновения полицейской агентуры являются и отчёты полицейских властей. Часть из них вошла в сборник «Революционный авангард трудящейся молодёжи Западной Белоруссии (1921 – 1939). Документы и материалы» и даёт подробную информацию о деятельности комсомольского подполья, позволяя говорить об этом проникновении.

Особенно большую угрозу представляли агенты провокаторы в

руководящих структурах КСМЗБ. Наиболее известным из них стал Яков Стрельчук, бывший инструктором ЦК КСМЗБ. В этом качестве он работал в Белостокском, Слонимском, Виленском, Вилейском и Новогрудском округах. В результате деятельности провокатора было арестовано около 1000 человек [49, с. 296]. Агентами дефензивы также были секретарь Гродненского ОК КСМ Сералевич [99, с. 261] и член Виленского ОК КСМ Адамович [37, с. 146]. Несомненно, крупным успехом польской контрразведки была вербовка весной 1938 г. первого секретаря ЦК КСМЗБ Трофимова [99, с. 337]

Комсомол вёл жестокую борьбу с провокаторами, используя методы индивидуального террора. Так, Сералевич был убит своим двоюродным братом в 1933 г. [99, с. 261], Адамович – членом ЦК КСМЗБ Ю. Левиным [37, с. 148]. Широкий общественный резонанс имели события 27 января 1936 г., когда С. Притыцкий сделал попытку ликвидировать Я. Стрельчука во время заседания виленского суда, рассматривавшего дело виленских студентов.

Тем не менее, урон, нанесённый комсомолу дефензивой, был велик. Помимо жестоких полицейских репрессий и постоянных разгромов подпольной сети, страдал авторитет компартии и комсомола, сеялось недоверие как внутри организации, так и во вне их, среди населения и других политических партий. В отчёте Гродненского ОК КПЗБ (ноябрь 1932 г.) отмечалось: «Сильное настроение недоверия к нашей партии, посеянное провокаторскими элементами, которые говорят, что большая часть членов нашей организации является провокаторами» [15, л. 31].

Говоря о левом молодёжном движении, необходимо коснуться его развития и в среде молодой интеллигенции, прежде всего виленского студенчества. Как уже сообщалось выше, ведущую роль в общественно-политической жизни университета играли польские националисты из ВМ. Но определённое влияние в 30-е годы приобрела и так называемая «левица», т.е. сторонники левого и демократического движения. В отечественной историографии господствует представление о том, что ведущую роль в формировании левого студенческого движения играли коммунисты. Однако архивные материалы и данные польской историографии позволяют говорить о достаточно самостоятельной эволюции прогрессивного виленского студенчества.

Что касается влияния коммунистов среди виленских студентов, то в начале 30-х годов оно оказалось минимальным. Так, по сообщениям польских спецслужб, в 1931 г. деятельность КПЗБ на территории университета проявлялась лишь «в форме распространения воззваний. Эта акция не нашла подходящей почвы среди студентов» [142, с. 64]. В отчёте виленской организации КСМЗБ в начале 1932 г. признавалось, что руководство академической работой поставлено крайне слабо, а студенты-партийцы используются где угодно, только не на работе среди самого студенчества [11, л. 260].

Именно доктринёрская позиция коммунистического движения по

отношению к интеллигенции во много объясняла господство эндеков в университете. Тем не менее, в условиях социально-экономического кризиса брожение среди студентов нарастало. Это проявлялось, как говорилось выше, например, в радикализации проправительственных молодёжных союзов – ЛМ и СПДМ. Упомянутый выше отчёт виленского КСМ сообщал также и о переходе части студентов из ВМ и лагеря санации в СНСМ [11, л. 260].

В этих условиях КСМЗБ стал уделять больше внимания виленскому студенчеству. Уже в начале 1932 г. при непосредственном участии члена секретариата ЦК КСМЗБ С. Анисова была оформлена левая студенческая организация «Функ» («Искра»), работавшая среди студентов-евреев [37, с. 89]. За короткий срок деятельностью «Функа» было охвачено до 200-250 человек [11, л. 260]. При организации была также создана комсомольская ячейка, секретарём которой был М. Розенцвейг, а активистами – И. Бастацкий и И. Шапиро (оба в дальнейшем стали интербригадовцами и погибли во время гражданской войны в Испании) [49, с. 240].

«Функ» активно включился в борьбу против эндеков, против национальной розни и «скамеечного гетто». С другой стороны, «функовцы» боролись с влиянием сионистов среди студентов-евреев. Организация также активно выступала против повышения оплаты за учёбу и ограничений университетской автономии. Резко отрицательным было отношение к попыткам милитаризации студенческой жизни в рамках осуществлявшейся концепции «нации под ружьём». В своей «Избирательной платформе» «Функ» объявлял летние сборы и курсы противохимической обороны подготовкой к империалистической и гражданской войне. В этом же документе организация требовала выделения стипендий и материальной помощи для бедных студентов, повышения государственных субсидий для организаций студенческой взаимопомощи [35, л. 101-102]. Помимо университета, «Функ» проводил агитацию среди школьной молодёжи. Его члены активно работали в «Союзе школьной молодёжи». И. Бастацкий и М. Козловский привлекались комсомолом также к изданию прокоммунистической прессы на идиш [49, с. 240-241].

Однако наиболее значительной студенческой демократической организацией в университете имени С. Батория стал Союз Академической Левицы «Фронт» (Zwiazek Lewicy Akademickiej «Front»). Его деятельность стала заметным явлением не только в общественно-политической жизни Западной Беларуси, но и всей 2 Речи Посполитой.

Руководители «Фронта» прошли значительную идейную эволюцию, прежде чем стали на демократические и прокоммунистические позиции. «Фронт» начал складываться в 1931 г. в ходе борьбы за руководство в организации студенческой взаимопомощи «Братская Помощь». Во главе антиэндецкого предвыборного блока стал студент юридического факультета Г. Дембинский, являвшийся в то время руководителем виленского отделения

Союза Академической Католической Молодёжи «Возрождение» (ZKMA «Odrodzenie»). Ему удалось привлечь на свою сторону членов ЛМ и СПДМ, а также коалицию студенческих научных кружков. На выборах блок получил большинство голосов и сформировал правление БП. Это было первое поражение ВМ в борьбе за студенчество не только в Вильно, но и во всей 2 РП [142, с. 20].

Характерно, что уже тогда в «группе Дембинского» были объединены представители самого широкого круга молодёжных союзов. Так, помимо самого Г. Дембинского к клерикальному «Возрождению» принадлежали будущие деятели «Фронта» М. Жеромская и В. Борисевич [142, с. 18]. Е. Стахельский наоборот до 1930 г. принадлежал к ВМ. Комендантом виленского ЛМ был С. Ендриховский, а М. Винецкий входил в состав руководства СПДМ [34, л. 4–8]. Активным членом харцерской организации был Я. Капала, затем перешедший в СНСМ. Членом СНСМ был также и К. Петрусевич. Показательно, что единственным коммунистом среди этой группы был литовец И. Друтас (Я. Друтто), член Литовского Коммунистического Бюро [142, с. 38].

«Группа Дембинского» развернула активную публицистическую и издательскую деятельность. Первым их печатным органом стал ежемесячник «Жагары» («Zagary»), начавший выходить с апреля 1932 г. как приложение к виленскому «Слову». С осени 1933 г. до марта 1934 г. он был самостоятельным изданием. Активное участие в его работе принимали молодые поэты и литераторы И. Загорский, Т. Буйницкий и Ч. Милош [141, с. 46]. На страницах журнала велись широкие дискуссии по вопросам общественной жизни, в которых принимали участие Г. Дембинский и С. Ендриховский, стоявшие тогда ещё на позициях клерикализма и общественного солидаризма. Тем не менее, уже тогда они выдвигали идею моральной революции и переустройства существующего порядка [141, с. 52].

Следующим этапом формирования «Фронта» стало образование в 1932 г. Клуба Интеллектуалов. Главной формой его деятельности стала организация дискуссий и диспутов на общественно-политический темы. Одновременно Клуб развернул широкую издательскую деятельность. В 1932 – 1933 гг. выходили еженедельники и ежемесячники «Razem», «Druk» и «Czytajcie» [52, с. 309].

Одновременно на базе Клуба Интеллектуалов зимой 1932-1933 гг. была создана нелегальная организация «Фронт». Инициаторами её создания стали С. Ендриховский, М. Дзевицкая, К. Петрусевич и М. Винецкий [142, с. 47]. Эти же люди создали комсомольскую ячейку внутри «Фронта». Первым её секретарём стала М. Дзевицкая, а затем (с лета 1933 г.) – К. Петрусевич [52, с. 310]. Следует сразу отметить, что инициатива создания комсомольской студенческой организации в данном случае исходила именно от самих студентов, а не была инспирирована из вне.

Комсомольская ячейка «Фронта» оставалась немногочисленной. Что же касается степени влияния ССЛ «Фронт», то по данных польских исследователей, его численность была в пределах 120 человек [163, с. 114]. Характерно, что хотя организация и стояла на интернационалистических позициях, всё же большинство её членов были поляками.

Период 1933 – 1935 гг. стал временем наибольшей активности Союз Студенческой Левицы. По его инициативе возник Блок Независимой Студенческой Молодёжи, который вёл активную борьбу на выборах в правление организаций самопомощи. Также активно велась просветительская работа.

В ходе борьбы за экономические права студентов и против введения новых академических законов «Фронт» вступил в сотрудничество с «Функом». Однако полного взаимодействия достигнуть не удалось, поскольку обе организации развивались изолировано друг от друга. Как свидетельствуют архивные источники, члены обеих организаций были незнакомы между собой даже в пределах одного факультета [13, л. 349].

«Фронт» распространял свою деятельность и за стенами университета. Его активисты работали среди виленских рабочих. Особенно заметной была деятельность «Фронта» в просветительской организации ТУР. В марте 1935 г., после выборов в правление виленского отделения ТУР, руководящую роль в нём стали играть деятели «группы Дембинского». С 1937 г. руководителем виленского филиала ТУР был член КСМЗБ Б. Скаржинский, активный участник «Фронта» [146, с. 189].

Предпринимались попытки агитации в деревнях Виленского края. Но агитация среди крестьян закончилась провалом из-за полицейской провокации. В результате один из членов «Фронта» Я. Капала был приговорён к году тюремного заключения [142, с. 39].

Но наибольшее значение имела издательская деятельность «Фронта». Самым популярным его органом стал выходивший с августа 1935 г. по март 1936 г. двухнедельник «Poprostu». В его редакцию входили Г. Дембинский, С. Ендриховский, К. Петрусевич и другие. Литературный отдел возглавил поэт Е. Путрамент. Одним из сотрудников журнала стал М. Танк, который руководил его «белорусским отделом» [141, с. 57]. Журнал имел широкую популярность не только среди интеллигенции, но и среди других слоёв населения. Его тираж достигал 12 тысяч экземпляров, что в условиях межвоенной Польши было достаточно высоким показателем [141, с. 58].

Именно в «Poprostu» в марте 1936 г. была напечатана «Декларация прав молодого поколения Польши», которая стала своеобразной программой создания фронта молодого поколения. В ней выдвигались вопросы защиты экономических и политических прав молодёжи. Особо выделялось признание права национальных меньшинств на автономию. Главным путём для улучшения положения молодого поколения объявлялось ограничение доходов

капиталистов и сокращение военного бюджета [38, с. 64-65].

Деятельность демократически настроенной студенческой молодёжи вызывала обеспокоенность польских властей. Ещё в 1932-1933 гг. была предпринята попытка привлечь «группу Дембинского» на сторону санации. В переговорах с Г. Дембинским и С. Ендриховским участвовали глава ЛМ капитан Галинат, Я. Пилсудский и В. Пилсудская, родственники польского диктатора. Брат маршала предложил Г. Дембинскому даже возглавить ЛМ. Однако переговоры всё же закончились неудачей [142, с. 31-32].

Как следствие этого, начались правительственные репрессии. Прежде всего, цензурным преследованиям стали подвергаться студенческие издания. В январе 1936 г. прошёл судебный «процесс 11-ти». Среди подсудимых были И. Друтас, М. Дзевицкая и К. Петрусевич [58, с. 72]. В 1937 г. были арестованы и осуждены лидеры «Фронта» – Г. Дембинский и С. Ендриховский. Кроме того, в декабре 1937 г. в Вильно был запрещён СНСМ, который к тому времени был уже тесно связан с «Фронтом» [156, с. 123].

Польские власти, опасаясь нежелательного общественного резонанса, не стали подвергать суровому наказанию студентов-поляков. После непродолжительного тюремного заключения фактически всё руководство «Фронта» оказалось на свободе вследствие или амнистий или различного рода кассационных жалоб адвокатов. Тем не менее, «Фронт» не прекратил своего существования. Он продолжил свою работу в ТУР, активно сотрудничал с ППС. Руководство Союза приняло решение продолжать свою деятельность и после роспуска КСМЗБ в 1938 г. Это является ещё одним доказательством автономии «Фронта» по отношению к коммунистическому движению. Последним этапом деятельности «Фронта» стала борьба за установление советской власти в Вильно в сентябре 1939 г., когда совместно с «Функом» члены этой организации приняли участие в создании отрядов рабочей милиции [52, с. 317].

Таким образом, говоря об основных направлениях деятельности левых молодёжных союзов, следует отметить, что так или иначе они принимали активное участие в общественно-политической жизни региона. Особенно это касается КСМЗБ, который играл одну из ведущих ролей в забастовочном движении пролетариата и крестьянских выступлениях в Западной Беларуси. Что касается других молодёжных организаций, то они главное внимание уделяли, прежде всего, культурно-просветительской деятельности среди молодёжи. Лишь в дальнейшем они стали включаться в борьбу за социальные и политические права молодёжи. Что касается развития левого студенческого движения в Вильно, то среде студенчества произошла значительная идейная эволюция. Часть студентов перешла на прокоммунистические позиции (причём этот переход носил самостоятельный характер, а не был навязан из вне). Проявлением этого стало создание Союза Студенческой Левицы «Фронт». Эта организация проводила значительную

пропагандистскую и издательскую деятельность и стала заметным явлением в общественно-политической жизни не только западно-белорусского региона, но и всей межвоенной Польши.

Помимо участия в социально-экономической борьбе, левые молодёжные союзы уделяли большое внимание такому вопросу, как работа с детьми – фактически каждая организация имела свой детский филиал. Главным же препятствием для расширения деятельности левого молодёжного движения было противодействие польских властей. Прежде всего, это касается КСМЗБ, который на протяжении всего периода 30-х годов подвергался постоянным полицейским репрессиям и был объектом деятельности провокаторов польской контрразведки.

3. 3. Отношения КСМЗБ с другими молодёжными организациями, борьба за фронт молодого поколения.

Отношения комсомола с другими молодёжными организациями Западной Беларуси на протяжении 30-х годов складывались достаточно сложно. В первую очередь это касается проправительственных организаций. Так, «Стрелец» рассматривался комсомолом в качестве основной в системе «фашистских милитаристских организаций... фашистской гвардии в борьбе против рабочего класса» [1, л. 1]. Считалось необходимым дискредитировать его – «объяснить как можно более широким молодёжным массам, что «Стрелец» – это кадры контрреволюции, задачей которых является борьба против революционного движения, ломание рабочей и крестьянской борьбы, стремление к империалистической войне против международной родины пролетариата» [28, л. 5].

Лидеры КСМЗБ стремились ослабить влияние «фашистских» организаций в молодёжной среде путём агитации, бойкота и даже террора. Например, представление об этой борьбе дают материалы опроса, полученные ЦК КСМЗБ из Слонима в июне 1933г.: «В деревне Солевичи с Кулком велась очень долгая борьба, причём методы этой борьбы были неправильными: комсомол стремился путём террора разбить Кулко. Дошло до того, что группа этих типов поймала двух комсомольцев и до того избила их, что те два месяца лежали в больнице… После этого организация применила другой метод – индивидуальный подход и агитацию. Была специально выпущена летучка к этой организации в деревне Солевичи и, в конце концов, нам удалось достигнуть успеха» [24, л. 19].

Тем не менее, в работе комсомола с проправительственными организациями преобладали методы физического воздействия. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Так, в отчёте Молодечненского ОК КСМ (январь-апрель 1935 г.) сообщалось, что «комсомольцы работать среди стрельцов не умеют; вся работа сводится к

дракам [31, л. 14]. В Крынкском районе Гродненского округа кружок ССМ «Сев» из 40 человек распался после того, как комсомольцы начали систематически избивать и запугивать его членов на сельских вечеринках [20, л. 140]. «Разагитированную» таким образом молодёжь было достаточно сложно привлечь на сторону КСМЗБ, что и вызывало нарекания и критику со стороны руководства КПЗБ за неумение работать с «вражескими» организациями.

Хотя были и положительные примеры. Выше уже говорилось о том, что белостокские комсомольцы привлекли стрельцов к участию в забастовке текстильщиков. И этот случай не был исключением. Так, в 1933 г. комсомольцам Гродненского ОК удалось привлечь на свою сторону коменданта крупного стрелецкого отряда (до 70 человек) в деревне Климчаны Сокольского уезда. Он распустил свой отряд и передал комсомольскому подполью 37 карабинов из стрелецкого арсенала [15, л. 98]. КСМЗБ ставил перед собой задачу втягивания рядовых стрельцов в революционную борьбу, разложения «фашистской» дисциплины и ликвидации отрядов. Следует сказать, что ЦК КСМЗБ в 1934 г. признавал, что «комсомол имеет отдельные положительные примеры работы в «Стрельце», которые в сумме совершенно не значительны» [29, л. 15].

Кардинально отношение комсомола к проправительственным организациям, прежде всего к их рядовым членам, изменилось в период борьбы за создание единого народного фронта. В это время КСМЗБ стремился использовать ячейки проправительственных молодёжных союзов для легальной массовой работы, ориентируясь на сотрудничество с ними, а не на ликвидацию их любой ценой. Так, в письме ЦК КСМЗБ от 9 сентября 1935 г. комсомольским организациям и их лидерам рекомендовалось сотрудничать в борьбе за школу на родном языке с кружками ССМ «Сев» и низовыми структурами «Стрельца»[30, л. 27].

Однако, «террористические» настроения в низовых организациях и взаимную враждебность преодолеть оказалось достаточно сложно. Ярким свидетельством тому могут служить события в Вильно в мае 1935 г., когда местные комсомольцы обратились к Организации Трудящейся Молодёжи с предложением создать единый фронт. Во время визита в штаб-квартиру этой организации, члены КСМЗБ принялись высмеивать висевшие там портреты Ю. Пилсудского и И. Мостицкого. Учитывая культ личности первого маршала Речи Посполитой среди «проправительственной» молодёжи, не удивительно, что попытка наладить контакты закончилась обыкновенной дракой и изгнанием комсомольцев [30, л. 22].

Отношения комсомола с левыми молодёжными союзами сохраняли напряжённость вплоть до середины 30-х годов. Тем не менее, в условиях тяжёлых для молодёжи последствий экономического кризиса, усиления фашизации внутриполитической жизни страны и всё более реальной угрозы

новой мировой войны назрела необходимость объединения всех молодёжных союзов и организаций левой и демократической ориентации.

Однако долгое время этому мешали излишний экстремизм и «левое сектантство» КСМП и КСМЗБ. Комсомол объявлял МО ТУР и «Цукунфт» социал-фашистскими организациями, а ССМ «Вици» – народническо-фашистской. Радикализация же этих организаций и их стремление бороться за права молодёжи объяснялась лишь «фразеологией» и попыткой «приспособить методы своей агитации к революционным молодёжным настроениям» [1, л. 185]. Такая позиция комсомола полностью отвечала концепции «социал-фашизма» как наибольшего зла, которой руководствовалось всё международное коммунистическое движение до середины 30-х годов. Социал-демократы в ответ обвиняли коммунистов в раскольничестве и стремлении монополизировать рабочее движение. В одном из воззваний Бунда (1931 г.) говорилось, что коммунисты проводят «такую работу, которая вместо революционного дела приводит к борьбе рабочих с рабочими. Они хотят силой принудить всех рабочих идти под их командой» [8, л. 96].

Следует отметить, что ещё на рубеже 20-30-х годов Коминтерн, а, следовательно, и КСМЗБ, обратился к тактике «единого фронта снизу». Однако на практике эта была лишь форма маскировки в борьбе за влияние на массы, в том числе и на молодёжь. Планировалось на основе единофронтовской борьбы «отрывать массы пролетарской молодёжи из-под влияния ППС, ТУРа, «Цукунфта» и реформистских профсоюзов», создавать в этих организациях массовое оппозиционное движение под коммунистическим руководством [1, л. 217]. Такая практика могла привести лишь к росту взаимного недоверия и враждебности внутри демократического лагеря и к его ослаблению. Неудивительно, что центральное руководство МО ТУР и «Цукунфта» запретило своим первичным организациям вступать в контакты с комсомолом.

Как следствие, на местах такие контакты жёстко пресекались. Так, в конце 1932 г., когда двое комсомольцев попытались провести массовку в виленском «Цукунфте», их сразу же избили и выбросили из помещения [14, л. 66].

Тактика коммунистического движения изменилась в середине 30-х годов. Согласно решениям VII Конгресса Коминтерна (июнь-июль 1935 г.) был взят курс на создание действительно единого народного антифашистского фронта всех левых и демократических сил. Задачи комсомола в этих условиях уточнил VI Всемирный Конгресс КИМ (25 сентября-10 октября 1935 г.). Среди 10 делегатов Конгресса от КСМП находился и Н. Масловский, первый секретарь ЦК КСМЗБ [177, с. 202]. В своём выступлении он подверг критике сектантство комсомольцев Западной Беларуси, выдвигавших задачи, не отвечавшие широким настроениям масс. В качестве примера Масловский привёл излишний максимализм в борьбе за белорусскую школу. Первый секретарь западно-белорусского комсомола признал также ошибочность

трактовки всех белорусских организаций молодёжи как национал-фашистских. Особое внимание он обратил на ССМ «Сев» как наиболее массовую организацию крестьянской молодёжи в регионе, которую необходимо превратить в организацию именно белорусской крестьянской молодёжи. В целом Масловский признавал необходимость выработки совместной платформы со всеми нефашистскими организациями «для борьбы молодого поколения за национальную свободу, за образование на родном языке, за землю, работу, мир» [174, с. 53].

Что касается задач комсомола, то решениями VI Конгресса КИМ рекомендовалось создание массовых непартийных юношеских организаций, которые бы включали в свои ряды не только коммунистическую, но и социалистическую, а также беспартийную, национально-революционную, пацифистскую, религиозную и другую молодёжь для защиты экономических, политических и культурных интересов молодого поколения и воспитания его в духе классовой борьбы, пролетарского интернационализма, марксизма-ленинизма [78, с. 153-154]. Предусматривался также переход к легальной и полулегальной деятельности в рамках легальных союзов, в том числе «фашистских», поддержка оппозиционных, демократических и либеральных юношеских групп [78, с. 160]. Кроме этого, Конгресс призывал коммунистические союзы молодёжи к активизации участия в профсоюзной жизни, в спортивной деятельности, организации антивоенной работы в защиту СССР [78, с. 161-169].

Говоря о тактике единого фронта, помимо решений конгрессов КИ и КИМ, следует обратить внимание и на тот факт, что именно в 1935 г. И. Сталин запретил финансирование через Коминтерн иностранных компартий [101, с. 323]. Это также, несомненно, влияло на изменение тактики коммунистического движения, на реальный поворот к консолидации со всем спектром левых и демократических организаций.

После VI Конгресса КИМ КСМЗБ активно включился в борьбу за создание единого фронта молодого поколения. Наибольших успехов удалось достичь в Вильно уже в конце 1935 г. Комсомол совместно с «Цукунфтом» активно участвовал в забастовочной борьбе. Так, по инициативе комсомольцев в городе была проведена школьная забастовка протеста против увольнения одной из активисток «Цукунфта». Также был создан совместный спортивный клуб, объединивший около 80 комсомольцев и «цукунфтовцев». Совместно отмечались день социалистической молодёжи и годовщина октябрьской революции. При поддержке КСМЗБ началось создание легальных ячеек МО ТУР. В контакте с еврейской спортивной организацией «Маккаби» началась компания бойкота олимпиады в Германии. Также налаживались контакты с сионистскими молодёжными организациями «Фрайгайт» и «Бейтар», литовскими организациями «Ритас» и «Святой Казимир», с редакцией

белорусского молодёжного журнала «Шлях моладзі» [30, л. 46-47]. Как мы видим, наиболее успешно шло сотрудничество с еврейским молодёжным движением, что объяснялось во многом одинаковым национальным составом «Цукунфта» и городских ячеек КСМЗБ.

В сельской местности развернулась компания за организацию молодёжных забав и вечеринок, к которой удалось привлечь и членов «Стрельца» и СМД [16, л. 48]. В октябре 1936 г. во время крестьянской забастовки на Слонимщине комсомольцы наладили сотрудничество с ССМ «Вицы» в деле организации отрядов крестьянской самообороны [47, с. 68]. Согласно данным современной белорусской историографии, к концу 1936 г. различного рода единофронтовскими молодёжными организациями было охвачено около 6000 человек [130, с. 77].

С борьбой за единый фронт была тесно связана и компания солидарности с республиканской Испанией (1936 – 1939 гг.), поскольку решения Коминтерна предусматривали создание единого антифашистского фронта не только в национальном, но и международном масштабе. Активную роль в этой компании играл, прежде всего, КСМЗБ. Проводился активный сбор средств для республиканцев. Так, в Малоберестовицкой гмине, например, ни одна свадьба не проходила без таких сборов [84, с. 137]. Секретариат ЦК КПП отмечал в августе 1937 г., что первое место по денежным сборам в фонд помощи Испанской республике занимали Варшава и западно-белорусская деревня [48, с. 151]. Всего же комсомольцы и молодёжь Западной Беларуси собрали до 5 тысяч злотых [36, с. 59].

Также коммунисты и комсомольцы проводили активную вербовку добровольцев для участия в испанской гражданской войне [134, с. 4]. Полесский воевода писал в мае 1938 г. в своём отчёте в Варшаву: «Население Западной Беларуси живо интересуется ходом событий в Испании…Многие молодые крестьяне покидают Западную Беларусь, чтобы проникнуть в Испанию и принять участие в борьбе против Франко» [71, с. 194]. Добровольцы из 2 Речи Посполитой составляли второй по численности контингент среди бойцов интербригад (около 5 тысяч человек – поляки, украинцы, белорусы, евреи, литовцы). Уже в августе 1936 г. в Испании действовала украинско-белорусская рота имени Т. Шевченко и еврейская рота имени Н. Ботвина. С 1937 г. в составе польской интербригады имени Я. Домбровского начала формироваться белорусская рота имени С. Притыцкого [77, с. 182]. Только в этой интербригаде сражалось 137 белорусов и 8 литовцев [173, с. 187]. Западно-белорусские комсомольцы воевали не только в составе интербригад – выше уже говорилось о Юозасе Григулявичусе (И. Григулевиче), который стал одним из руководителей разведки республиканцев и участвовал в разгроме франкистской агентуры в Мадриде и подавлении мятежа анархистов в Каталонии. В Испании находились и руководящие работники

КСМЗБ – первый секретарь ЦК Н. Дворников (погиб в боях в горах Эстремадуры) и член секретариата ЦК В. Розеншейн [49, с. 227].

Однако полноценный фронт молодого поколения в Западной Беларуси, как и во всей II Речи Посполитой, так и не был создан. Виной этому был ряд объективных и субъективных факторов. С одной стороны, комсомол не смог полностью избавиться от «левого сектантства» и стремился занять доминирующее положение в едином фронте. Это удовлетворяло социалистов. Кроме того, руководство Бунда и ППС опасалось репрессий со стороны властей за сотрудничество своих молодёжных филиалов с коммунистическим движением и принимало меры против молодых «экстремистов». На рубеже 1935-1936 гг. ЦК ППС из-за радикализации и излишнего стремления к автономии распустил МО ТУР, преобразовав её в более тесно связанный с партией Центральный Отдел Молодёжи ППС [163, с. 17].

Именно структуры Центрального Отдела Молодёжи ППС совместно с СПДМ и ЛМ объявили о создании в апреле 1936 г. Фронта Молодой Левицы, оставив за его рамками не только комсомол, но и СМД и ССМ «Вици». Но эта попытка консолидации молодых социал-демократов и левого крыла «санационной молодёжи» закончилась провалом. Главными причинами этого были раскол в ЛМ и СПДМ, а также то, что ЦОМ ППС находились только на стадии формирования [143, с. 268]. Что касается Западной Беларуси, то попытка создания Фронта Молодой Левицы фактически не нашла отражения в общественно-политической жизни региона.

Самым серьёзным ударом для левого западно-белорусского молодёжного движения и для единого фронта молодого поколения стало решение Коминтерна в 1938 г. распустить КПП, а, следовательно, КПЗБ и КСМЗБ. Всё коммунистическое движение было обвинено в сотрудничестве с польской контрразведкой. Многие комсомольцы, оказавшиеся в СССР, подверглись репрессиям. Так был расстрелян бывший первый секретарь ЦК КСМЗБ и кандидат в члены Исполкома КИМ Н. Масловский [44, с. 189].

Польской контрразведке действительно удалось глубоко проникнуть в руководящие структуры КСМЗБ (так провокатором оказался первый секретарь ЦК Трофимов), но в целом роспуск комсомола был неоправданным, особенно в условиях борьбы за создание единого антифашистского фронта всех демократических сил. Представляется интересным и то, что в последнее время в ряде российских публикаций решение Коминтерна о роспуске КПП рассматривается как шаг Сталина в преддверии сближения с Германией. Утверждается, что советское руководство опасалось антифашистских настроений в КПЗБ и КСМЗБ, которые могли стать серьёзным препятствием для планируемого советско-германского пакта [101, с. 348].

Однако говорить о полном прекращении деятельности комсомола Западной Беларуси после августа 1938 г. нельзя, хотя решение Коминтерна

носило сильный деморализующий эффект. На местах сохранилась сеть первичных ячеек. По данным польской полиции, комсомольцы продолжали вести свою агитацию, организовывали сбор средств для республиканской Испании и МОПР, участвовали в праздновании 1 Мая [95, с. 270-272]. Жизнеспособность комсомольского подполья проявилась и в сентябре 1939 г., когда бывшие члены КСМЗБ приняли активное участие в борьбе за установление советской власти в Западной Беларуси. Так, во время восстания в Скиделе 18 – 20 сентября комсомолец М. Литвин объявил об установлении советской власти в городе и возглавил местный Временный революционный комитет. В боях с польскими войсками и полицией в Скиделе погибли комсомольцы Туминский и Мышко [86, с. 84-109]. В дальнейшем бывшие западно-белорусские комсомольцы участвовали и в деятельности Народного Собрания Западной Беларуси, на котором декларацию об установлении советской власти зачитал С. О. Притыцкий [132, с. 83].

Таким образом, оценивая взаимоотношения между молодёжными организациями Западной Беларуси, следует признать, что они прошли достаточно сложную эволюцию. До середины 30-х годов XX века КСМЗБ находился в жёсткой конфронтации как с проправительственными, так и с легальными оппозиционными молодёжными организациями и союзами. Лишь после VI Конгресса КИМ была сделана попытка создания фронта молодого поколения. Но, не смотря на отдельные положительные результаты, консолидировать молодёжное движение региона не удалось. Главными причинами этого стали взаимное недоверие и роспуск ведущих левых молодёжных организаций – КСМЗБ и МО ТУР.

ГЛАВА 4. КЛЕРИКАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ МОЛОДЁЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.

4. 1. Католические молодёжные организации.

Римско-католическая церковь пользовалась большим влиянием среди населения западно-белорусского региона. Западно-белорусские воеводства входили в состав Виленской митрополии и составляли Виленскую архидиоцезию и диоцезии в Пинске и Ломже [76, с. 35]. Наибольшее количество католиков приходилось на Виленское воеводство – 61, 2 % населения. В Новогрудском воеводстве они составляли 39, 5 %, а в Полесском воеводстве – 7, 8 % [93, с. 195].

Хотя, формально, костёл находился на равных правах с другими конфессиями, фактически он занимал привилегированное положение. Это позволяло ему вести значительную работу среди населения, в том числе и среди молодёжи. Эта работа проходила в рамках так называемой «Католической акции». Она организационно оформилась после 1922 г. по инициативе папы римского Пия XI, который определил её политические цели: содействовать укоренению в обществе основных идей католической социальной доктрины и папских энциклик, расширять общественную базу католической церкви, активно влиять на политической окружение [41, с. 222]. В основу социальной программы костёла были положены папские энциклики «Рерум новарум» (1891) и «Куадрогезимо анно» (1931), в которых осуждалась классовая борьба, социализм и коммунизм, рекомендовалось установить корпоративную систему классового сотрудничества трудящихся с капиталом [53, с. 70].

Ватикан рассматривал «Католическую акцию» как «наиболее эффективное средство, чтобы уберечься от когтей коммунизма» [60, с. 112]. Помимо борьбы с революционным движением, в рамках «Католической акции» большое внимание уделялось распространению христианского просвещения, обновлению христианского духа в семье, защита прав и свобод костёла, сотрудничество на почве школьного дела, поддержка «хорошей» прессы.

В Западной Беларуси «Католическая акция» начала действовать с 1925 г. Её деятельностью руководил Виленский епархиальный «Институт католической акции», который в свою очередь нёс ответственность перед Ватиканом [41, с. 222].

Именно частью «Католической акции» было и молодёжное движение. На территории Западной Беларуси действовал целый ряд клерикальных молодёжных и студенческих организаций. Наиболее

крупной среди них было Объединение Польской Молодёжи (Stowarzyszenie Młodzieży Polskiej). Оно возникло ещё в 1919 г. в Познани [159, с. 77]. Первые кружки ОПМ появились в Западной Беларуси в 1926 г. [9, л. 476].

В ОПМ принималась «вся христианская молодёжь с 14 до 25 лет». Причём следует отметить, что существовали отдельные филиалы для юношей и девушек. В западной Беларуси до 80 % членов этой организации составляла сельская молодёжь [9, л. 476].

Организационная структура объединения опиралась на структуру костёла. Первичные ячейки создавались при церковных приходах. Следующей ступенью были поветовые союзы, затем окружные. В Западной Беларуси существовали следующие округа ОПМ – с центром в Вильно (для Виленского округа), в Сокулке (для Белостокского округа) и Лиде (для Лидского округа). Все три округа подчинялись Вильно, как и вся «Католическая акция» в Западной Беларуси. Руководство организации на всех уровнях частично избиралось, а частично назначалось властями костёла. На каждом уровне существовал костёльный ассистент, имевший право решающего голоса [163, с. 27]. Для помощи и опеки над ОПМ в поветах и округах из числа духовенства, родителей и школьных учителей создавались патронаты [9, с. 477].

На начало 30-х годов союз насчитывал в Западной Беларуси 11500 членов в 587 кружках и 1300 опекунов в окружных и поветовых патронатах [9, л. 477]. По данным польской историографии, ОПМ была самой многочисленной молодёжной организацией во 2 РП. Это объясняется тем, что согласно уставу «Католической акции» кружки ОПМ должны были существовать в каждом приходе [143, с. 261]. Таким образом, в 1937 г. в ОПМ по всей стране насчитывалось 151780 юношей и 180039 девушек [163, с. 27]. В декларации организации говорилось, что целью ОПМ является воспитание просвещённых, дельных и проникнутых католическим духом поляков [159, с. 77]. В условия Западной Беларуси это означало фактическое участие в полонизации местной молодёжи. Характерно, что орган военного министерства, «Армия резервова», так писал об этом союзе и его роли в Западной Беларуси: «ОПМ осознаёт свою роль, которую исполняет на северо-восточных рубежах по укреплению польской культуры… под знаменем креста и орла» [9, л. 476].

Основными формами работы организации было участие в религиозной практике, собрания, съезды, развитие кооперации, сельскохозяйственные и профессиональные курсы, спорт и т. д. [159, с. 77-78]. В ОПМ существовали следующие отделы:

общеорганизационный, культурно-просветительский, сельскохозяйственной подготовки, отдел физического воспитания и военной подготовки. Кадры инструкторов для работы в союзе готовились специально в Католической Общественной школе в Познани и в нескольких Народных Католических университетах [163, с. 27].

Большое внимание уделялось организации и проведению военной подготовки юношей-членов ОПМ. В данной области ОМП фактически не отличался от Стрелецкого Союза или ССМ "Сев". Объединение также пользовалось помощью армейских инструкторов или проводило военную подготовку совместно с проправительственными организациями.

Правящие круги высоко оценивали роль костёла в повышении обороноспособности 2 РП. В секретной записке МИД на имя президента Мостицкого от 18 мая 1937 г. отмечалось: «Положительное отношение Ватикана к польской армии общеизвестно. Любые меры, направленные на усиление обороноспособности Польши, с особым удовлетворением встречаются в Ватикане» [76, с. 37-38].

Помимо непосредственных военных занятий, католическое духовенство активно вело милитаристскую пропаганду среди молодёжи. Образцом такой агитации может быть молитва, которая была помещена в брошюре «Война» ксендза Мешкиз-Узерского, одного из идеологов ОПМ: «О, Боже, дай нашим рукам силу, преимущество пушкам, невидимость нашим аэропланам, текучесть и всюду проникаемость газам. Именем любви, которой ты нас любишь, да упадёт враг, как трава, скошенная твоей милостью. Да падут вражеские пули и стрелы в траву, а наши, как тигры вырвут вражьи сердца с кровью и пускай ослепнут наши враги. Сделай нас нетронутыми. Аминь» [9, л. 477].

Кроме военной подготовки, ОПМ много делало для развития спорта среди сельской молодёжи. Создавались кружки физвоспитания, как для юношей, так и для девушек. Проводились спортивные соревнования. Особенно популярными были пешие экскурсии и походы.

ОПМ вело большую культурно-просветительскую работу среди молодёжи Западной Беларуси. Эта работа носила, прежде всего, полонизаторский и клерикальный характер. Проводились доклады на различные темы, создавались любительские театральные коллективы. Только в 1930 г. было проведено 495 докладов и поставлено 1867 любительских представлений [9, с. 477]. ОПМ в Виленской архидиоцезии имело 186 библиотек с 24500 томами. Так же как и ССМ «Сев» и Стрелецкий Союз, клерикальной объединение имело свои

клубы-светлицы. На начало 30-х годов в Западной Беларуси их насчитывалось 270. При клубах действовало 129 хоровых, 32 музыкальных и 53 просветительских кружка [9, с. 477].

Большое значение имело участие членов ОПМ в различного рода сельскохозяйственных курсах в рамках Сельскохозяйственной Подготовки (PR). Активно привлекалась молодёжь к проведению сельскохозяйственных конкурсов и выставок. Так, в 1929 г. члены объединения организовали на территории Виленской архидиоцезии 500 опытных полей [9, с. 478].

Для девушек-членов ОПМ организовывались курсы по домоводству, кройке и шитью и т.д. В 1930 г. было организовано 60 таких 4-х и 6-ти недельных курсов, охвативших 952 девушки [9, с. 478].

Но самое главное внимание в деятельности ОПМ уделялось религиозному воспитанию молодого поколения в духе католических принципов. Члены организации активно привлекались к проведению религиозных праздников в своих приходах. Кроме того, каждый ноябрь организация отмечала «Праздник молодёжи» в честь своего покровителя св. Станислава Костки. Для целей религиозного воспитания служили создаваемые костёльные хоры, кружки по изучению Закона Божьего. Много внимания этому вопросу уделялось в периодической печати организации – для юношей выходил журнал «Przyjaciel Młodzieży», для девушек – «Młoda Polka» [143, с. 261].

ОПМ заявляло о своей аполитичности. Но это не соответствовало действительности. На рубеже 30-х годов в объединении было сильно влияние польских христиан-демократов и эндеков. Но в Западной Беларуси эти партии не пользовались значительным авторитетом и были слабо представлены в кружках ОПМ Виленской митрополии. Окончательно светские партии были вытеснены с началом 30-х годов. Это было связано с решение папы Пия XI изолировать «Католическую акцию» от всяческого политического влияния. Поэтому церковные власти вынуждены были провести «чистку» ОПМ [159, с. 79].

ОПМ достаточно бескомпромиссно относилось к другим молодёжным организациям. На территории Западной Беларуси оно противостояло не только комсомолу, МО ТУР, ССМ «Вици», но и таким проправительственным союзам как ССМ «Сев»-СМД, Легион Молодых и СПДМ [163, с. 27].

С другой стороны власти всячески способствовали деятельности данной клерикальной организации. В середине 30-х годов был принят целый ряд законодательных актов, облегчавших существование ОПМ. Так, 28 января 1934 г. было принято постановление

Совета Министров 2 РП, которое регулировало позиции религиозных объединений. Благодаря этому, ОПМ заняло среди них первое место. А согласно декрету президента от 14 ноября 1935 г. отделения союза получили ряд льгот, в том числе освобождение от уплаты налогов за помещения, которые они занимали [76, с. 53-54].

Однако среди белорусской молодёжи распространение ОПМ сталкивалось с серьёзными трудностями. Часто ячейки объединения существовали только на бумаге. Один из корреспондентов «Беларускай Крыніцы» (органа БХД) сообщал из Браславщины: «Ксендзовский баловень – Объединение Польской Молодёжи так и вынужден умирать, не имея у нас необходимых для жизни соков – польского элемента... У нас нет поляков, и поэтому ничего удивительного, что не могут развиваться польские организации» [135, с. 3].

Власти вынуждены были признавать, что влияние церкви на молодёжь ослабевает. ОПМ теряло свои позиции даже в местностях с преобладающим католическим населением, а среди православной белорусской молодёжи оно никогда и не могло пользоваться популярностью. Так в отчёте за ноябрь 1935 г. несвижский староста сообщал: «Влияние католического духовенства на молодёжные организации почти полностью отсутствует. Союзы католической молодёжи не проявляют никакой деятельности». Подобные явления происходили, согласно донесениям новогрудского воеводы за март 1937 г., и в Щучинском повете. В 1939 г. после предпринятого специального исследования было выявлено, что в таких населённых пунктах как Климовичи, Леоновичи, Ягнищицы Слонимского повета, Бабаевичи, Лукавцы, Паначи Несвижского повета, Торкачи, Заполье, Пулунье Новогрудского повета, и во многих других распространяется «акция безбожия», а костёлы посещают только старые женщины [76, с. 81].

Деятельность клерикального направления молодёжного движения не ограничивалось только средой сельской молодёжи, охваченной влиянием ОПМ. Определённая работа велась и среди молодой интеллигенции и виленского студенчества. Ещё в 1928 г. сначала в Варшаве, а потом и в других вузовских центрах возникло так называемое академическое духовенство. Оно не ограничивалось традиционной религиозной практикой и занималось также координацией деятельности студенческих организаций. Существовали специальные ректорские костёлы, которые стали центрами объединения студентов-католиков и католических студенческих организаций [143, с. 259].

Существовали как общепольские студенческие клерикальные организации, действовавшие во всех вузах, так и распространявшие своё влияние только в одном университете. К первой группе

относились такие союзы и группы как Объединение Католической Академической Молодёжи «Возрождение» (Stowarzyszenie Katolickiej Młodzieży Akademickiej «Odrodzenie»), «Ювентус Христиания» («Juventus Christiania») и некоторые другие. Ко второй группе можно отнести действовавшее только в виленском университете Студенческое Общественное Действие (Akademicki Czyn Społeczny).

В некоторых вузовских центрах католические студенческие союзы стремились к объединению и совместным действиям. Так произошло и в Вильно. Тут существовало Соглашение Студенческих Католических Объединений (Porozumienie Akademickich Katolickich Stowarzyszen, PAKS) [143, с. 259].

Наиболее влиятельной среди этих организаций, не смотря на свою относительную немногочисленность, было ОКАМ «Возрождение». Так, в Вильно его численность не превышала 50 человек [159, с. 45]. Эта организация возникла ещё до 1 мировой войны, а с 1919 г. распространила свою деятельность в вузах 2 РП. Как и другие молодёжные католические союзы, «Возрождение» было частью «Католической акции», сохраняя, однако, относительную самостоятельность [136, с. 332]. Помимо этого, организация поддерживала связь с «Пакс Романа» - международным секретариатом национальных федераций студентов-католиков [163, с. 90].

Организация стремилась к «возрождению католической студенческой жизни». В своей деятельности она опиралась на папскую энциклику «Рерум новарум». Лозунгом «Возрождения» было «Отдать народ Христу». Что касается социальной программы студентов-католиков, то, согласно доктрине церкви, частная собственность признавалась фундаментом общественного устройства. Государству отводилась роль регулятора и контролёра частной инициативы. Организация подчеркивала свою национальную и даже националистическую позицию. К национальным меньшинствам относились с позиций христианской этики. Только отношение к евреям было негативным среди студентов-католиков, что сближало их с эндеками из Всепольской Молодёжи. Своим покровителем «Возрождение» признавало св. Павла, который начал свою апостольскую деятельность с «внутреннего возрождения» [159, с. 45-46].

Целью «Возрождения» являлось воспитание католической интеллигенции. Прежде всего, это воспитание должно было проходить в форме религиозно-философской работы. Для этого ещё с 20-х годов организация проводила Общественные недели, во время которых организовывались дискуссии с чтением рефератов. Главное внимание уделялось проблемам общественной доктрины церкви, вопросам

школьного образования и воспитания, семейной жизни, идеологии католического корпоративизма, национализма и отношений между народами [163, с. 89-90]. Ещё одной формой работы стала организация студенческих религиозных паломничеств в Ясную Гуру, так называемы пилигримок. Первая пилигримка была осуществлена уже в 1929 г, а в 1936 г. в ней участвовало уже 20000 студентов (около ½ всех студентов 2 РП [147, с. 329].

Среди филиалов «Возрождения» в польских вузах особое место занимала виленская организация. В конце 20-х годов её председателем стал Генрик Дембинский. Под его влиянием началось идейное брожение в организации.

Собрания виленского «Возрождения» превратились в бурные дискуссии молодёжи различной политической ориентации. Студенты-католики порвали с эндеками, вступили в борьбу за ограничение их влияния в университете. Одновременно произошло сближение с проправительственными союзами, прежде всего с радикально настроенным СПДМ [156, с. 34]. Это отличало виленское отделение от других филиалов «Возрождения». В остальных вузах студенты-католики достаточно враждебно относились к светским, антиклерикальным и радикальным организациям.

Сотрудничество «Возрождения» с другими студенческими союзами в Вильно принесло успех на выборах в «Братскую Помощь» - на весь 1931/1932 учебный год организация студенческой взаимопомощи вышла из-под контроля Всепольской Молодёжи [156, с. 30].

Но затем в среде виленских студентов-католиков произошёл раскол. Власти костёла, патронировавшие над «Возрождением», не желали поддерживать всё более радикализирующуюся «группу Дембинского». Дело в том, что в начале 1932 г. эта группа выдвинула программу выходившую далеко за рамки университетской борьбы и клерикальной идеологии. Предлагалось установление планового руководства экономикой, государственное руководство национальным производством, раздел доходов между трудящимися, плановая индустриализация, общественные работы в государственном масштабе, государственная монополия на внешнюю торговлю, создание на основе крестьянских хозяйств объединений производителей, создание МТС. Необходимой предпосылкой данных изменений общественного строя должна была стать «моральная революция» [142, с. 27-28].

В консервативных кругах Дембинского и его сторонников стали называть католиками-коммунистами, считая их более опасными, чем настоящих коммунистов – «те ведь сидят в тюрьме, эти получают стипендию» [142, с. 29]. Редактор виленского «Слова»

ликвидировал неофициальный орган ОКАМ «Возрождение» «Wilcze Zęby» («Волчьи зубы»), издававшийся с декабря 1931 г. до марта 1932 г. в качестве бесплатного приложения к его газете [157, с. 28].

Летом 1932 г. прошёл всепольский съезд «Возрождения» в Люблине. На нём Дембинского и его сторонников обвинили в радикализме. Дембинский в ответ заявил о необходимости перехода общественного католицизма на сторону мира труда и подчёркивал необходимость глубокого изучения марксизма-ленинизма, из которого необходимо брать самое ценное. После такого заявления, опекун виленских студентов ксёндз Мештович сказал, что «чувствует себя курицей, которая высидела самолёт». Дембинскому было предложено отказаться от публичных выступлений по поводу своих тезисов. Взамен он мог выехать на учёбу в Рим. Но Дембинский отказался и вышел из организации вместе со своими сторонниками [142, с. 36]. В дальнейшем именно «группа Дембинского» стала основой для прокоммунистического Союза Академической Левицы «Фронт», о котором уже шла речь выше.

Тем не менее, ОКАМ «Возрождение» в виленском университете не прекратило своего существования после кризиса 1932 г., хотя его влияние значительно ослабло. Во главе его стали С. Стомма и В. Новодворский. Организация вновь вернулась на позиции католической общественной доктрины, нейтралитета по отношению с эндеками и сотрудничества с правящим лагерем. Виленские студенты-католики значительно снизили свою активность. Самым заметным её проявлением стало издание с 1933 по 1938 год ежемесячника (с 1935 г. выходил раз в 2 недели) «Рах». Вначале он считался органом Соглашения Студенческих Католических Объединений, а затем ежемесячником католической молодёжи. Постулаты издания были близки к ОКАМ «Возрождение». Его радикализм не выходил за рамки очерченные папскими энцикликами «Рерум новарум» и «Куадрогезимо анно» [157, с. 117]. Общественное переустройство, согласно публицистам «Рах», можно было достигнуть лишь путём морального самоусовершенствования, но никак ни путём политической борьбы [179, с. 13]. «Рах» из-за финансовых трудностей не превышал объёма в 4 – 12 страниц. Кроме того, за весь период его существования издание неоднократно меняло главных редакторов. Вряд ли можно говорить о каком-либо значительном влиянии «Рах» вне среды клерикально-настроенных студентов.

Таким образом, католическое молодёжное движение в Западной Беларуси развивалось достаточно интенсивно. Под влиянием созданного в рамках «Католической акции» ОПМ находилось значи-

тельное число молодых крестьян-католиков. Объединение проводило большую работу среди молодого поколения. В основных своих направлениях эта работа совпадала с деятельностью проправительственных ССМ «Сев» - СМД и Стрелецкого Союза – культурно-просветительской, профессиональным обучением, военной подготовкой. Большое внимание уделялось полонизации молодёжи региона. Единственным отличием был упор на религиозное воспитание, вместо «гражданского воспитания» в рамках проправительственных союзов. Тем не менее, влияние клерикалов не стало решающим, а среди православной молодёжи оно отсутствовало вовсе.

Слабыми оказались позиции клерикалов и среди виленских студентов. ОКАМ «Возрождение» фактически пережило раскол. Наиболее радикально настроенные его члены в дальнейшем перешли на прокоммунистические позиции, а оставшиеся члены организации не смогли играть заметную роль в университетской жизни.

4. 2. Белорусское национально-демократическое молодёжное движение в 30-е годы XX века.

Начиная разговор о белорусском национально-демократическом молодёжном движении, надо отметить, что оно в основном находилось под влиянием Белорусской Христианской Демократии (с 1935 Белорусского Национального Объединения) – БХД-БНО. Идеалом для БХД была независимость Беларуси, которая, согласно А. Станкевичу, лидеру БХД, «логично вытекала из акта 25 марта 1918 г., который провозгласил Беларусь независимой суверенной державой» [42, с. 431]. Организация выступала за независимость белорусского народа на всех его этнографических землях. БХД стремилась создать строй, основанный на труде, гражданском равенстве, не допускающий эксплуатации, обеспечивающий культурные и экономические потребности граждан. Белорусские христианские демократы были против всякой диктатуры – капитализма, фашизма, коммунизма. БХД выступали в защиту частной собственности, но согласно их программе «частная собственность должна быть так урегулирована и объята законом, чтобы не была вредной для общего блага»[172, с. 168-169].

Именно отрицание диктатуры и отстаивание принципа частной собственности, а также утверждение о бесклассовости белорусского общества вызывали враждебность КПЗБ по отношению к БХД-БНО. Кроме того, БХД-БНО жёстко критиковало события в БССР – коллективизацию, свёртывание белорусизации и борьбу с «нацдемами». Поэтому белорусские христианские демократы долгое

время оценивались как буржуазная партия, а в описываемый период трактовались коммунистами и вовсе как национал-фашисты. Что касается отношения польских властей, то они считали БХД-БНО радикальной партией, опасной для общественного порядка [172, с. 170]. Оценивая характер данной партии (а, следовательно и находившегося под её влиянием молодёжного движения), можно говорить, что хотя она и не была революционной, но всё же находилась на левом фланге политического спектра. Что касается её буржуазного характера, то это положение опровергает как её классовый состав – в основном крестьяне и интеллигенция, так и постоянные финансовые трудности БХД-БНО, что было бы невозможно, пользуйся она поддержкой буржуазии.

Согласно программе БХД-БНО (1935 г.), партия шла к своим целям «путём организации, повышения сознательности белорусского крестьянства, рабочих и интеллигенции» [69, с. 27]. В этом русле развивалась и работа белорусских христианских демократов с молодёжью.

Какого-либо массового единого белорусского молодёжного союза национально-демократической ориентации не существовало. Хотя на рубеже 20-30-х годов была предпринята попытка его создания. Инициатором создания Товарищества Белорусской Молодёжи «Будущее» стала редакционная коллегия журнала «Шлях моладзі». Целями организации должны были стать: культурное, национальное, общественное и профессиональное самообразование; распространение просвещения среди молодого поколения; развитие народной культуры и творчества; развитие спорта и физического воспитания; организация самопомощи.

Устав организации был подан на утверждение виленскому воеводе, который отказался это сделать. Свой отказ он аргументировал тем, что членами Товарищества могут быть только лица, достигшие 21 года, в то время как устав предусматривал полноправное членство с 16 лет, а в исключительных случаях с 14 лет. Однако, известно, что, например, в ССМ «Сев» и ОПМ принимались подростки с 14 лет. После того, как учредители Товарищества обратили на это внимание польских властей, те во второй раз отклонили их прошение, объяснив это правами воеводы [112, с. 7].

Отказалось утвердить устав «Будущего» и МВД. Начальник безопасности Виленского воеводства письмом от 23 февраля 1932 г. сообщил, что МВД оставило «без рассмотрения» протест основателей Товарищества против постановления воеводы. Как и воевода, министерство не привело достаточных причин запрета, поскольку

запрет или разрешение на создание молодёжной организации «является прерогативой власти и не подлежит обоснованию» [108, с. 17]. Неудачей закончилась и попытка создания В. Козловским белорусского спортивного общества «Гайсак». Воеводские власти также не дали разрешение на его регистрацию [79, с. 192].

Тем не менее, журнал «Шлях моладзі» продолжал вести работу среди белорусской молодёжи. Сам журнал был создан в начале 1929 г. Первый его номер вышел в марте этого года. В состав редакционной коллегии вошли И. Найдюк, И. Тумаш, А. Шутович, В. Тарасевич. Редактором стал М. Петюкевич (позднее его сменил И. Найдюк), издателем И. Богданович. Это были молодые работники виленской типографии имени Ф. Скорины, в которой выходил журнал, или студенты-белорусы виленского университета. Не смотря на различные трудности, журнал выходил на протяжении 10 лет, первоначально 1 раз в месяц, затем (с 1937 г.) два раза в месяц. Всего вышло 157 номеров издания. Во многом это стало возможным лишь благодаря энтузиазму его работников, поскольку на протяжении всех 10 лет И. Найдюк, И. Богданович и А. Шутович, которые непосредственно печатали журнал, работали бесплатно [85, с. 138]. Журнал распространялся преимущественно в Вильно, в Браславском, Молодеченском и Волковысском поветах [16, л. 94].

Целью своей работы редакция журнала провозгласила «борьбу за независимость Беларуси и за улучшение народного сознания, расширение просвещения и культуры в деревне, воспитание молодёжи в духе независимости и предоставление, в меру возможности, для молодёжи хорошей литературы, развлечений и интересных и полезных сведений из жизни мира, а также белорусского возрожденческого движения». За основу была взята «народная идеология», опиравшаяся на христианскую этику [112, с. 4]. «Шлях моладзі» должен был «давать все необходимые для белорусской молодёжи знания, как из области науки, так и общественной жизни. «Шлях моладзі» должен заменить лекции, дискуссии и беседы, должен показывать жизнь молодёжи в её стремлениях, работе и творчестве» [114, с. 2].

В рамках декларируемых целей журнал публиковал статьи по истории Беларуси и белорусского национально-освободительного движения. Так, в 1934 г. в нескольких номерах была помещена статья А. Станкевича «Из истории белорусского политического освобождения», ставшая наиболее значительной публикацией на эту тему. Следует также отметить, что позднее, в 1940 г., редактор журнала И. Найдюк опубликовал отдельной книгой очерк «Беларусь

учора і сяньня», в основу которого были положены публикации из «Шляха моладзі». Редакция журнала так оценивала значение распространения знаний по истории: «Белорусская молодёжь, имея перед собой историю – науку борьбы за свободу наших отцов и соседей, должна хорошо научиться, как она должна поступать» [102, с. 1].

Большое внимание уделялось и современному состоянию белорусского национального движения. Существовала постоянная рубрика «Хроника. Из белорусской жизни». В ней освящалась общественная и культурная деятельность белорусских национальных организаций не только в Вильно, но и за границей – в Литве, Латвии и Чехословакии.

Общественно-политическая проблематика вообще была широко представлена на страницах «Шляха моладзі». Так, выход из тяжёлого положения белорусского крестьянства виделся редакции, и это лежало в рамках программы БХД, в развитии кооперации и земельной реформе. «Через кооперацию белорусское общество, как организованная единица, добудет себе все общественные и политические права... Кооперация поможет нам при нашей бедности завоевать то, что даёт богатым людям капитал. Самое же главное, что может дать белорусскому народу кооперация, так это важную помощь в той борьбе за свои национальные и социальные права, за которые ведёт сегодня героическую борьбу!» [102, с. 9]. Достаточно радикальным было предлагаемое разрешение проблемы безработицы: «Безработицы не будет тогда, когда человечество перейдёт от анархического к плановому хозяйству, и значительно уменьшится, когда повысится земледельческая культура, когда будет проведена справедливая земельная реформа и когда будут проводиться общественные работы» [123, с. 11].

Острую борьбу вёл журнал против различного рода официальных польских молодёжных союзов и объединений. Постоянно говорилось, что эти организации «под прикрытием культуры или христианства фактически хотят полонизировать белорусскую молодёжь» [112, с. 8]. И. Найдюк в своей редакционной статье, посвящённой 15 годовщине БНР, призывал «сбросить с себя болезненный нарост «Związkow», «Stowarzyszen», «Strelcow» [108, с. 2]. Особенно резкой критике подвергалось клерикальное ОПМ. Тот же И. Найдюк утверждал, что эта организация занимается не католическим воспитанием, а полонизацией белорусской и литовской молодёжи. По его мнению, это противоречит задачам католической организации: «Католическая организация не смеет никого лишать национального самосознания. Наоборот – она должна учить всех уважать свои народные

особенности, обычаи, язык, культуру, давая равное право для развития каждой нации» [121, с. 12]. По мнению редактора, белорусская молодёжь должна «работать самостоятельно для белорусского дела, без никаких надежд на протрезвление чужого больного национализма, как на западе, так и на востоке» [120, с. 8]. Однако не следует делать вывод о крайней националистической позиции издания. На протяжении всего своего существования журнал выступал в поддержку прав не только белорусского народа, но и других национальных меньшинств 2 РП. Указывалось на необходимость укрепления дружбы с украинской и литовской молодёжью: «То, что сегодня является украинским и литовским должно быть также дорого и нам, как белорусское и если провозглашаем «Да здравствует свободная Беларусь», так провозглашаем одновременно «Да здравствует свободная Украина и свободная Литва» [103, с. 5].

Что касается отношения молодых белорусских христианских демократов к коммунистам, то они считали коммунистическую и социалистическую идеологию чуждой для белорусского народа. Также они утверждали, что «белорусам нельзя играть в интернационализм, а необходимо бороться с теми болячками, которые не дают жить нам, белорусам» [110, с. 3]. Критиковалось также положение в БССР, где, по словам И. Найдюка, «обанкротившийся коммунизм, вылившись в московский шовинизм, с всё большей жестокостью ведёт решительную борьбу со всем, что является белорусским» [111, с. 2]. Имелась в виду политика репрессий против белорусской интеллигенции и свёртывание белорусизации. В 1933 году «Шлях моладзі» также развернул широкую компанию против реформы правописания в БССР, которая, по мнению авторов журнала, «вела к сближению белорусского языка к русскому и постепенному слиянию с ним» [109, с. 4].

Неприемлемым для молодых белорусских христианских демократов был и воинствующий атеизм коммунистов. Они считали религию прирождённым правом человека, а выступать против неё – бессмыслицей, «равнозначной тому, чтобы идти против самого себя, себе врать, самого себя насиловать» [124, с. 4].

Тем не менее, «Шлях моладзі» был далёк от той антикоммунистической истерии, которой была проникнута официальная польская пресса. Именно поэтому, в августе 1935 г., в рамках борьбы за единый антифашистский фронт состоялись контакты между представителями ЦК КСМЗБ и редакции журнала. Рассматривались вопросы о проведении компании борьбы за школу на родном языке, о совещании молодых белорусских поэтов, о кооптации представителя КСМЗБ в «Шлях моладзі» и о создании постоянной контактной

комиссии [29, с. 250].

Но сотрудничество не состоялось. «Шлях моладзі» отказался от него, также как это сделала БХД-БНО по отношению к КПЗБ. Передовая статья журнала, посвящённая этому вопросу, по характеру была близка к «Коммуникату» БХД-БНО от 25 сентября 1935 г. КПЗБ в этом документе объявлялась не самостоятельной национальной политической партией, а представительницей московского коммунистического центра, которая проводит политику несоответствующую духу и потребностям белорусского народа. Обращение ЦК КПЗБ к БХД о сотрудничестве называлось не самостоятельным решением, а исполнением постановлений VII Конгресса Коминтерна, «который под натиском напряжённого международного положения и слабой роли коммунистов в мире приказывает коммунистам сотрудничать с национальными организациями нефашистского характера». Вместе с тем, хадеки выдвигали условия возможного сотрудничества, которые были неприемлемы для коммунистов и оценивались ими как антисоветские: присоединение к БССР этнических белорусских земель, ликвидация польского района в Койданово, реальные гарантии для развития белорусской культуры в БССР, остановка коллективизации, освобождение репрессированных деятелей национально-демократического движения, обеспечение политической, общественной и религиозной свободы в БССР [33, л. 62-64].

«Шлях моладзі» в редакционной статье И. Найдюка «Можно ли сотрудничать с коммунистами» (ноябрь 1935 г.) называл VII Конгресс Коминтерна борьбой за замену фашистской диктатуры на коммунистическую и призывал белорусскую молодёжь сотрудничать только с теми, кто несёт белорусскому народу «настоящую волю и лучшую долю, отбрасывая как фашистскую, так и коммунистическую диктатуру» [122, с. 2-3].

В дальнейшем полемика молодых сторонников БХД-БНО с коммунистами продолжилась. И. Найдюк фактически ставил знак равенства между коммунизмом и фашизмом, называя их «материалистическими направлениями, которые ведут жизнь в язычестве и ограничивают свободу человека» [125, с. 1]. Представляет интерес и то объяснение, которое давал редактор журнала росту влияния комсомола среди молодёжи: «Коммунисты, идя к реализации своих идеалов, бросают революционные призывы, обещая перемену к лучшему в скором времени, приобретают себе сторонников, особенно среди молодёжи. Так как молодёжь, с орлиной молодой душой, готова на величайшие жертвы, только чтобы быстрее идти к цели…» [126, с. 1]. Можно сказать, что лидер молодых христианских демократов

признавал, что социально-экономическая программа коммунистов более популярна среди молодёжи, чем предлагаемый «Шляхом моладзі» «творческий национализм», предусматривавший национально-культурную и просветительскую работу.

Просветительская же работа велась журналом достаточно большая. Публиковались многочисленные материалы на различные научно-популярные темы, статьи по краеведению и этнографии Беларуси. К их написанию привлекались в первую очередь студенты виленского университета. Журнал призывал, чтобы вся сознательная белорусская студенческая молодёжь считала своей обязанностью просто, коротко и ясно написать в «Шлях моладзі» статью на наиболее для себя доступную и понравившуюся тему [107, с. 2].

Журнал также стремился приобщить белорусскую молодёжь к национальной литературе. «Белорусская молодёжь должна читать и познавать хорошую и умную книгу... В первую очередь она должна читать, перечитывать, познавать и исследовать произведения своих бессмертных песняров Купалы и Колоса. Произведения Купалы и Колоса – это народное евангелие, прежде всего для белорусской молодёжи». Помимо произведений Я. Купалы и Я. Колоса публиковались статьи о творчестве Ф. Богдановича, Ядвигина Ш, А. Гуриновича.

Большую роль в развитии непосредственно западно-белорусской поэзии сыграл «Литературный отдел», существовавший при журнале. Сюда присылали свои стихи М. Танк, М. Василёк, М. Машара, Я. Брыль, А. Иверс и многие другие начинающие поэты со всей Западной Беларуси [85, с. 138].

С 1933 г. существовала рубрика для самых младших, публиковавшая стихи, сказки и басни для детей.

Необходимо упомянуть также о существовании таких рубрик «Шляха моладзі» как «Лісты» и «Нам пішуць». Дело в том, что у журнала, не смотря на давление властей, существовала обширная сеть корреспондентов в сельской местности [16, л. 95].

Характерно, что журналу удалось добиться самоокупаемости, увеличить тираж, повысить качество печати, появились иллюстрации. Это происходило, не смотря на то, что польская администрация на местах составляла часто протоколы за одну лишь подписку на журнал [85, с. 138]. Виленские воеводские власти неоднократно налагали денежные штрафы на издателей «Шляха моладзі», некоторые номера издания были конфискованы по цензурным соображениям. Летом 1939 г. журнал был окончательно закрыт, а издатели и члены редакционной коллегии были арестованы и высланы в концентрационный лагерь в Берёзе Картузской [79, с. 401].

Помимо публицистической деятельности «Шляха моладзі», деятельность БХД-БНО в борьбе за влияние на молодёжь принимала и другие формы. Большие надежды в этом отношении возлагались на Белорусский Институт Хозяйства и Культуры (БИХиК), созданный ещё в июне 1926 г. Его целью была организация культурно-просветительской работы и хозяйственной деятельности через создание библиотек, клубов, сельскохозяйственных кооперативов, обеспечение крестьян техникой и распространение агрономических знаний [42, с. 444]. Активную агитацию по вовлечению молодёжи в БИХиК проводил «Шлях моладзі», особенно после провала попытки создания Товарищества Белорусской Молодёжи. По мнению редакции, организация кружков БИХиК могло бы частично возместить тот вред, который принёс запрет польских властей. Кроме того, играло роль и то, что эта культурно-просветительская организация, согласно редакционной статье, «не держится ни советофильской, ни полонофильской ориентации, а стоит на мощном белорусском грунте, опираясь только на силы белорусского народа» [105, с. 3].

В 1934 г. существовало до 80 кружков Института, объединявших 1200 человек в Виленском, Браславском, Дисненском, Вилейском, Ошмянском, Лидском и Барановичском поветах [42, с. 444]. Сотрудники «Шляха моладзі» активно участвовали в работе БИХиК. Так, И. Найдюк и В. Козловский в марте 1934 г. были избраны в Правление Виленского отделения БИХиК [113, с. 20]. М. Петюкевич возглавил секцию этнографии и археологии при Центральном Совете БИХиК [114, с. 13].

Наиболее значительной акцией БИХиК стала борьба за белорусскую школу совместно с ТБШ, находившимся под руководством КПЗБ. Следует отметить, что к тому времени ТБШ не имело того влияния, которое было у него было ранее – к 1934 г. действовала лишь Белостокская управа ТБШ, объединявшая 34 кружка. Отдельные кружки Товарищества сохранились также на Слонимщине, Виленщине и Брестщине [69, с. 44].

В феврале 1936 г. между БИХиК и ТБШ была подписана «Декларация в деле борьбы за школу на родном языке». Обе организации создали совместный Центральный школьный секретариат и начали издавать газету «За беларускую школу». Было собрано 4,5 тысячи деклараций с подписями в поддержку требования открытия белорусских школ, направлена специальная делегация в Варшаву.

Власти вынуждены были пойти на некоторые уступки – были введены уроки белорусского языка в школах, открыто несколько двух-язычных школ. Одновременно на организаторов «школьной

акции» обрушились репрессии. Была запрещена деятельность Школьного секретариата. По приказу виленского староства 2 декабря 1936 г. была запрещена деятельность ТБШ, а через два дня и БИХиК [69, с. 56-60].

Определённую работу проводили деятели белорусского национально-демократического движения и среди детей. С 1934 по 1939 г. выходил детский журнал «Пралеска» (с 1936 г. в качестве бесплатного приложения к «Беларускай Крыніцы» [175, с. 301]. В 1934 г. в Виленской белорусской гимназии существовали две скаутские дружины – для мальчиков им. Ф. Богушевича и для девочек им. Е. Полоцкой. Скауты имели свою форму и герб – белый щит с красной полосой, на щите белая лилия, на фоне которой «Погоня». Белорусские скауты в 1938 г. приняли участие в международном слёте скаутов в Спале (Бельгия). Главой кружка друзей белорусских скаутов стал один из организаторов белорусского скаутского движения ксёндз С. Гляковский [72, с. 24]. Следует отметить, что, фактически, за пределы Виленской белорусской гимназии белорусский скаутинг не вышел вплоть до 1939 г.

Одной из организаций, находившейся под частичным влиянием БХД-БНО, был Союз Студентов Белорусов, действовавший в виленском университете в 1920 – 1939 гг. Характерно, что в архивных документах КПЗБ и КСМЗБ говорилось о ССБ: «это конгломерат всяких типов, начиная с нацфашистов и кончая такими людьми, с которыми не только можно работать, но и обязательно нужно это делать» [23, л. 29]. Одновременно следует отметить, что Союз не смог охватить всех студентов-белоруссов университета. Даже руководство ССБ признавало, что организация охватывает только 50 % из них, остальные «ходят дикие» [98, с. 29].

Численность Союза колебалась от 100 человек в 1930 г. [16, л. 70] до 70 человек в 1939 [127, с. 11]. Эти колебания были вызваны во многом борьбой внутри белорусского студенчества, о которой будет рассказано ниже.

В 30-е годы руководителями организации были К. Глинский, Б. Арень, Т. Куницкий, В. Король и другие. Главными целями Союза были объебдинение своих членов на почве научного познания Беларуси и воспитания национального самосознания народа. В ССБ существовало четыре секции – культурно-просветительская, научная, издательская, труда, а также своя библиотека [42, с. 456].

У Союза был также свой печатный орган – журнал «Студэнцкая Думка». В состав его редакции входили И. Гагалинский, И. Шутович, Н. Шкелёнок, С. Станкевич и М. Якимец. Журнал

стремился представить «общую идейную направленность белорусской возрожденческой молодёжи». Главным его содержанием было освещение национальной и культурной жизни в Западной Беларуси и подробная хроника деятельности ССБ. Одновременно поднимались проблемы философии, национального возрождения, психологии. Помещались литературоведческие и научные работы, поэтические произведения и т.д. [45, с. 221]. Однако «Студэнцкая Думка» не могла сравниться по своему влиянию со «Шляхом моладзі». За период с 1929 по 1935 год вышло только 5 номеров, причём один из них был конфискован полицией. В 1935 г. журнал прекратил своё существование из-за финансовых трудностей.

Тем не менее, пресса БХД продолжила освещение белорусского студенческого движения. При «Беларускай Крыніцы» с ноября 1932 г. раз в месяц под редакцией И. Шутовича и И. Малецкого выходила рубрика «Студэнцкая трыбуна» [157, с. 159]. При «Шляхе моладзі» с 1938 г. выходило приложение «Шлях беларускага студэнта» под редакцией И. Ярошки, В. Ермалковича, Ч. Найдюка, С. Нарушевича и В. Панько [175, с. 312].

ССБ вёл просветительско-пропагандистскую работу, в основе которой было чтение лекций среди населения Западной Беларуси. При Союзе также некоторое время существовали кооператорские курсы, была открыта студенческая столовая. Организовывались субботние вечера, экскурсии, театральные постановки, концерты. При ССБ существовал хор, руководителем которого являлся известный музыкант и фольклорист Г. Ширма.

Вести какую-либо иную деятельность, кроме культурно-просветительской, ССБ не мог из-за постоянного давления властей. Так, когда в феврале 1933 г. собрание ССБ постановило выразить протест против притеснения белорусской школы и белорусских просветительских организаций, куратор организации профессор Э. Кошмидер не дал на это разрешения. Причиной были объявлены «неправдоподобность приведённых фактов и заострённость акцентов» [135, с. 1]. В том же году Союз был вынужден выйти из Объединения Белорусских Студенческих Организаций, которое координировало деятельность студенческих организаций в вузах Европы и Америки [98, с. 26]. В дальнейшем ССБ было запрещено организовывать лекции в провинции, а его членам носить значки своей организации [79, с. 193].

Таким образом, к концу 30-х годов деятельность ССБ ограничивалось территорией Вильно и средой белорусского студенчества местного университета. Последней его акцией стал

белорусский студенческий слёт в Беловеже 15 июля 1939 г. [128, с. 2]. Союз Студентов Белорусов прекратил своё существование в связи с закрытием университета в сентябре 1939 г.

Одновременно студенты-белорусы работали не только в рамках ССБ. Они принимали активное участие в белорусском национальном движении, причем не только на стороне БХД-БНО. Особую активность они проявляли в издательской деятельности.

Часть белорусского студенчества поддержала группу Белорусского Национального Фронта во главе с вышедшим из БХД-БНО ксендзом В. Годлевским [75, с. 24]. Студент В. Папуцевич участвовал в редактировании газеты этой группы «Беларускі Фронт» (1936 – 1938) [46, с. 141]. Так же В. Папуцевич был инициатором создания журнала «25 сакавіка», пять номеров которого вышли в 1936 – 1939 годах в Вильно. Группа «25 сакавіка» хотела соединить идеи суверенной Беларуси с христианством и элементами социализма. В своей «Идейной декларации» они высказывались за кооперативно-корпоративный уклад как основу государственного строя. Целью редакции было содействовать формированию «нового типа белоруса, свободного от сервилизма и национального декаданса, сознающего идеалы 25 марта». Ставилась задача «возродить белорусскую жизнь изнутри и подготовить народ к лучшему будущему». Журнал рассматривал проблемы духовной жизни народа, морально-этические вопросы. Одновременно критиковалась идеология и практика фашизма и коммунизма. Некоторое внимание уделялось и белорусской истории – в журнале были помещены очерки, посвящённые К. Калиновскому, Слуцкому восстанию, 350-летию Статута ВКЛ 1588 г. В рубрике «Хроніка» освещалась культурная и общественная жизнь Вильно, в том числе и деятельность ССБ [131, с. 219].

В 1933 – 1936 гг. выходил журнал «Золак», который имел подзаголовок «Орган молодой белорусской социалистической мысли». Редактором шести из вышедших семи номеров был студент Е. Анисько. Кроме него, активную роль в издании журнала играл Н. Чарнецкий, один из создателей ОБСО [138, с. 114].

«Золак» стоял на позициях партии белорусских эсеров. Основной своей задачей он видел выработку «ясно очерченного социально-политического и философского мировоззрения». Марксистскую идеологию молодые белорусские эсеры не отвергали, хотя и подходили к ней достаточно критически: «Ключ у Маркса уже старый, ржавый, чтобы им можно было открыть двери истории... Но значение Маркса не в том, что он будто бы объявил закон развития человеческой истории, а в чём то другом. Маркс от утопии перешёл к науке, начал

научное исследование и изучение человеческого общества. Нельзя совсем отбрасывать марксизм, так как он имеет в себе элементы настоящего научного знания» [57, с. 3-5]. Отвергалась любая форма диктатуры и провозглашался принцип трудовой демократии.

Журнал содержал публикации, посвящённые развитию социалистических идей и общественного строя, национальному вопросу. Высоко оценивался акт 25 марта 1918 г. и отстаивалась белорусская государственность, как основа перспективного будущего белорусского народа. Одновременно анализировались и причины краха БНР, причём отношение к её деятелям, в отличие от других белорусских группировок, у редакции журнала было критическим – «Акт Независимости Беларуси, провозглашённый 25 марта 1918 года, не реализован до этих дней. Создатели акта независимости всю свою деятельность направили не на дело организации широких белорусских масс, не на сильную связь с ними, но застряли в так называемой «высокой политике», на самом деле в политической спекуляции... Реализация идеалов независимости сможет придти в результате широкой деятельности белорусских трудовых масс» [56, с. 18-19].

Журнал также освещал политическую жизнь в Западной Беларуси, оценивал деятельность различных белорусских национально-демократических группировок. Анализировались репрессии в БССР. Большое место отводилось материалам по истории национального и революционного движения. Так были опубликованы очерки о журнале «Гоман», о И. Гриневицком и др. [129, с. 453]. В журнале существовал и литературный отдел, в одно из выпусков которого были напечатаны стихи М. Танка (под псевдонимом Яўген Бура) [175, с. 280].

С 3 февраля по 26 мая 1934 г. вышло пять номеров газеты «Беларусь працы», периодического органа Белорусской Националистической Сябрины [43, с. 66]. Редактором и издателем её был студент С. Сорока. Газета провозглашала борьбу за независимость Беларуси. Однако одновременно она призывала к «позитивной работе» и «соглашению с братскими славянскими народами». Издание носило ярко выраженный антикоммунистический и антирусский характер. В целом его направленность можно оценить как полонофильскую [175, с. 267].

Однако ведущей полонофильской организацией в белорусском национально-демократическом движении стал «Центросоюз», или как его называли «белсанация», во главе с Р. Островским и А. Луцкевичем. «Центросоюз» считал возможным, в отличие от БХД-БНО, идти на уступки и компромиссы с польскими властями.

«Центросоюз» предпринимал определённые меры для распространения своего влияния на молодое поколение. Так молодёжь составляла большую часть членов созданного в 1933 г. «белсанацией» Товарищества Белорусского Просвещения [29, л. 67]. Цели этой организации были близки к целям БИХиК. Кроме того, предусматривалось наряду с изучением белорусской культуры и изучение польской культуры. Также руководство ТБП считало возможным сотрудничество с польскими проправительственными молодёжными союзами, прежде всего с ССМ «Сев» [1, л. 384]. Товарищество развивало свою деятельность только в Виленском воеводстве и, не смотря на свою пропрольскую ориентацию, было закрыто в августе 1937 г.

Но главный упор руководство «Центросоюза» сделало на овладение белорусским студенчеством. ССБ стал объектом борьбы между «белсанацией» и БХД. Однако БХД удалось сохранить своё влияние в Союзе Студентов Белорусов. Весной 1931 г. из правления ССБ за финансовые махинации были исключены К. Глинский, Е. Бартуль и С. Станкевич – сторонники Р. Островского и «Центросоюза» [16, л. 71]. После этого бывшие члены правления выступили с инициативой создания корпорации «Скориния». Причём, чтобы не вносить раскол в ССБ, планировалось, что члены корпорации будут одновременно и членами ССБ.

Уже в первое время своего существования корпорация столкнулась с недостатком массовой поддержки. Для официальной регистрации вузовскими властями необходимо было предоставить не менее 50 подписей студентов. Организаторы «Скоринии» вынуждены были собирать подписи среди студентов-поляков, так как среди студентов-белорусов достаточного их количества собрать не удалось [16, л. 71].

12 июня 1931 г. Сенат университета всё же утвердил устав корпорации. В её руководство вошли К. Глинский, Е. Бартуль, А. Мюллер, И. Зенюк и Н. Шкелёнок [152, с. 32-33]. Численность организации была не велика – на протяжении всего своего существования она не превышала 25 человек [116, с. 10]. Это было не только следствием отсутствия достаточной поддержки. «Скориния» создавалась по примеру польских корпораций, которые в свою очередь брали за образец немецкие студенческие организации. Корпорации изначально считались по своей сути замкнутыми элитарными организациями. Ни одна из студенческих корпораций межвоенной Польши не насчитывала более 100 членов [163, с. 47]. Но это компенсировалось за счёт строгой дисциплины и солидных материальных фондов. Как и в польских корпорациях, член «Скоринии» проходил три ступени: новопринятый («фукс»),

полноправный член («камильтон») и, после окончания учёбы в вузе, корпорант становился «филистером». В обязанности «филистера» входило оказание моральной и финансовой помощи младшим членам корпорации [142, с. 12].

Благодаря поддержке «филистеров» и стало возможным функционирование корпорации «Скориния». Её «филистерами» были ведущие лидеры «белсанации» - Р. Островский и А. Налендо-Трепка. «Филистером» и университетским куратором организации был профессор виленского университета Я. Панейко [153, с. 30]. Именно Р. Островский контролировал и распределял финансовые средства, поступавшие от властей для поддержки полонофильских организаций. Это позволяло корпорации достаточно безбедно существовать. На начальном этапе (1931-1932 гг.) её ежемесячный бюджет составлял 1500 злотых. Для сравнения – на Виленскую белорусскую гимназию выделялось 2500 злотых в месяц, а весь ежемесячный бюджет «белсанации» составлял 8000 злотых. За одну лишь аренду помещения корпорация платила 200 злотых. Студенты-«фуксы» получали 15-25 злотых, а руководство «Скоринии» - 160-200 злотых ежемесячно [16, л. 18-19]. Финансовая поддержка позволяла организации выпускать, хотя и крайне редко, свой печатный орган. Под редакцией К. Глинского, а затем Т. Гришкевича, вышло три номера журнала «Новая Варта» (латинским шрифтом) [175, с. 297].

В «Новой Варте» были изложены основные идейные установки и цели корпорации «Скориния». Было заявлено, что задачей белорусского студента является получение гражданского воспитания, способности к самостоятельным выводам, чувства собственного достоинства. Именно путём гражданского воспитания и собиралась идти корпорация, чтобы «дать в будущем белорусскому обществу и государству достойные личности, осознающие свои права и обязанности» [152, с. 3-4]. Идеологи «Скоринии» считали необходимым вести работу с позиций «белорусского позитивизма». Предлагалось отказаться от максимализма требований и главное внимание уделять «созданию и укреплению белорусской национальной и культурной базы». В редакционной статье второго номера журнала корпорации говорилось: «Сегодня одна белорусская школа, один белорусский выпускник – это больше, чем далеко идущий политический максимализм» [153, с. 3]. Показательно, что в качестве примера «позитивной работы» приводилась деятельность Ю. Пилсудского и его сторонников под покровительством Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны: «В великий исторический час не было недостатка в поляках готовых на величайший героизм.

Никто сегодня не спрашивает этих поляков, как и в какой мере Австрия проявляла им своё покровительство» [154, с. 2].

Таким образом, «Скориния» считала возможным идти на компромисс и сотрудничество с польским правящим режимом. Именно поэтому лидеры корпорации настаивали на более активном участии в общеуниверситетской жизни. И. Зенюк, например, говорил, что белорусским студентам необходимо занять «достойное положение в Братской Помощи» [152, с. 17-18]. Другой член корпорации, Г. Богданович, призывал к сотрудничеству с польскими организациями в области спорта: «Не нужно бояться польских спортивных организаций. Спортивные организации в Вильно редко носят национальный, а тем более националистический характер. Они никого из нас не сполонизируют, а если и ополячат кого-нибудь слабого духом, невелика потеря» [153, с. 22]. Что касается общеуниверситетской жизни, то редакция корпоративного органа резко осуждала антисемитские выступления в вузе, считая «подобные способы борьбы не соответствующими чести, этике и морали человека» [152, с. 31-32].

Не смотря на свою немногочисленность, корпорация активно участвовала как в университетской жизни, так и в белорусском национальном движении в Вильно. Наиболее распространённой формой работы была организация вечеров. На них присутствовали не только белорусские корпоранты и их «филистеры», но и гости из числа других корпорантских организаций и руководства вуза [153, с. 29]. Члены «Скоринии» участвовали и в официальных мероприятиях польских властей. Так во время визита Ю. Пилсудского в Вильно, делегация от «Скоринии» привлекалась к его торжественной встрече [4, л. 65].

Одновременно регулярным было участие корпорации в торжествах и вечерах-академиях, посвящённых провозглашению независимости БНР. 18 ноября благодаря стараниям корпорации в виленском Свято-Духовом монастыре был отслужен молебен в память «белорусов павших во время Слуцкого восстания против большевиков» [110, с. 16]. Достаточно тесные связи установились между «Скоринией» и Виленской белорусской гимназией, директором которой долгое время был Р. Островский. Корпоранты организовывали благотворительные вечера для беднейших учеников, занимались с ними репетиторством и т.д. В 1934 г. по решению Конвента корпорации её члены собрали 100 злотых для оплаты учёбы бедных учеников [154, с. 16]. Определённые шаги попыталась предпринять «Скориния» для помощи беднейшим студентам. Была создана студенческая столовая. Но она просуществовала не долго – в 1932 г. её закрыли из-за финансовых трудностей. По тем же причинам

«Скориния» не смогла создать и библиотеку учебной литературы [154, с. 16].

Надо также упомянуть о научно-популяризаторской работе, которая велась на страницах корпоративного органа. Среди наиболее ярких публикаций следует выделить очерк Н. Шкелёнка о канцлере ВКЛ Л. Сапеге, статьи Е. Бартуля «В дороге к новому строю» и «Один из вопросов», посвящённые анализу идеологии солидаризма и проблеме национального самоопределения. Во втором и третьем номерах журнала была опубликована лекция А. Луцкевича «Критические моменты в жизни Купалы и Колоса, которую он прочитал в марте 1932 г. в Белорусском Научном Товариществе.

Но главным содержанием деятельности корпорации «Скориния» стал её конфликт с ССБ, находившимся под контролем БХД. Это было продолжением конфликта в белорусском национальном движении между БХД и «Центросоюзом». Уже с момента своего создания «Скориния» стала объектом критики со стороны «Беларускай Крыніцы» и «Шляха моладзі».

Летом 1931 г. президиум корпорации выступил против Объединения Белорусских Студенческих Организаций. Руководство «Скоринии» считало, что бюллетень ОБСО вредит всему белорусскому студенчеству в Польше [153, с. 16]. В ответ Ревизионная Комиссия ССБ внесла предложение об исключении членов корпорации из Союза. 13 декабря 1931 г. общее собрание ССБ запретило своим членам принадлежать к «Скоринии». Однако куратор ССБ профессор Владычко отказался утвердить это решение. После этого правление ССБ ушло в отставку. «Новая Варта» обвинила христианских демократов в стремлении развалить Союз: «До этой поры разбивали и разрушали белорусские общественные организации безбожные руки «комиков» (т.е. коммунистов). Теперь за такую тактику схватились «Беларуская Крыніца» и её подголоски. Компания этих людей явно ведёт к ликвидации Союза» [153, с. 18].

Но, в конце концов, победу одержали сторонники БХД. В мае 1932 г. профессор Владычко отказался от кураторства, а 12 членов «Скоринии» вышли из рядов ССБ [98, с. 25]. Однако полемика продолжилась. Корпорация считала, что христианские демократы ведут борьбу с интеллектом и интеллектуальной элитой [154, с. 3-4]. Следует отметить, что против «Скоринии» выступили и белорусские студенты-социалисты на страницах своего органа «Золак». Так же как и христианские демократы, они считали корпорацию вредной для белорусского национального движения: «корпорация стоит в определённом противоречии с белорусским движением, которое

имеет в себе элементы широкого демократизма» [4, л. 353]. Скоро конфликт вышел за рамки дискуссии в печати – 8 июня 1932 г. корпоранты в помещении ССБ избили студента И. Шутовича, одного из главных своих противников [106, с.18].

Подобные действия и явная полонофильская ориентация «Скоринии» не могли добавить ей авторитета и вели к падению влияния организации. Вскоре наступил и кризис внутри самой корпорации. Он был тесно связан с конфликтом в лагере «белсанации» между А. Луцкевичем и Р. Островским, которого обвинили в финансовых махинациях. Первоначально «Скориния» выступила на стороне Р. Островского [140, с. 71]. Но уже в конце 1933 г. Р. Островский был вынужден отречься от своего «филистерства» в корпорации по «финансово-хозяйственным причинам и из-за обвинений в неэтических поступках» [154, с. 16].

Сразу же обострились финансовые трудности в организации. Кроме того, и сами корпоранты разделились на сторонников Луцкевича и Островского. После того, как «островщики» и «антоновцы» начали исключать друг друга из корпорации университетские власти вынуждены были распустить корпорацию в начале 1934\1935 учебного года [116, с. 11].

После роспуска корпорации наиболее активные её члены продолжили общественную деятельность. Было создано Белорусское Студенческое Товарищество имени Ф. Скорины, проводившее борьбу против ССБ [168, с. 69]. Следует отметить, что его руководитель, А. Мюллер, являлся одновременно инструктором в проправительственной молодёжной организации «Передовая Стража» [98, с. 32]. Бывшие корпоранты К. Глинский и Е. Бартуль вошли в президиум полонофильского Товарищества Белорусского Просвещения [169, с. 649]. Бывшие члены «Скоринии» в декабре 1935 г. предприняли попытку издания в Вильно польскоязычного журнала «Mowią Młodzi» («Говорят молодые»), который имел целью «объективно информировать польское общество о совокупности белорусского вопроса». Сохранился лишь первый (и вероятно единственный) номер журнала [175, с. 320-321]. Следует отметить, что после ликвидации «Скоринии» деятельность «белсанации» проходила вне студенческой среды.

Таким образом, массовой белорусской национальной молодёжной организации в период 30-х годов не существовало. Хотя белорусские национально-демократические группировки, прежде всего БХД-БНО и «Центросоюз», стремились распространить своё влияние на молодое поколение региона. Прежде всего, шла большая издательско-пропагандистская работа. Главную роль в ней сыграл

журнал «Шлях моладзі», стремившийся стать центром белорусского молодёжного движения под эгидой БХД-БНО. Вместе с тем белорусская молодёжная пресса была представлена различными направлениями, от христианско-демократического до социалистического. Также молодёжь играла активную роль в деятельности БИХиК и ТБП. Объектом борьбы за влияния стал и Союз Студентов Белорусов, который в результате этого был приведён к расколу. Можно сделать вывод, что, не смотря на идейное разнообразие, белорусское национально-демократическое молодёжное движение было слабым и разобщённым. Его влияние ограничивалось лишь Вильно и Виленским воеводством. Главной причиной этого была не только непопулярность его программы, но и враждебность польских властей.

4. 3. Еврейские молодёжные организации на территории Западной Беларуси.

На межвоенный период приходится пик общественно-политической активности еврейского населения 2 Речи Посполитой, в том числе и на территории Западной Беларуси. Политическая дифферентация среди еврейского населения была очень высокой. Не считая фракций в рамках различных политических партий и тех партий, которые имели еврейские секции (как, например, КПЗБ), в среде евреев всегда существовали не менее чем 6 – 8 политических партий с конкурирующими программами – крайне левые, реформистские, центристские и вплоть до консервативных ортодоксов и националистов [155, с. 350]. При них существовала широкая сеть профсоюзных, религиозных, культурно-просветительских и, в том числе, молодёжных организаций.

Выше уже говорилось о бундовской молодёжной организации «Цукунфт». «Бунд» (а значит и «Цукунфт») считали себя революционной организацией и отрицали возможность построения еврейского государства в Палестине. Это вызывало противостояние бундовцев по отношению к другим еврейским организациям. Поэтому автор посчитал возможным выделить «Цукунфт» из еврейского молодёжного движения, которое было так или иначе связано с идеями сионизма и создания государства Израиль.

Одной из таких организаций был «Фрайгайт» («Свобода»), полное название – Еврейская Социалистическая Рабочая Молодёжь «Фрайгайт». Этот молодёжный союз был тесно связан с партией Поалей Цион («Рабочие Сиона»). ПЦ пыталась совместить в своей идеологии принципы политического сионизма Т. Герцля с научным социализмом К. Маркса [91, с. 235]. ПЦ пропагандировала создание

особой еврейской экономики и строительство еврейского социалистического государства в Палестине. Ещё в 1920 г. партия раскололась на левую и правую ПЦ. Молодёжным крылом ПЦ (правой) и был «Фрайгайт». Что касается молодёжного филиала ПЦ (левой), «Югенда» («Молодость»), то какого-либо значительного влияния в Западной Беларуси он не имел [91, с.238].

«Фрайгайт» был создан в 1925 г. Это была наименее радикально настроенная еврейская социалистическая молодёжная организация. Она входила в состав всемирного Союза Еврейской Социалистической Молодёжи и через его посредство принадлежала к Социалистическому Интернационалу Молодёжи [163, с. 24].

Опорными пунктами ПЦ, а значит и «Фрайгайта», в Западной Беларуси были Пинск, Брест, Косово и Пружаны [8, л. 101]. В архивных материалах также содержатся сведения о существовании отделений «Фрайгайта» в Новогрудке [8, л. 3], Гродно [27, л. 81], Белостоке [30, л. 143] и Вильно [30, л. 184]. ЦК КСМЗБ сообщал в 1933 г., что во многих местах активизировалась и укрепилась организация сионистов-социалистов – «Фрайгайт» [24, л. 245]. Согласно данным польской историографии, общая численность «Фрайгайта к 1935 г. достигла 20000 человек [163, с. 24].

Идейно близким к «Фрайгайту» был «Хехалуц» («Пионер»). Эта международная сионистская молодёжная организация была создана в России в конце Первой мировой войны. В начале 20-х годов из-за репрессий со стороны Советской власти центр организации был перенесён в Берлин, а затем в Варшаву. В 30-е годы союз стал по настоящему массовым: к 1933 г. его численность достигла 83000 человек. Движение охватило не только Восточную Европу, но даже Кубу, Ирак и Южную Африку. При этом около четверти членов «Хехалуца» приходилось на II РП [70, с. 468-469]. «Хехалуц» действовал и на территории Западной Беларуси. Ячейки союза в 30-е годы существовали в Бресте [18, л. 14], Ружанах [10, л. 87], Новогрудке [11, л. 95], Вильно [11, л. 96], Пинске [22, л. 24] и Белостоке [17, л. 163].

В 1938 г. «Фрайгайт» присоединился к «Хехолуцу» [163, с. 24].

Ещё одной организацией, близкой к «Фрайгайту», был «Хашомер Хацаир» («Юный страж»). Впервые «Хашомер» появился в 1913 г. в Галиции. В Польше он был зарегистрирован в 1918 г. К середине 20-х годов эта организация сблизилась с ПЦ (правая) и приняла социалистическую идеологию. С 1927 г. вместе с ПЦ она входила в состав Лиги Работающей Палестины [163, с. 25].

Основными задачами «Хашомера» были: оздоровление еврейского народа как физически, так и духовно; преодоление его

(народа) ненормальной структуры; возобновление еврейской жизни в Эрец-Исраэль и приобщение еврейской молодёжи к национальным ценностям и физическому труду [59, с. 42].

«Хашомер» опирался на скаутские образцы и имел две возрастные группы: с 12 до 16 лет (цофим – часовые) и с 16 до 20 лет (шомеры – стражи). Следует сказать, что привлечению детей организация уделяла особое внимание. Так в конце 1932 г. только в Вильно в «Хашомер» было принято 250 детей [14, л. 66]. Известно, что первичные ячейки «Хашомера», «гнёзда», существовали во многих городах и местечках Западной Беларуси. Наиболее крупные были в Бресте [18, л. 14], Новогрудке [11, л. 95], Вильно [11, л. 96], Пинске [22, л. 24] и Белостоке [17, л.163].

Говоря об основных формах работы с еврейской молодёжью «Фрайгайта», «Хехолуца» и «Хашомер Хацаира», следует отметить, что они были во многом схожими. Политической деятельности внимания уделялось мало. Как сообщал материал отчёта КПЗБ из Бреста: «сионистские организации в Бресте не ведут никакой политической работы и рабочие элементы вовлекаются в такие организации преимущественно благодаря танцам и другим развлечениям [18, л. 9]. Помимо организации досуга, велась и определённая культурно-просветительская работа – организовывались различного рода кружки, делались доклады и лекции, в основном по истории сионистского движения и Эрец- Исраиля.

Большое внимание уделялось развитию спорта среди еврейской молодёжи. Ещё на пятом сионистском конгрессе было сформулировано понятие «Muskel Judentum» («евреи с мускулами»). Физическая подготовка, которой в еврейских общинах традиционно пренебрегали, являлась частью сионистской компании по нормализации еврейской жизни [70, с. 689]. Для осуществления этой задачи под влиянием сионистских организаций на территории Западной Беларуси действовали спортивные клубы «Хапоэль» и «Маккаби». Многие еврейские юноши и девушки приходили в сионистское движение именно через спортивные секции этих клубов.

Однако главной своей задачей «Фрайгайт» и, в ещё большей степени «Хехолуц» и «Хашомер Хацаир», считали «хахшару» - подготовку к эмиграции и активной жизни в Палестине. В ходе этой подготовки сионистские союзы создавали кибуцы – коллективные сельскохозяйственные поселения. Жизненные условия в этих центрах были подчёркнуто спартанскими и примитивными. Существовал целый культ самопожертвования и обуздания желаний. Все усилия были направлены на создание привычки к тяжёлому физическому

труду. Освоение трудовых навыков происходило за счёт отказа от других аспектов жизни. Нередко в центрах подготовки отсутствовали даже простейшие бытовые удобства, пренебрегали правилами гигиены и культурным развитием. Следует отметить, что многие лидеры сионизма, в том числе и Бен-Гурион, сомневались в эффективности «хахшары» за пределами Палестины, поскольку условия в Европе сильно отличались от условий Палестины [70, с. 469-470].

Тем не менее, движение по созданию кибуцев приобрело широкий размах во 2 РП, в том числе и на территории западно-белорусского региона. Практически везде, где существовали отделения «Хехолуца» и «Хашомера» предпринимались попытки организовать коллективные поселения еврейской молодёжи. Например, в Пинске в 1934 г. существовало 2 кибуца, объединявшие соответственно 150 и 200 человек [21, л. 24].

В условиях Западной Беларуси кибуцы часто сравнивали с лагерями труда, которые создавались проправительственными молодёжными союзами. Показательно, что помимо подготовки к эмиграции в Палестину, члены кибуцев активно использовались в качестве штрейкбрехеров во время подавления забастовочного движения. В этом отношении характерен отчет КПЗБ за 1930 г., полученный с Полесья. В марте 1930 г., сообщает он, вспыхнула забастовка на лесопильном заводе в Домбровце. Почти все рабочие были уволены, а вместо них на работу были приняты 180 «халуцимов». Причём работали они за 1, 30 – 2, 50 злотых в день, тогда как рабочие ранее получали 3, 50 злотых. Этот же отчёт сообщает и о других подобных случаях. Очень тяжёлая ситуация для рабочих карьеров сложилась из-за существования поблизости кибуцев: «Своим существованием они мешают рабочим Рониковского карьера сделать какое бы то ни было выступление… В то время, когда все рабочие каменного производства в Клесове (около 1000 рабочих на 3 карьерах) страдают от того, что не выплачивают жалование, что привело, между прочим, к забастовке, «кибуцы» ничего знать не хотят, помогая ещё предпринимателям в фашистском союзике, и получают за это в «кредит» (в действительности же причитаются деньги) хлеб и кашу» [6, л. 124]. В отчёте КСМЗБ из Пинска за 1934 г. говорилось о местных кибуцах : « где только есть работа, там появляются, работают за половину» [11, л. 24]. Такая ситуация крайне затрудняла борьбу кадровых рабочих за свои права. Поэтому коммунисты и оценивали «Хехолуц» как «организацию организованного штрейкбрехерства, особенно на территории Западной Беларуси» [8, л. 36].

Одновременно, из-за тяжёлых условий работы, к которым еврейская молодёжь была не привычна, и из-за низкой оплаты (или её отсутствия) в кибуцах, сионистские поселения распадались, хотя их руководство стремилось всяческими путями их сохранить. В вышеупомянутом отчёте КПЗБ с Полесья сообщалось: « Столин был облагодетельствован кибуцем, но особого счастья не имел. Сломив забастовку на Горинской лесопильне, члены разбежались, оставив долг в 1000 злотых. И в Домбровице халуцы хотят разбежаться, да не имеют денег на проезд. Условия у них плохие, квартиры тесны, но руководство удерживает их. Они опасаются, что их кибуц обанкротится. Поэтому они всё делают. Льстят предпринимателям, становятся штрейкбрехерами и т.д. И всё это делается во имя палестинского идеала» [6, л. 124].

Ещё одной массовой сионистской молодёжной организацией был «Бейтар». Этот союз находился под контролем сионистов-ревизионистов Владимира (Зеева) Жаботинского, группы образовавшейся после раскола на сионистском конгрессе в 1931 г. В отличие от ранее упоминавшихся организаций, ревизионисты и «Бейтар» исповедовали «неразбавленный» сионизм, отрицая элементы социалистической идеологии. Целью Жаботинского стало «привлечение максимального количества евреев в кратчайший период времени в Палестину» и немедленное создание государства Израиль [55, с. 504]. Большое значение для этого имела, по мнению Жаботинского «милитаризация еврейской молодёжи в Эрец-Исраиле и в диаспоре» [70, с. 504].

Именно для этого и возник «Бейтар». Он зародился в Риге, но вскоре распространился по всей Восточной Европе. Главные же силы организации были сосредоточены во 2 РП, где её лидером стал уроженец Бреста М. Бегин [55, с. 504]. Что касается Западной Беларуси, то наибольшее влияние ревизионисты имели в Вильно, Белостоке, Бресте и Сувалках [8, л. 92]. Существовали ячейки «Бейтара» и в других городах и местечках региона. Следует обратить внимание на то, что в основном в «Бейтар» шла учащаяся молодёжь, хотя присутствовали и молодые рабочие, видевшие в эмиграции в Палестину выход из того тяжёлого положения, в котором они оказались в результате экономического кризиса [8, л. 92].

Подобно другим сионистским молодёжным объединениям, «Бейтар» готовил своих членов к жизни в Эрец-Исраиле. Большое значение уделялось изучению Палестины и иврита. Также «Бейтар» имел и свои кибуцы. Характерно, что на почве конкуренции и борьбы за сферы влияния часто происходили стычки между членами кибуцев

сионистов-социалистов и ревизионистов [91, с. 244].

От других еврейских молодёжных организаций «Бейтар» отличался своей тенденцией к использованию военной атрибутики. Характерными особенностями союза были униформа, торжественные парады, военная организация и дисциплина, а также обучение владению оружием. Вожди ревизионистов считали, что без систематического развития определённых сугубо мужских качеств, которых евреи долгое время были лишены, задача национального возрождения неосуществима. Военная подготовка, культ вождя и не прикрытая милитаристская идеология «Бейтара» придавали этой организации определённое сходство с молодёжными праворадикальными движениями фашистского толка 20-30 –х годов. За это «Бейтар» часто и небезосновательно подвергали критике [70, с. 514-515].

Что касается военной подготовки «Бейтара» на территории Западной Беларуси, то она осуществлялась при непосредственном участии представителей польской армии. Так, военным инструктором «Бейтара» в Белостоке был офицер местного 42 полка Войска Польского [17, л. 163]. Кроме того, интересно, что отряды «Бейтара» и «Хашомера» участвовали совместно с формированиями «Стрельца» в торжественных парадах в дни государственных праздников в городах и местечках Западной Беларуси [10, л. 87]. Во многом такая снисходительная позиция польских властей по отношению к молодым сионистам объясняется тем, что правящие круги 2 РП поддерживали планы Жаботинского, которые могли бы избавить страну от «лишних» евреев.

Организации, проводившие подготовку к эмиграции в Палестину, были не единственными в еврейском молодёжном движении. Так, например, большую работу по религиозному воспитанию молодого поколения вела ортодоксальная организация «Цеирей Эмуней Исраэль» («Молодёжь верных израильтян») [96, с. 63].

Большое количество различного рода организаций студентов-евреев существовало в Виленском университете. Это объяснялось, во-первых, достаточно большим процентом евреев в вузе – если в среднем в вузах 2 РП училось 14, 8 % студентов иудейского вероисповедания, то в Вильно их насчитывалось – 23, 8 % [156, с. 12]. Во-вторых, благодаря господству в вузах польских националистов из «Всепольской Молодёжи», евреи были вытеснены из общестуденческих организаций и были вынуждены самоорганизовываться. Таким образом, на конец 30-х годов в университете существовали: научные кружки студентов-евреев правоведов, биологов, химиков, агрономов, медиков, фармацевтов, гуманитариев. Идейно-воспитательные

организации были представлены сионистскими союзами «Кадимах» и «Эрец Удрор» («Земля и Свобода»). Кроме того, существовали Еврейский студенческий спортивный клуб и Объединение Взаимной Помощи Студентов Евреев (Stowaryszenie Wzajemnej Pomocy Studentow Zydow U.S.B.) [161, с. 51-54]. Наиболее влиятельной была последняя организация, аналог «Братской Помощи» студентов-поляков. Господствующее положение в ней занимали сионисты. В отличие от БП, где эндекам существовала достаточно серьёзная оппозиция, сионисты пользовались безраздельным господством. Это вело к многочисленным злоупотреблениям руководства организации. Архивные материалы сообщают о многочисленных злоупотреблениях «верхушки» объединения. Так, один из руководителей организации занимался хищениями денег из кассы взаимопомощи и отдавал их в рост под проценты, другой – принуждал к сожительству работниц студенческой столовой и т.д. [13, л. 59]. Борьбу против сионистов пытался вести «Функ», но , в отличие от «группы Дембинского» в БП, эта борьба была неудачной.

Переходя к подведению итогов, следует отметить, что еврейское молодёжное движение приобрело достаточно широкий размах и стало наиболее значительным среди молодёжных национальных движений 2 РП. Оно было представлено целым рядом юношеских союзов и объединений, действовавших в рамках сионистской доктрины. Основная масса этих организаций ставила перед собой цель подготовить кадры для будущей колонизации Палестины и создания там еврейского государства. В Западной Беларуси действовали как левые сионисты («Фрайгайт», «Хехолуц», «Хашомер»), так и крайне правые ревизионисты из «Бейтара». Наиболее распространенной формой их деятельности стало кибуцное движение. Однако оно носило достаточно противоречивый характер, поскольку часто польские власти совместно с предпринимателями использовали энтузиазм еврейской молодёжи в борьбе с рабочим движением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Анализ фактического материала о развитии и деятельности молодёжных организаций на территории Западной Беларуси в предвоенное десятилетие позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, на территории Западной Беларуси к началу 30-х годов идейно и организационно оформились и вели деятельность ряд молодёжных союзов и организаций. Они представляли фактически весь политический спектр межвоенной Речи Посполитой и чаще всего были молодёжным резервом политических партий и группировок – проправительственных, левых, демократических, клерикальных и национально-демократических.

Во-вторых, правящие круги II РП активно стремились распространить своё влияние на молодое поколение Западной Беларуси. В рамках молодёжной политики была разработана чёткая программа, включавшая в себя военную подготовку, «гражданское воспитание» в верноподданническом и полонизаторском духе, профессиональное и культурно-образовательное обучение. Главной задачей всех этих мероприятий было поставить под полный контроль все стороны жизни молодёжи, сделать её опорой правящего режима. Самыми массовыми и влиятельными организациями проправительственной ориентации стали Стрелецкий Союз и Союз Сельской Молодёжи «Сев». Под их влиянием находилось большое количество молодёжи, прежде всего в сельской местности. Главными направлениями их деятельности были реализация правительственной программы военной подготовки молодёжи, гражданское воспитание в духе полонизации, профессиональное обучение и помощь в трудоустройстве, организация культурно-массовой работы. Во всех своих начинаниях они пользовались безусловной поддержкой со стороны польской администрации западно-белорусского региона. Кроме того, наиболее подготовленные отряды этих союзов могли привлекаться к поддержанию общественного порядка, борьбе с революционным движением. Вместе с тем среди рядовых членов этих организаций распространялись и оппозиционные настроения, как под влиянием агитации КСМЗБ, так и под воздействием тяжёлых последствий экономического кризиса. Что касается влияния санации вне деревни, то тут успехи были достаточно скромными. Например, студенческие организации Легион Молодых и СПДМ на протяжении 30-х годов не смогли играть ведущую роль в университете.

В-третьих, достаточно широко были представлены в регионе молодёжные союзы и организации левой и демократической ориентации. На революционных позициях стоял Коммунистический Союз Молодёжи Западной Беларуси. Комсомол выступал за революционное переустройство общества, построение социализма, за самоопределение Западной Беларуси.

Наибольшим влиянием КСМЗБ пользовался среди белорусской крестьянской молодёжи. Комсомольцы активно участвовали в социально-экономической и политической борьбе населения региона. Другие левые и демократические организации - МО ТУР, «Цукунфт», ССМ «Вици», стояли первоначально на реформистских позициях и большее внимание уделяли культурно-просветительской работе. Но стечением времени происходили процессы радикализации и эти организации активно включались в борьбу за права молодого поколения. В целом демократическое движение молодёжи было ослаблено как внутренней борьбой, так и репрессиями со стороны властей. Тем не менее, в середине 30-х годов была предпринята попытка объединения и создания единого фронта молодого поколения, которая, однако, не удалась по ряду причин. Одной из этих причин стал и роспуск КСМЗБ по приказу руководства Коминтерна в 1938 г.

Говоря о демократическом молодёжном движении, отдельно следует выделить деятельность студенческой организации «Фронт». Публицистическая деятельность членов этой организации высоко оценивается не только в истории Западной Беларуси, но и всей довоенной Польши. Особенно если учесть, что большинство польского студенчества и интеллигенции стояло на правых консервативных, крайне националистических позициях.

В-четвёртых, большая работа велась среди молодёжи костёлом. Под его руководством в рамках инициируемой Ватиканом «Католической Акции» в деревнях была создана широкая сеть Союзов Польской Молодёжи. Деятельность этой организации на территории Западной Беларуси мало чем отличалась от деятельности Стрельца или ССМ «Сев». Она включала военную подготовку, профессиональное обучение, полонизацию молодого поколения. Несколько клерикальных организаций существовало и в виленском университете. Но добиться большого влияния в студенческой среде клерикалы не смогли. Среди молодых католиков произошёл раскол, и часть из них перешла на демократические или даже прокоммунистические позиции.

В-пятых, белорусское национально-демократическое молодёжное движение развивалось в достаточно сложных условиях. На протяжении всех 30-х годов оно не приобрело массового характера, и из-за позиции польских властей даже не было организационно оформлено. Своеобразным его центром стремился стать журнал «Шлях моладзі», который вёл большую культурно-просветительскую и общественно-публицистическую деятельность. Немногочисленное белорусское студенчество было организовано в ССБ. Но эта организация из-за противоречий в среде национал-демократов оказалась на грани раскола. Можно отметить, что влияние этого сегмента молодёжного движения ограничивалось лишь Вильно и Виленщиной, а молодые белорусские национал-демократы находились на периферии общественно-политической жизни региона. Этому был целый ряд причин – непопулярность

программы, враждебность со стороны властей, материальные трудности, конкуренция со стороны других союзов и организаций, внутренние противоречия .

В-шестых, в Западной Беларуси большое распространение среди еврейской молодёжи получили сионисты. Сионистское движение было представлено целым рядом союзов – «Фрайгайтом», «Хехолуцем», «Хашомером», «Бейтаром». Идеология этих организаций по разному трактовала положения сионистской доктрины, что часто вело к противостоянию между ними. Но главной своей задачей все они считали подготовку молодёжи к колонизации Палестины. Именно поэтому в Западной Беларуси большое распространение приобрело кибуцное движение. Причём следует отметить, что очень часто кибуцы не только готовили будущих поселенцев, но и использовались в качестве средства борьбы против забастовок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 114.
2.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 116.
3.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 218.
4.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 227.
5.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 242.
6.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 258.
7. НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 261.
8.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 299.
9. НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 305.
10.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 307.
11.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 374.
12.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 401.
13.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 428.
14.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 429.
15.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 430.
16.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 435.
17.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 445.
18.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 446.
19.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 448.
20.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 449.
21. НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 452.
22.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 455.
23.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 463.
24.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 465.
25.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 470.
26.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 472.
27.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 475.

28.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 482.
29.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 483.
30.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 484.
31.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 502.
32.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 503.
33.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 506.
34.НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 509.
35. НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 572.
36.Анісаў С. З гісторыі камсамольскага падполля Заходняй Беларусі. – Мінск: Дзяржвыдат БССР, 1958. – 68 с.
37.Анісаў С. Крутымі шляхамі. Запіскі камсамольскага работніка-падпольшчыка. – Мінск: Дзяржвыдат БССР, 1960. – 185 с.
38. Бадюкова Т. А. Декларация прав молодого поколения Польши // Вопросы истории. Выпуск 10. – Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1983. – 168-172 с.
39.Бадюкова Т. А. Эволюция общественно-политических взглядов С. Дюбуа. // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя у Рэспубліцы Беларусь. Ч. 2. - Мінск: «Універсытэцкае», 1995. - 168-172 с.
40.Беларуская ССР. Кароткая энцыклапедыя. Т. 1. – Мінск: «Беларусь», 1978. – 752 с.
41.Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 1. – Мінск: БелЭн, 1996. – 547с.
42.Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 2. – Мінск: БелЭн, 1996. – 477с.
43.Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 3. – Мінск: БелЭн, 1996. – 478с.
44.Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 10.–Мінск: БелЭн, 2000.– 542с.
45.Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 15.–Мінск: БелЭн, 2002.– 550с.
46.Беларускія рэлігійныя дзеячы XX стагоддзя. Жыццярысы. Мартыралогія. Успаміны. - Мінск-Мюнхен: «Беларускі кнігазбор», 1999. - 720с.
47.В авангарде революционной борьбы: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 50-летию КПЗБ и КСМЗБ 29 ноября 1973 г. – Минск: «Беларусь», 1974. – 143 с.
48.Ваупшасов С. А. На тревожных перекрёстках. Записки чекиста. – Минск: «Политиздат», 1988. – 507 с.
49.Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920 – 1939): Сб. воспоминаний / Под. ред. И.Каросаса, Б.Клейна, Р. Марлюкавичюса, А. Олькина, Р.Шармайтиса. – Вильнюс: «Vaga», 1966. – 397 с.
50.Герасімчык М. "Стралец" - вораг рабочай і сялянскай моладзі. - Вільня, 1934. – 46 с.
51.Гісторыя Беларусі. Т. 2. - Мінск: «Універсытэцкае», 1998. – 471 с.

52.Годы испытаний и мужества. – Минск: «Беларусь», 1973. – 415 с.
53.Григулевич И. Р. Папство. Век XX. – М.: «Политиздат», 1981. – 532 с.
54. Грыбоўскі Ю. Заходняя Беларусь у вайскова - стратэгічных планах Польшчы (1921 - 1939). // Юзэф Пілсудскі у гісторыі Польшчы і Беларусі. Матэрыялы міжнароднага беларуска-польскага семінару. 5 - 6 красавіка 2002 г. - Мінск: «Універсытэцкае», 2002. С. 76 – 82.
55.Джонсон П. Популярная история евреев. - М.: «Феникс», 2000. - 672 с.
56.Золак. Орган маладой беларускай сацыялістычнай думкі. - 1933. - № 2. – 21 с.
57.Золак. Орган маладой беларускай сацыялістычнай думкі. - 1933. - № 3. – 16 с.
58.Информационный бюллетень комиссии по изучению Западной Белоруссии при Бел АН. – 1936. - № 1(34). – 36 с.
59.Иоффе Э. Деятельность организации «Хашомер Хацаир» в Беларуси (1924-1926) и создание кибуца в Палестине. // Форум. Інфармацыйна-культурны бюлетэнь. - 1996. - № 4. - С. 41-45.
60.Ковальский Н. А. Международные католические организации. - М.: Издательство ИМО, 1962. – 111 с.
61.Кривуть В.И. Освещение молодёжного движения Западной Беларуси в польской историографии. // Актуальныя пытанні сучаснай навукі (да 80-годдзя БДПУ). Частка 1: Зб. навук. арт./ Пад рэд. В.Д. Старычонка, А.А. Кавалені, П.А. Міхайлава, А.П. Лабанава, М.Д. Лісава, А.Ф. Рацько, І.В. Зыгманавай. – Мінск: БДПУ, 2002. - С. 43-45.
62.Кривуть В.И. Деятельность Союза Сельской Молодёжи на территории Западной Беларуси в 30-е годы XX века. // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: Матэрыялы Рэсп. Навук.-практ. канф., Мінск, 25 кастрычніка 2002 г./ Рэдкал.: У.В. Тугай (гал.рэд.) і інш. – Мінск: БДПУ, 2002. - С. 136-139.
63.Кривуть В.И. Молодёжная военизированная организация «Стрелец» на территории Западной Беларуси в 30-е годы XX века. // Гістарычнае пазнанне – важнейшая умова фарміравання светапогляду настаўнікаў XXI стагоддзя: Матэрыялы Рэсп. навук.-тэарыт. канф., Мінск, 6 снежня 2002 г./ Пад. рэд. А.А.Кавалені, А.Ф.Касовіча. – Мінск: БДПУ, 2003. - С. 105-110.
64.Кривуть В.И. Студенческие организации виленского университета в 30-е годы XX века (историография проблемы). // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф. Мінск, 28 лістапада 2003 г. У 3-х частках. Частка 2./ Рэдкал.: У.В. Тугай (гал.рэд.) і інш. – Мінск: БДПУ, 2003. - С. 444-447.
65.Кривуть В. И. Деятельность студенческой корпорации “Скориния” в Виленском университете в 1931-1934 гг.// Актуальныя пытанні сучаснай навукі. Частка 1: Зб. навук. арт./ Пад рэд. В.Д. Старычонка, А.А. Кавалені, П.А. Міхайлава, А.П. Лабанава, М.Д. Лісава, А.Ф. Рацько, І.В. Зыгманавай. – Мінск: БДПУ, 2004. – С. 62-65.

66.Крывуць В. І. Удзел Войска Польскага ў рэалізацыі ўрадавай маладзёжнай палітыкі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 30-я гг. XX ст.// Весці БДПУ. Серыя 2. – 2004. - №2. – С. 35 – 38.
67.Крывуць В. І. Дзейнасць студэнцкай арганізацыі "Братняя Дапамога" Віленскага ўніверсытэта імя С. Баторыя ў 30-я гг. XX ст.// Весці БДПУ. Серыя 2. – 2004. - №3. – С. 13 – 15.
68. Крывуць В. І. Палітычныя плыні ў асяроддзі студэнтаў Віленскага універсытэта імя С. Баторыя ў 30-я гады XX ст. // Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследвання: Зб. навук. арт./ Рэдкал.: М.М. Забаўскі, А.А. Каваленя, Т.А. Космач, А.М. Люты, У.В. Тугай. – Мінск: БДПУ, 2004. – С. 203 – 207.
69.Ладысеў У. Насуперак волі народа. З гісторыі палітычнага банкруцтва беларускіх нацыяналістычных партый І арганізацый у Заходняй Беларусі (1934 – 1939). – Мінск: Бібліятэка газеты «Голас Радзімы», 1976. – 78 с.
70.Лакер В. История сионизма. - М.: Крон-пресс, 2000. – 846 с.
71.Ласкович В. П., Ласкович В. В. Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) 1919 – 1939. Исторический очерк. – Брест, 2002. – 401 с.
72.Лозка А. Беларускі скаутынг. – Мінск: «Полымя», 1997. – 187 с.
73.Лугачёва Т. А. Международная организация помощи революционерам (МОПР) в Западной Белоруссии. – Гродно: Гродн. Гос. Ун-т им. Я. Купалы, 2001. – 114 с.
74.Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. – М.: АСТ Олимп, 1998. – 475 с.
75.Малецкі Я. Пад знакам «Пагоні». Успаміны. – Таронта, 1976. – 198 с.
76.Мараш Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918 – 1939). – Минск: «Беларусь», 1983. – 96 с.
77.Мацко А. Н. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма (1933 – 1939). – Минск: Изд-во Академии Наук БССР, 1963. – 206 с.
78.Молодёжь в борьбе за единый фронт. Материалы VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала Молодёжи. - М. 1938. – 168 с.
79.Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сяньня. Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. – Мінск: «Навука і тэхніка», 1993. - 414 с.
80.Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. – Мінск: «Беларусь», 1995. – 359 с.
81.Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии. – Минск: «Беларусь», 1975. – 536 с.
82.Очерки истории российской внешней разведки. Т.3. - М.: «Международные отношения», 1997. – 494 с.
83.Очерки истории российской внешней разведки. Т.4. - М.: «Международные отношения», 1999. – 694 с.

84.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Бераставіцкага раёна. –Мінск: БЕЛТА, 1999. – 623 с.
85.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Валожынскага раёна. –Мінск: «Мастацкая літаратура», 1996. – 452 с.
86.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Гродненскага раёна. – Мінск: Бел Эн, 1993. – 431 с.
87.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Лунінецкага раёна. – Мінск: «Беларусь», 1995. – 717 с.
88.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Мастоўскага раёна. – Мінск: ПК «Паліграфафарм», 2002. – 592 с.
89.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Навагрудскага раёна. – Мінск: «Беларусь», 1996. – 558 с.
90.Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Нясвіжскага раёна. – Мінск: Бел Эн, 2001. – 628 с.
91. Политические партии Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины. – Минск: Издательство АН БССР, 1935. – 335 с.
92.Полуян В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927 – 1939). – Минск: Госиздат БССР, 1978. – 359 с.
93.Польша. Часть 1. Северо-восточный участок. - М.: Воениздат, 1936. – 223 с.
94.Прохоров Д., Колпакиди Д. Всё о внешней разведке. - М.: Эксмо, 2002. – 382 с.
95.Революционный авангард трудящейся молодёжи Западной Белоруссии (1927 – 1939). Документы и материалы: Сб./ Сост. М.А.Бобер, Е.И. Купревич, Т.Д. Либеровская, А.Н. Плешевня, Н.А. Таболина, Л.Н. Яшенко; Под. ред. В.Н. Жигалова, Н.С. Аренхво. – Минск: Издательство БГУ, 1978. – 327 с.
96.Свирид А. Еврейская ортодоксальная партия «Агудат Исраэль» в социально-политическом движении Западной Беларуси. // Евреи Беларуси. История и культура. Сборник статей. – Минск, 1997. - С. 60-64.
97.Солидарность народов с Испанской республикой. 1936 – 1939. - М.: «Наука», 1972. – 368 с.
98.Студэнцкая Думка. - 1935. - № 1 (15). – 32 с.
99.У суровыя гады падполля: Зб. Успамінаў / Склад. М.С. Арэхва, А.Т. Нятылькін, П.С. Пышкін; Пад. рэд. М.М. Мяшкова. – Мінск: Дзяржвыдат БССР, 1958. – 361 с.
100.Хонігсман Я. С. Братская помощь трудящихся Западной Украины испанскому народу в борьбе с фашизмом (1936 – 1939). – Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1989. – 206 с.
101.Шамбаров В. Государство и революции. - М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 608 с.
102.Шлях моладзі. - 1930. - № 3 (13). – 21 с.
103.Шлях моладзі. - 1930. - № 5 (15). – 21 с.

104.Шлях моладзі. - 1932. - № 3 (38). – 18 с.
105.Шлях моладзі. - 1932. - № 4 (39). – 18 с.
106.Шлях моладзі. - 1932. - № 6 (41). – 18 с.
107.Шлях моладзі. - 1933. - № 1 (48). – 18 с.
108.Шлях моладзі. - 1933. - № 3 (50). – 18 с.
109.Шлях моладзі. - 1933. - № 10 (57). – 18 с.
110.Шлях моладзі. - 1933. - № 12 (59). – 18 с.
111.Шлях моладзі. - 1934. - № 1 (61). – 18 с.
112.Шлях моладзі. - 1934. - № 2 (62). – 26 с.
113.Шлях моладзі. - 1934. - № 3 (63). – 26 с.
114.Шлях моладзі. - 1934. - № 4 (64). – 26 с.
115. Шлях моладзі. - 1934. - № 6 (66). – 26 с.
116.Шлях моладзі. - 1934. - № 7-8 (67- 68). – 26 с.
117. Шлях моладзі. - 1934. - № 9 (69). – 18 с.
118. Шлях моладзі. - 1934. - № 10 (70). – 18 с.
119. Шлях моладзі. - 1934. - № 13 (73). – 18 с.
120.Шлях моладзі. - 1935. - № 6 (79). – 26 с.
121.Шлях моладзі. - 1935. - № 7 (80). – 26 с.
122.Шлях моладзі. - 1935. - № 11 (84). – 26 с.
123.Шлях моладзі. - 1937. - № 8 (107). – 26 с.
124.Шлях моладзі. - 1937. - № 10 (109). – 26 с.
125.Шлях моладзі. - 1938. - № 10 (126). – 26 с.
126.Шлях моладзі. - 1938. - № 11 (127). – 26 с.
127.Шлях моладзі. - 1939. - № 6 (148). – 26 с.
128.Шлях моладзі. - 1939. - № 15 (157). – 26 с.
129.Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. – Мінск: Бел Эн, 1996. – 523 с.
130. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. – Мінск: Бел Эн, 1997. – 431 с.
131. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6 , Ч. 1. – Мінск: Бел Эн, 2001.– 591с.
132.Якутов В. Д. Сергей Притыцкий: страницы биографии. – Минск: «Беларусь», 1991. – 173 с.
133.Ajnenkiel A. Konstitytucje II Rzeczypospolitej. // Polska Niepodległa 1918 – 1939. – Warszawa: Ossolineum, 1984. - S. 128 – 137.
134.Ajzner S. Z dziejów polskich oddziałów ochotniczych w Hispanii. // Z pola walki. - 1958. - № 3. - S. 3 – 28.
135.Bełaruskaja Krynica. - 1933. - № 7 (506).
136.Bender R. Kościoł katolicki w Polsce odrodzonej wobec problemów narodowych i spolecznych (1919-1939). // Zycie polityczne w Polsce 1918 - 1939. - Warszawa: Ossolineum, 1985. - S. 309-342.
137. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewodskiego Zwiajzku Młodziezy Wiejskiej. - Brześć nad Bugiem, 1930. – 23 s.
138.Choruży W. Dr. Mikołaj Czarniecki (1899 – 1944). // Białoruskie Zeszyty Historyczne. - Białystok. - 1998. - № 9. - S. 107 – 119.
139.Drozdlowski M. Bezrobocie w Polsce w latach 1925 – 1936. // Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914 – 1939. T. IV. - 1961. - S. 211-

238.
140.Gomołka K. Białoruskie partie i organizacje propządowe w II Rzeczypospolitej. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. - Białystok. - 1999. - № 7. - S. 63 - 74.
141.Gorska G. Dzieje wilenskiej lewicy. Od „Zagarow" do „Poprostu". // Kwartalnik historii prasy polskiej. Rocznik XVIII. - 1978. - № 3. - S. 45 - 61 .
142. Filipajtis E. Lewica Akademicka w Wilnie. – Białystok: Tow-wo Naukowe, 1965. – 71 s.
143. Hillerbrandt B. Ruch młodzieżowy w II Rzeczypospolitej. //Zycie polityzczne w Polsce 1918 - 1939. – Warszawa: Ossolineum, 1985. – S. 87-101.
144. Hillerbrandt B. Polskie organizacje młodzieżowe w XIX i XX wieku: zarys historii. – Warszawa: MAW, 1986. – 479 s.
145. Kęsik J. Narod pod bronią. Społeczenstwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918-1939. – Wroclaw, 1998. – 320 s.
146.Klonowski R. Towarzystwo Uniwersitety Robotniczego. – Warszawa: Ossolineum, 1980. – 231 s.
147.Kłoczowski J., Mullerowa L., Skarbek J. Zarys dziejow kościoła katolickiego w Polsce. – Kraków – Katowice: Księg. Sw. Jacka, 1986. - 468 s.
148.Kulesza W. Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926 – 1935. – Warszawa: Ossolineum, 1985. - 311 s.
149. Mauersberg S. Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce 1918 - 1939. – Warszawa: Ossolineum, 1968. – 230 s.
150. Młodzież siaga po pracę. – Warszawa, 1938. – 220 s.
151. Nowa enciklopedia powszechna PWN. Tom 5. – Warszawa: Wydaw. Nauk. PWN, 1996. – 1005 s.
152.Nowaja Varta. - 1931. - № 1. – 33 s.
153.Nowaja Varta. - 1932. - № 2. – 33 s.
154.Nowaja Varta. - 1934. - № 3. – 18 s.
155.Paczkowski A. Prasa polska w latach 1918–1939. – Warszawa: PWN, 1980. - 534 s.
156. Pilch A. Studencki ruch polityczny w Polsce 1932-1939. - Warszawa –Kraków: PWN, 1972. – 179 s.
157. Pilch A. Prasa studencka w Polsce 1918 - 1939. Zarys historyczny. Bibliografia. – Kraków: PWN, 1990. – 170 s.
158. Program dla grup wiekowo-wyszkoleniowych w oddziałach i pododdziałach Związku Strzeleckiego w zakresie wychowania obywatelskiego. - Brześć nad Bugiem, 1937. – 45s.
159. Pruszkowski A. Przewodnik społeczny. – Warszawa, 1934. – 292 s.
160. Rocznik polityczny i gospodarczy. 1935. – Warszawa: Druk. Panstwowa, 1935. – 1016 s.
161.Rocznik uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie 1937 – 1938. – Wilno, 1938. – 62 s.
162.Selimowski T. Polskie legalne storonnictwa polityczne. Zarys popularny. – Warszawa: Nakl. aut. , 1934. – 115 s.

163. Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce 1918-1970. – Warszawa: „Iskry", 1971. – 191 s.
164. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1929. - Brześć nad Bugiem, 1930. – 63 s.
165. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1930. - Brześć nad Bugiem, 1931. – 22 s.
166. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej zarok 1931 - 1932. - Brześć nad Bugiem, 1933. – 16 s.
167. Sprawozdanie Poleskiego Wojewodzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1933 - 1934. - Brześć nad Bugiem, 1935. – 16 s.
168.Sprawy narodowościowe. Rocznik IX. - 1935. - № 1-2. – 200 s.
169.Sprawy narodowościowe. Rocznik IX. – 1935. - № 6. – 120 s.
170. Statut Organizacji Pracy Obywatelskiej Młodzieży „Straż Przednia". - Warszawa, 1932. – 20 s.
171. Stawecki P. Niekotore aspekty udzialu wojska w życiu politycznym w Polsce w latach 1935 - 1939. // Dzieje Najnowsze. - 1969. - № 1. – S. 63 - 71.
172.Tomaszewski J. Białoruska Chreścijańska Demokracja. Uwagi o kryteriach ocen. // Studia polsko-litewsko-białoruskie. Prace Białostockiego towarystwa Naukowego. – 1988. - № 31. - S. 157 – 178.
173.Toruńczyk R. O składzie osobowym polskich ochotników w Hispanii Republikańskiej 1936 – 1939. // Z pola walki. - 1965. - № 1 (29). - S. 183 - 187.
174.Toruńczyk R. Komunistyczny Związek Młodzieży Polski a VI Swiatowy Kongress KMM. // Z pola walki. - 1965. - № 3 (31). - S. 47 - 66 .
175.Traczuk J. Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej (1919 – 1939). // Acta litteraria . - 1992. – Rocznik XIII. - S. 185 – 343.
176. Wapiński R. Miejsce narodowej demokracji w życiu politycznym II Rzeczypospolitej. // Dzieje Najnowsze. - 1969. - № 1. – S. 47- 62.
177.Zamborski R. Polska delegacja na VI Swiatowym Kongresie KMM. // Z pola walki. - 1958. - № 4. - S. 202 - 217.
178.Zarys dziejow wojskowosci polskiej w latach 1864-1939. – Warszawa: Wydaw. Min. obrony nar. , 1990. – 960 s.
179.Zew. - 1934. - № 1. – 16 s.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.

БИХ и К – Белорусский Институт Хозяйства и Культуры.
БНО – Белорусское Национальное Объединение.
БП - Братская Помощь.
БХД – Белорусская Христианская Демократия.
ВМ – Всепольская Молодёжь.
ДМ – Державная Мысль.
КИМ – Коммунистический Интернационал Молодёжи.
КПЗБ – Коммунистическая партия Западной Беларуси.
КПП – Коммунистическая партия Польши.
КСМЗБ – Коммунистический Союз Молодёжи Западной Беларуси.
КСМП – Коммунистический Союз Молодёжи Польши.
ЛМ – Легион Молодых.
МО ТУР – Молодёжная Организация Товарищества Рабочего Университета.
ОБСО – Объединение Белорусских Студенческих Организаций.
ОКАМ – Объединение Католической Академической Молодёжи.
ОПМ – Объединение Польской Молодёжи.
ОТМ – Объединение Трудящейся Молодёжи.
ПАМЛ – Польская Академическая Молодёжь Людова.
ППС – Польская Социалистическая партия.
ПЦ – Поалей Цион.
РП – Речь Посполитая.
СЛ – Сторонництво Людове.
СН – Сторонництво Народове.
ССБ – Союз Студентов Белорусов.
ССМ «Вици» - Союз Сельской Молодёжи «Вици».
ССМ «Сев»-СМД – Союз Сельской Молодёжи «Сев»-Союз Молодой Деревни.
СНСМ – Союз Независимой Социалистической Молодёжи.
СП – Страж Передняя.
СПДМ – Союз Польской Демократической Молодёжи.
ССЛ – Союз Студенческой Левицы.
ТБШ – Товарищество Белорусской Школы.
ТБП – Товарищество Белорусского Просвещения.
УСБ – Университет имени Стефана Батория.
ЦОМ ППС – Центральный Отдел Молодёжи ППС.
ЦССМ – Центральный Союз Сельской Молодёжи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Политические партии и группировки 2 РП и связанные с ними ведущие молодёжные организации (Западная Беларусь, 30-е гг. XX в.).

Политические группировки	Молодёжные организации	Детские организации	Спортивные организации	Студенческие организации
Польские националисты («эндеки», СН)	Секции Молодых СН *	–-	«Сокол»*	Всепольская Молодёжь, БП, корпорации
Клерикалы	ОПМ	–-	**	«Возрождение»
«Санация»	«Стрелец», ССМ «Сев»-СМД, ОТМ	Союз Польского Харцерства, СП	**	СПДМ, ЛМ, ДМ
ППС	МО ТУР	Красное Харцерство ТУР	**	СНСМ
Бунд	«Цукунфт»	«Скиф»	«Моргеншстерн»	–-
КПЗБ	КСМЗБ	«Пионер»	–-	ССЛ «Фронт»
СЛ	ССМ «Вици»	–-	**	ПАМЛ
БХД-БНО	–-	Скауты в Виленской гимназии	–-	ССБ
Сионисты (ПЦ)	«Фрайгайт»	«Хашомер Хацаир», «Хехалуц»	«Крафт», «Хапоэль»	«Кадимах», «Эрец Удрор»
Сионисты-ревизионисты	«Бейтар»	–-	**	Корпорации «Иордания» и «Хасмонея»

* - в Западной Беларуси представлены слабо.

** - спортивная работа велась в рамках деятельности молодёжных организаций.

Приложение 2.

Устав Полесского Воеводского Союза Сельской Молодёжи «Сев».

I. Название, цель, территория деятельности и усадьба Союза.

1. Союз носит название Полесский Воеводский Союз Сельской Молодёжи.
2. Союз является объединением сельской молодёжи, имеющим целью повышение духовного и хозяйственного уровня и гражданского чувства своих членов, обогащение культуры села и Речи Посполитой.
3. Союз является юридической единицей и обладает всеми правами культурно-просветительской организации.
4. Союз имеет печать с надписью ПВССМ и символом ССМ по середине.
5. Союз является членом Центрального Союза Сельской Молодёжи в Варшаве.

Союз согласно своим целям организует своих членов для выполнения различного рода работы, в частности:

a) организации и проведении чтений, библиотек, лекций, дискуссионных собраний, вечеров, хорового пения, оркестров, театральных представлений, спортивных мероприятий, сельскохозяйственного обучения, молодёжных конкурсов, показа своих достижений и вообще проведении культурно-просветительской, общественной и сельскохозяйственно-воспитательной деятельности;

b) строительства, организации и проведении народных домов, светлиц, залов для занятий, гимнастических и театральных залов, спортивных площадок, кино и радиоустановок и т. д.;

c) создания Касс Братской Помощи.

Дела партийно-политического характера не входят в сферу деятельности ПВССМ.

6. Усадьба находится в Бресте над Бугом и проводит деятельность на территории следующих поветов Полесского воеводства: Брест, Кобрин, Коссово, Пружаны, Дрогичин, Камень-Коширский, Пинск, Лунинец, Столин, Сарны.

II. Членство.

7. Полноправным членом Союза может быть гражданин или гражданка РП, живущая на территории деятельности Союза, в полноправном возрасте. Младшие, начиная с 16 лет, принимают участие в деятельности Союза в качестве воспитанников (учеников).
8. Членов принимают исполнительные органы Союза.
9. Каждый член обязан принимать активное участие в работе Союза, признавать Устав и постановления Общих Съездов ПВССМ.
10. Членство в Союзе прекращается после письменного заявления. Член может быть исключён исполнительными органами, если:

a) его поступки не соответствуют настоящему Уставу;

b) если он не выполняет принятых обязательств.

III. Отделы Союза.

11. Союз имеет право создавать территориальные отделы двух типов: местные и поветовые.

12. Местный отдел под названием «Кружок Сельской Молодёжи» может быть создан при наличии не менее 10 членов.

13. Поветовый отдел под названием «Окружной ССМ» может быть открыт при желании 6 местных отделов.

14. Открытие происходит через исполнительные органы ПВССМ.

15. Закрытие местных отделов происходит в силу решения 2/3 членов Президиума, поветовых отделов – решением 2/3 членов Правления.

16. Деятельность местных отделов подлежит контролю исполнительных органов Правления.

IV. Руководство Союза.

17. a) Общий Съезд делегатов Центрального ССМ и руководство Центрального ССМ;

b) Общий Съезд ПВССМ;

c) Правление ПВССМ;

d) Президиум ПВССМ.

18. Высшая власть принадлежит Общему Съезду ЦССМ.

19. Общий Съезд ПВССМ состоит из делегатов Кружков и Окружных ССМ. Местные отделы высылают по 1 делегату от каждых 15 членов, ОССМ по 1 представителю Правления, кроме того, в состав Съезда входят все члены Правления и Ревизионная Комиссия.

20. Общий Съезд собирается Правлением, рассылающим приглашения не позже чем за месяц. Собранный таким образом Съезд является правомочным, не смотря на количество прибывших делегатов. Решения принимаются простым большинством голосов. 2/3 голосов необходимы только для изменения нынешнего устава и решения о закрытии Союза.

Выборы в Правление Союза происходят путём тайного голосования, в других случаях способ голосования определяет Общий Съезд. Протоколы Съезда подписывают Председатель и Секретарь Съезда.

Съезды могут быть чрезвычайными и обычными. Обычные съезды проходят ежегодно, не позднее июня. Съезд может быть созван в любое время решением Правления, Ревизионной Комиссии или по требованию не менее 5 поветовых отделов.

21. Компетенция Съезда:

a) утверждение годового финансово-имущественного отчёта, плана работы и бюджета;

b) избрание и снятие членов Правления и Ревизионной Комиссии;

c) введение и изменение правил отделов и Правления;

d) постановления о изменении устава и роспуске Союза;

e) решения по всем другим вопросам деятельности Союза.

22. Правление Союза состоит из 9 членов, избранных Общим Съездом, который также избирает 4 их заместителей. Члены Правления избираются на

3 года. Ежегодно из Правления уходит 1/3 членов, при чём первые два года по жребию, а затем по очерёдности избрания. Вышедший может быть избран заново. Сроком нахождения на должности считается время от одного обычного Съезда до другого. Правление имеет право приглашать к сотрудничеству представителей других общественных организаций, работающих с Союзом в качестве специалистов с совещательным голосом.

23. Компетенция Правления:

a) избрание членов Президиума;

b) исполнение постановлений Съездов ЦССМ и ПССМ и решений ЦССМ;

c) управление Союзом во всех делах, не лежащих в сфере компетенции съезда;

d) составление годового отчёта, бюджета и плана на будущий год;

e) распоряжение фондами в границах бюджета; недвижимостью по решению Общего Съезда;

f) ведение отчётности согласно с принятыми правовыми нормами.

24. Заседание Правления происходит не менее 4 раз в год. Для правомочности решения необходимо согласие не менее 5 членов Правления, в том числе Председателя или его заместителя. Решения принимаются простым большинством голосов, голос Председателя считается решающим. Протоколы собраний подписывают Председатель и секретарь.

25. На первом после Съезда собрании Правления избирается Президиум. Выборы являются тайными. Президиум состоит из 4 человек: Председателя, его заместителя, казначея и Секретаря – руководителя Союза.

26. Президиум представляет Союз, руководит им в границах определённых Правлением, правилами и решениями Съезда.

27. Председатель следит за течением дел Союза, председательствует на заседаниях Президиума, Правления и Съезда. В случае необходимости его заменяет заместитель.

28. Руководителя Союза назначает Центральный Союз в согласии с ПВССМ установленным уставом способом. Руководитель Союза отвечает перед руководством ЦССМ и ПВССМ, ведёт дела Союза, подписывает корреспонденцию в вопросах не требующих одобрения Правления и Президиума.

29. Ревизионная Комиссия состоит из 5 членов, избираемых ежегодно Съездом. Комиссия исполняет свои обязанности при наличии не менее 3 человек. Не менее 1 раза в год РК обязана проверить состояние фондов, все расходы и доходы Союза и предоставить отчёт на Съезде. Комиссия имеет право привлекать к сотрудничеству специалистов.

30. Дела, связанные со специальной деятельностью Союза становятся предметом деятельности Специальных Комиссий.

V. Принадлежность Союза.

31. ПВССМ является членом ЦССМ в Варшаве и подчиняется всем его организационно-программным, методическим и идеологическим решениям, согласен с действующим уставом и юридическими предписаниями.

32. Символом ПВССМ является изображение щита с буквами Z. M. W. по середине, окружённое колосьями с двумя серпами и надписью «Siew» вверху. Этот символ используется на знамёнах, печатях и значках членов.

VI. Фонды Союза.

33. Фонды ПВССМ образуются за счёт:

a) членских взносов, вносимых ежегодно каждым членом, в размере установленном Общим Съездом;

b) помощи и пожертвований общественных и государственных организаций и частных лиц;

c) доходов, получаемых от мероприятий проводимых Союзом.

VII. Роспуск ПВССМ.

34. В случае роспуска ПВССМ его собственность переходит к ЦССМ и используется для культурно-просветительской работы среди сельской молодёжи.

VIII. Изменение Устава.

35. Все изменения Устава могут проводиться через Общий Съезд ПВССМ.

Приложение 3.

Список студенческих организаций УСБ в 1937/1938 учебном году.

Научные объединения:

1. Кружок студентов-полонистов УСБ;
2. Кружок студентов-историков УСБ;
3. Филологический кружок студентов УСБ;
4. Философский кружок студентов УСБ;
5. Академический кружок друзей белорусознания УСБ;
6. Кружок германистов студентов УСБ;
7. Археологический кружок студентов УСБ;
8. Кружок правоведов студентов УСБ;
9. Академический кружок правоведов евреев УСБ;
10. Кружок теологов студентов УСБ;
11. Кружок биологов студентов УСБ;
12. Кружок биологов студентов евреев УСБ;
13. Кружок химиков студентов УСБ;
14. Кружок химиков студентов-евреев УСБ;
15. Математико-физический и астрономический кружок студентов УСБ;
16. Кружок математиков, физиков и астрономов УСБ;
17. Кружок аграрников студентов УСБ;
18. Кружок аграрников студентов евреев УСБ;
19. Кружок медиков студентов УСБ;
20. Объединение медиков студентов евреев УСБ;
21. Академическое фармацевтическое товарищество «Лехия» УСБ;
22. Кружок студентов факультета исскуств УСБ;
23. Кружок студентов-гуманитариев евреев.

Организации взаимопомощи:

1. Братская Помощь польской академической молодёжи УСБ;
2. Объединение Взаимной Помощи студентов евреев УСБ.

Идейно-воспитательные объединения:

1. Академический Легион Молодых УСБ – Союз работы для Государства;
2. Объединение католической академической молодёжи «Возрождение»;
3. Объединение католической академической молодёжи «Ювентус Христиания»;
4. Академический миссионерский кружок в Вильно;
5. Марианское религиозное братство студентов-юношей УСБ;
6. Марианское религиозное братство студенток УСБ;
7. Союз студентов литовцев УСБ;
8. Союз русских студентов УСБ;
9. Кружок студентов украинцев УСБ;
10. Союз студентов белорусов УСБ;

11. Виленский академический кружок туристов;
12. Академический сионистский союз «Кадимах»;
13. Союз крестьянской молодёжи студентов УСБ;
14. Союз польской академической молодёжи «Национальная молодёжь»;
15. Союз Молодой Польши студентов УСБ;
16. Польская академическая конфедерация «Гладия»;
17. Академический союз «Эрец удрор» («Земля и воля»);
18. «Коллегия Леонардо да Винчи»;
19. Польская народная молодёжь студентов УСБ;
20. Академический кружок развития восточных земель;
21. Союз исправления академической жизни УСБ.

Региональные объединения:

1. Академический кружок лодзинцев в Вильно;
2. Академический кружок Новогрудского воеводства в Вильно;
3. Академический кружок студентов гродненцев УСБ;
4. Академический кружок белостокцев в Вильно;
5. Кружок диснян студентов УСБ в Вильно;
6. Союз польской академической молодёжи в Новой Вилейке;
7. Академический кружок сувальчан УСБ;
8. Союз студентов северо-восточных земель РП;
9. Академический кружок студентов западных земель;
10. Академический кружок ломжан.

Культурно-товарищеские объединения:

1. Академический конвент «Полония»;
2. Академический Конвент «Батория»;
3. Польская академическая корпорация «Полесия»;
4. Польская академическая корпорация «Вильненсия»;
5. Польская академическая корпорация «Кресовия»;
6. Академическая корпорация «Сняделция»;
7. Академическая корпорация «Леонидания»;
8. Академическая корпорация «Конкордия Вильненсис»;
9. Польская академическая корпорация «Пилсудия»;
10. Академический конвент «Рутэния Вильненсис»;
11. Академическая корпорация «Филоматия»;
12. Академическая корпорация «Конрадия».

Различные объединения:

1. Академический кружок «Польской Матери школьной» в Вильно;
2. Академический Морской союз РП в Вильно;
3. Виленское отделение Польского академического союза международного сближения «Лига».

Спортивные объединения:

1. Академический спортивный союз;
2. Еврейский академический спортивный союз.

Приложение 4.

Национальный состав организаций КСМ к 1 съезду КСМЗБ (1931 г.).

Округ	Всего членов	В городах				В деревнях и местечках				
		всего	Из них:			всего	из них:			
			бел.	пол.	евр.		бел.	укр.	пол.	евр.
Белосток	78	34	0	3	31	4	28	0	4	12
Брест	353	20	0	0	20	33	30	296	0	7
Лида	36	8	0	1	7	28	14	0	2	12
Пинск	156	36	1	0	35	120	50	60	0	10
Гродно	173	32	0	0	32	141	121	0	2	18
Ошмяны	60	0	0	0	0	60	51	0	0	9
Вильно	102	102	34	5	63	0	0	0	0	0
Свентяны	200	18	8	0	10	182	171	0	0	11
ВСЕГО	**1158**	**250**	**43**	**9**	**198**	**908**	**465**	**356**	**8**	**79**

Первичные ячейки КСМЗБ (1931 г.).

Округ	В городах			В деревняхи местечках		
	Производственные	Профсоюзные	Другие	Батрацкие	Местечковые	Крестьянские
Белосток	2	4	1			5
Брест	0	4	0			42
Лида	0	3	0			5
Пинск	2	8	0			18
Гродно	0	5	1			32
Ошмяны	0	0	0			10
Вильно	2	13	7			0
Свентяны	1	3	0			28
ВСЕГО	**7**	**40**	**9**			**140**

Примечание: Таблицы составлены без данных о Барановическом округе КСМЗБ, связь с которым была потеряна накануне съезда. Данный округ предположительно насчитывал в то время около 50-70 человек.

(НАРБ, Ф. 242 п, оп. 1, Д. 401, Л. 204).

Приложение 5.

Устав объединения еврейской молодёжи имени Трумпельдора в Польше («Брит-Трумпельдор» - «Бейтар»).

I. Название, усадьба и территория деятельности.

1. Объединение носит название «Объединение еврейской молодёжи имени Трумпельдора в Польше» («Брит Трумпельдор», «Бейтар»). Отделения носят такое же название с дополнением, определяющим местность (например, Люблинское отделение).

Территорией деятельности является Речь Посполитая, центральная усадьба объединения находится в Варшаве.

II. Цели.

2. Брит Трумпельдор – Бейтар имеет следующие цели:

1) воспитание молодёжи для формирования характеров, физического развития, развития национальных чувств, воспитания стремлений и умений общественной жизни (для этого организация сотрудничает с семьёй), а также подготовку к физическому и профессиональному труду в Палестине.

2) развитие у членов Объединения гражданского чувства и лояльности по отношению к Польскому государству.

III. Средства действия.

3. Достигать своих целей Брит Трумпельдор Бейтар, соблюдая законодательные предписания, намеревается:

1) через организацию в отделениях игр и забав, гимнастических занятий, походов и летних колоний, лагерей и курсов, физического воспитания, слётов, бесед, докладов, товарищеских собраний, библиотек, издание газет и книг.

Вышеназванную деятельность Союз проводит в соответствии с законом.

IV. Членство.

4. Члены Брит Трумпельдор Бейтар делятся на:

a) правомочных,

b) неправомочных,

c) поддерживающих,

d) почётных.

5. Правомочным членом может стать каждый совершеннолетний еврейской национальности, принятый Главным Правлением Брит Трумпельдор Бейтар.

6. Обязанности правомочного члена следующие:

1) активное участие в работе объединения, соблюдение устава и постановлений объединения;

2) уплата ежегодного взноса в кассу правления в размере 12 злотых.

7. Поддерживающими членами автоматически становятся правомочные члены после трёхлетней работы в Объединении и

каждый совершеннолетнее лицо еврейской национальности, симпатизирующее Союзу и принятое Главным Правлением, согласно полномочиям этого органа.
Поддерживающие члены не обязаны активно участвовать в работе объединения, но должны платить не меньшие взносы, чем правомочные члены.
8. Почётными членами могут стать лица избранные Общим Съездом.
9. Все члены имеют право пользоваться всеми учреждениями Объединения «БТБ» и участвовать во всех мероприятиях организации.
10. Все члены имеют право избирать и быть избранными на выборах руководства Объединения.
11. Главное Правление по решению Суда Объединения может исключить из организации членов, которые:
1) совершили нечестный поступок;
2) не соблюдают устав и распоряжения.

V. Руководство Объединения.

12. Руководством Объединения являются:
a) Общий Съезд;
b) Главное Правление;
c) Ревизионная Комиссия;
d) Верховный Суд Объединения.
13. Общий Съезд является высшим органом Объединения и избирает:
1) Главное Правление;
2) Ревизионную Комиссию;
3) Верховный Суд Объединения;
4) принимает отчёт Главного Правления и Ревизионной Комиссии;
5) наделяет Главное Правление полномочиями;
6) утверждает бюджет;
7) устанавливает плату за пользование имуществом организации;
8) решает вопросы покупки и продажи недвижимости;
9) решает все дела, которые не предусмотрены уставом и указаниями, принятыми Общим Съездом по отношению к нижестоящему руководству;
10) решает вопросы изменения устава и ликвидации Объединения.
14. В Общем Съезде принимают участие:
1) делегации от членов отделений;
2) все члены Главного Правления.
15. Административный год Объединения соответствует календарному году. Обыкновенный Общий Съезд проходит раз в два года в первой половине календарного года. Его созывает Главное Правление. Чрезвычайный Общий Съезд созывает Главное Правление по решению:
1) как минимум 6-ти своих членов;

2) по желанию Ревизионной Комиссии;
3) по письменному желанию 50 отделений.

Требование созыва Общего Съезда должно быть предложено письменно с указанием предполагаемого порядка дня. Главное Правление имеет право дополнить этот порядок дня. Главное Правление обязано созвать Чрезвычайный Общий Съезд на протяжении 2 месяцев после поступления должным образом оформленного требования.

16. Общий Съезд является правомочным при наличии половины делегатов, имеющих право в нём участвовать. В случае отсутствия кворума в первый раз, во второй раз собрание может быть проведено на час позже с тем же порядком дня. Повторный съезд является правомочным не смотря на число присутствующих, о чём должно быть упомянуто в уведомлении.

Главное Правление созывает Общий Съезд письменным уведомлением Правлений отделений минимум за месяц с сообщением порядка дня, и через объявление как минимум в одной газете выходящей в Варшаве.

17. Главное Правление состоит из восьми членов избираемых на два года Общим Съездом, из них минимум 6 является правомочными членами.

Протокол, правовые акты и все обязательства от имени Объединения БТБ и внешнюю корреспонденцию подписывают руководитель или его заместитель и секретарь; денежные счета подписывает казначей или его заместитель, уполномоченный на это руководством; внутреннюю корреспонденцию Объединения может подписывать от имени Главного Правления каждый из его членов, уполномоченный на это решением Главного Правления.

18. Главное Правление БТБ является руководящим и исполнительным органом Объединения, в частности оно

1) руководит работой БТБ;
2) принимает постановления и предписания, обязательные для всех членов Объединения;
3) принимает решения о купле и продаже движимого имущества, заключает обязательства и принимает дары и пожертвования;
4) следит за соблюдением членами устава, решений Общих Съездов, распоряжений и решений компетентного руководства объединения, причём имеет право отмены решений управлений отделений, не соответствующих уставу и решениям Общих Съездов;
5) представляет Союз вовне;
6) принимает решения о принятии членов;
7) принимает, регистрирует и распускает дружины по решению Правления отделения;
8) обрабатывает уставы и предписания на основе решений Общего Съезда и издаёт распоряжения и инструкции в пределах своей

компетенции;
9) принимает решения о роспуске отделений;
10) управляет имуществом Объединения, наблюдает за хозяйством отделений;
11) составляет отчёт о деятельности и предоставляет его Общему Съезду.
Обычные собрания Главного Правления проходят раз в месяц. Их собирает руководитель или его заместитель. Собрание является правомочным при наличии пяти членов, если присутствует руководитель или его заместитель.
19. Ревизионная Комиссия состоит из 5 членов избранных Общим Съездом на два года. Она осуществляет контроль за финансами Главного Правления в соответствии с законами и принятыми обычаями, утверждает счета и бухгалтерские книги, которые ведёт казначей Главного Правления, и составляет отчёт для Общего Съезда.
20. Верховный Суд Объединения избирается на Общем Съезде в составе 5 человек из числа совершеннолетних членов Объединения «БТБ» для рассмотрения обращений членов, обвинённых в неэтичных поступках и исключённых судами отделений.
Суд рассматривает дела и принимает решения в составе как минимум 3 членов. Решения Верховного Суда являются окончательными.

VI. Отделения Объединения «БТБ».

21. Для осуществления указанных в уставе Объединения «БТБ» целей и задач на территории, определённой Главным Правлением Объединения и с его согласия могут быть организованы Отделения Объединения.
22. Отделения Объединения пользуются внутренней автономией.
Организация отделения является следующей:
1) создаётся по решению Главного Правления;
2) руководством отделения являются:
a) Общее Собрание Отделения;
b) Правление Отделения;
c) Ревизионная Комиссия;
d) Суд отделения.
Общее Собрание Отделения собирается не менее раза в год и к его компетенции относятся:
a) избрание Правления;
b) избрание Ревизионной Комиссии;
c) избрание Суда Отделения;
d) утверждение бюджета и отчёта Правления.
Решения принимаются простым большинством голосов присутствующих на собрании, не смотря на количество участников.
Правление Отделения состоит не менее чем из 3 человек и избирает

из своего состава председателя, казначея, секретаря, их возможных заместителей. Правление составляет бюджет, отчёт для Общего Съезда, представляет отделение вовне; документы подписываются двумя членами Правления, в том числе председателем или его заместителем.

Ревизионная Комиссия состоит как минимум из 3 человек, не являющихся членами Правления. Её компетенция аналогична параграфу 19, в соответствии с Общим Собранием членов Отделения.

Суд Отделения состоит из 5 совершеннолетних членов отделения. Он разрешает все споры в жизни организации и споры между отдельными членами. Его решения правомочны при наличии минимум 3-х членов Суда.

Решения, касающиеся исключения из организации являются правомочными после утверждения их Верховным Судом Объединения.

23. Решения Отделения не могут противоречить решениям Общего Съезда Объединения, за чем следит Главное Правление Объединения.

24. За хозяйственные и финансовые действия Отделения Главное Правление отвечает при условии, что они были осуществлены с ведома и разрешения Главного Правления.

VII. Фонды Объединения «БТБ».

25. Фонды формируются:

a) из членских взносов;

b) из оплаты за пользование имуществом Объединения в соответствии с ежегодно устанавливаемой Главным Правлением нормой;

c) из платы Правлений Отделений в размере 10% от их постоянных доходов после получения данной суммы Правлением Отделения. Главное Правление имеет право отчислить 10% от пожертвованных сумм на специальные цели;

d) из общественных пособий;

e) от предприятий и издательской деятельности;

f) от доходов с имущества Объединения;

g) из пожертвований, даров, подписки и т.п.

VIII. Форма, знаки и печать.

26. Члены Объединения имеют право носить форму и знак, определённый уставом после утверждения их государственными властями.

27. Объединение обладает круглой печатью с изображением меноры. Надпись на печати Главного Правления: «Stowarzyszenie młodzieży Żydowskiej imienia Trumpeldora w Polsce – Zarząd Głowny».

Надписи на печатях уполномоченных органов Главного Правления определяет отдельный устав.

IX. Изменения устава и ликвидация Объединения.

28. Для решения об изменении устава требуется согласие 2/3 присутствующих на Общем Съезде.

29. Ликвидация Объединения требует согласия ¾ присутствующих при наличии половины делегатов существующих отделений. В случае ликвидации решение о судьбе имущества принимает последний Общий Съезд. В случае невозможности его проведения – Главное Правление. Оставшееся после ликвидации имущество будет передано на благотворительные цели.

X. Юридическое лицо.

30. Объединение БТБ является юридическим лицом и обладает всеми вытекающими из этого правами.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГЛАВА 2. ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МОЛОДЁЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1929-1939 ГОДАХ
2. 1. Политика правящих кругов II РП по отношению к молодёжи в предвоенный период (1929-1939
2. 2. Идеология, организационная структура и состав ведущих проправительственных молодёжных союзов
2. 3. Практическая, организационная и внутрисоюзная деятельность проправительственных молодёжных организаций

ГЛАВА 3. МОЛОДЁЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЛЕВОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА
3. 1. Организационная структура, национальный и социальный состав молодёжных организаций демократической ориентации
3. 2. Основные направления деятельности молодёжных союзов левой и демократической ориентации
3. 3. Отношение КСМЗБ с другими молодёжными организациями, борьба за фронт молодого поколения

ГЛАВА 4. КЛЕРИКАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА
4. 1. Католические молодёжные организации
4. 2.Белорусское национально-демократическое молодёжное движение в 30-е годы XX века
4. 3.Еврейские молодёжные организации на территории Западной Беларуси

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ
ПРИЛОЖЕНИЯ